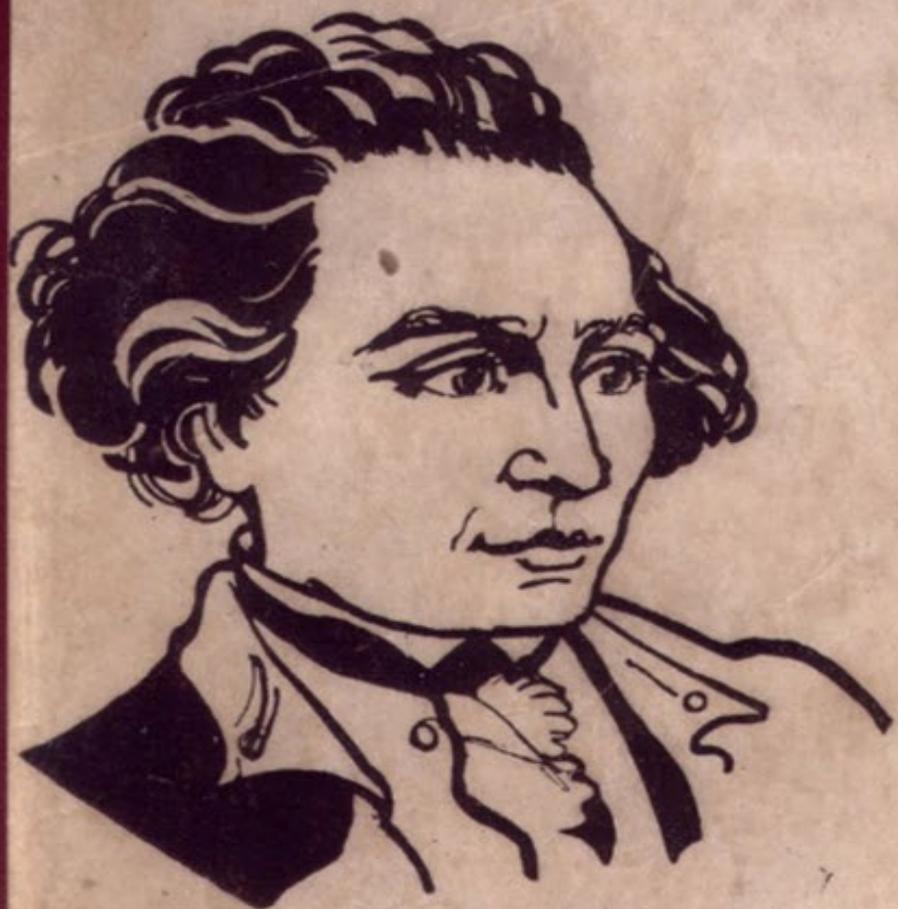

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ**

ДЖЕМС КУК

В. ВЛАДИМИРОВ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман об известном английском мореплавателе Джеймсе Куке (1728-79).

В тексте сохранена орфография оригинала. — Примечание оцифровщика.

В. Н. Владимиров. Под таким псевдонимом в Советской России издавался князь Владимир Николаевич Долгоруков (26.08.1893–25.08.1966).

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [В. ВЛАДИМИРОВ](#)
 -
 - [INFO](#)
 -
 - [ПРАВО НА ЖИЗНЬ](#)
 - [ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ](#)
 - [ДРУЗЬЯ И ВРАГИ](#)
 - [ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ](#)
 - [К «НЕВЕДОМОЙ ЮЖНОЙ ЗЕМЛЕ»](#)
 - [ПЕРВЫЙ КРУГ](#)
 - [ВТОРОЙ КРУГ](#)
 - [ЗОЛОТОЙ КОРАБЛИК](#)
 - [ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ](#)
 - [ОСТРОВА ТОВАРИЩЕСТВА](#)
 - [ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА](#)
 - [ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ](#)
 - [НАСЛЕДСТВО](#)

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК XI—XII

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

**В КНИГЕ 13 ИЛЛЮСТРАЦИЙ
И КАРТА**

В. ВЛАДИМИРОВ

ДЖЕМС КУК

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА 1933

*

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. Горького, Мих. Кольцова, А. Н. Тихонова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Горький, акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Гессен, проф. И. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, проф. А. П. Пинкевич, Н. А. Семашко, В. М. Свердлов, А. Н. Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин, проф. О. Ю. Шмидт.

М.: Журн. газетное объединение, 1933.

INFO

Обложка П. Алякринского
Технический редактор Л. И. Свешникова

Уполн. Главлита В—59698
Зак тип. 472
Тираж 40 000 экз.
Колич. знаков в бум, листе 88 000
Стат А₈—148x210 м.
Колич. бум. листов 6 ¹/₄

Сдана книга в набор 16/IV
Подписана к печати 7/VI 1—1933 г.

Отп. в 7-й тип. Мособлполиграфа «Искра революции»,
Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

*«Доказательством того, что метры ив обладают
здравым смыслом, служит то, что они более придают
значение стеклянному ожерелью, нежели золоту, столь
важному для наций просвещенных».*

(Монтескье, «Дух законов» XV, 5).

Предполагают, что компас был изобретен итальянцем Флавио Джона в XIV веке. Может быть, им пользовались гораздо раньше. Древние мореходы — финикияне, ища торговых путей, прошли из Красного моря в Средиземное через Гибралтар, обогнув Африку. Народы Северной Европы плавали к берегам Исландии, Гренландии, Северной Америки и Западной Африки. К мировой сокровищнице — Индии издревле тянулись верблюжьи караваны от Нила до Красного моря. Когда арабы опустошили Египет и закрыли пути, галеры итальянских купцов поплыли в Черное море, крепости генуэзцев увенчали вершины крымских скал. Торговые фактории выросли на берегах Каспийского моря, Инда, Евфрата и Персидского залива и наполнились индийскими алмазами, перлами Цейлона, слоновой костью, китайскими шелками, драгоценными сортами дерева, зерном,

пряностями, благовониями и невольниками. Торговля рабами шла бойко со всеми черноморскими и средиземноморскими странами. В 1453 году янычары султана Магомета II, победив Византию — союзницу итальянцев, сожгли Перу и Галату — главную базу генуэзских толстосумов, а в 1475 году водрузили зеленое знамя пророка на развалинах их крепостей и, жестоко расправившись с консулами «светлейшей» республики, изгнали итальянских купцов с Черноморья. Внутренние раздоры помешали генуэзцам продолжать искать путей в «счастливую» Индию, хотя экспедиция, дерзнувшая выйти в океан, и открыла Мадейру, Канарские и Азорские острова. Извечные конкуренты генуэзцев — венецианцы — союзники египетского султана, вновь открывшего пути по Нилу, захватили торговлю с Востоком в свои руки. К концу XV века торговый капитал, овладев новейшими изобретениями в области книгопечатания, военного дела, кораблестроения и навигации, устремился к отысканию новых, более удобных морских путей в Индию и Китай, к открытию новых материков и островов, к завоеванию новых народов. Сферичность земли и возможность кругосветного путешествия поддерживались астрологами, изучившими Аристотеля и Птоломея. По данным португальца Марко Поло, побывавшего в XIII веке в Индии, Китае и Японии, догадывались об округлости земли. В XV веке португальские ученые по восходу и заходу полярной звезды и солнца подтвердили это предположение.

Возможность кругосветного путешествия была почти доказана. Книги, порох и компас раскрывали необычайные возможности к господству над народами, странами, морями. Конец XV века ознаменовался открытием Америки Христофором Колумбом и путешествием португальца Васко-де-Гама в Каликут. Каравеллы испанских конквистадоров, португальских купцов устремились в новые земли, огнем и мечом, хитростью и насилием поработав туземные племена, нагружая доверху свои корабли золотом, серебром, драгоценными камнями, перцем, гвоздикой, мускатным орехом и рабами. Колумб отправил в Европу двенадцать кораблей, груженых индейцами. Это были пленные «бунтовщики», защищавшиеся от насилий завоевателей. Торговля живым товаром освещалась церковью. Священники, сопровождавшие Колумба, оправдывали отправку рабов в Испанию спасением их душ по принятии ими там христианской веры. Рабство проникало вместе с новыми формами капиталистических предприятий — сахарных плантаций, оборудованных машинами (вальцами для выдавливания сока из тростника). Все это оправдывалось высокой миссией обращения в христианство. Катехизис и молитвы затверживались индейцами на непонятном для них языке. В XVI и XVII веке западное

побережье Африки, Индия, Малабарский берег, Зондские острова и Южная Америка кишели искателями счастья, купцами, военными. Голландцы, португальцы, испанцы оспаривали право первенства на тот или иной клочок земли, островок, бухту. Дрались с маврами, дрались с различными островитянами, дрались между собой. Испанские и португальские короли переуступали и перепродавали друг другу острова, прииски, города. Споры между испанцами и португальцами после открытия Америки возросли до того, что главе католической церкви, римскому папе Александру VI, пришлось мирить ретивых мореплавателей. Наместник Христа ловко вышел из положения: он провел «демаркационную линию» по карте мира, через полюсы, по Птолемееву меридиану и благословил португальцев считать своим все, что они завоюют к востоку от этой линии, а испанцев — к западу. В 1520 году португалец Магеллан совершил первое кругосветное путешествие. Он крестил туземных царей, служил обедни, водружал кресты на горах, обменивал стеклянные бусы на золото. Этот отважный мореход погиб в бою в 1521 году на Филиппинских островах от отравленной стрелы туземца. Кровь и золото — знаменья этих двух веков. Их сущность — расцвет колониальных обогащений сильнейших держав Западной Европы за счет порабощения диких племен, стоящих на низком уровне культурного развития. Интересы торговых домов и военных министерств, рьяно принявших за оборудование новых верфей и снаряжение морских экспедиций, требовали новых изобретений в области навигации, приборов, необходимых кораблевождению, астрономии, естествознанию. В сравнительно короткое время были изобретены морские хронометры, микроскоп, термоскоп, зрительные и астрономические трубы, барометр, усовершенствованный компас, анкерные часы и часовой маятник, манометр и воздушный насос, графитный карандаш и фосфор. Из года в год совершенствовалась постройка кораблей, их оснащение и военное снаряжение. Росли судовые верфи, рос тоннаж торговых и военных флотов Европы. Завоеванные моря открывали мало-по-малу политические горизонты, раздвигая все шире и шире сферу экономических отношений европейских государств и растущей политической значимости Нового Света.

Золотая лихорадка убила испанских и португальских искателей счастья. На смену пылким конкистадорам явились хладнокровные, расчетливые англичане, деловито завоевывавшие первенство на морях, забивая своих исконных конкурентов голландцев, запутавшихся в головокружительных спекуляциях, контрабандной торговле и военных авантюрах. Кофе, индиго, тростниковый сахар, хинная корка стали

пересыпаться в английские мешки.

Еще в конце XVI века голландские торговые компании для торговли с Индией соперничали друг с другом в количестве кораблей, умножении рейсов, скупке товаров. Бешеная конкуренция с естественным падением цен чуть было не привела к полнейшему краху. Это было в 1602 году, когда, наконец, был найден способ остановить разорение созданием Соединенной ост-индской компании. Объединившись на почве борьбы с испанскими и португальскими торговыми домами, голландский капитал укрепился в Индии и на Молуккских островах с главной базой в Батавии. Число судов, курсировавших между Европой и Индией, было доведено до сорока в год и до семи тысяч матросов обслуживали этот флот. Соперничая с торговыми флотами Испании, Португалии и Англии, борясь за торговое и колониальное господство, умножая из года в год свои прибыли, Соединенная компания приобрела крупное политическое значение. Вооружив корабли, она создала сильный военный флот и, снабжая деньгами правительство Нидерландов, стала фактическим хозяином страны и колоний. В течение сорока лет не прекращалась упорная борьба с конкурентами, закончившаяся победой над испанскими и португальскими купцами, окончательно вытесненными из индийского архипелага. Но оставался опаснейший и окрепший враг — Английская ост-индская компания, возникшая почти одновременно с голландской, захватывавшая все большую территорию, распространявшаяся по Малабарскому и Корамендальскому берегам, в глубь Индии, в пределы страны Великого Могола, расширявшая зону своих колониальных владений, увеличившая торговый и военный флоты. Неизбежно возникла война, окончившаяся победой Англии и закрепившая английские колониальные завоевания.

Ослабленные Испания и Голландия уступили место крупнейшей силе — Франции, владевшей обширными колониями в Северной Америке и угрожавшей Англии на морях. Английская революция 1649 года поколебала устойчивость Ост-индской компании, акции катастрофически падали, и победы Кромвеля над испанцами и голландцами не могли восстановить равновесие. Только реставрация Стюартов ^[1] поправила дела. Курс акций стремительно поднялся на лондонской бирже на двести пятьдесят процентов. Внутрипарламентская борьба, разделившая палаты на представителей торгового капитала и земельной аристократии, купцов и помещиков, велась упорно несколько лет. Завоевательные тенденции королевской партии, стремившейся к полному восстановлению монархического строя, находили поддержку в рядах крупной торговой буржуазии и побеждали либеральствующих вигов, требовавших

непременного сохранения конституционных прерогатив парламентской системы. Огромные барыши, извлекаемые из индийских колоний, укрепляли политическое значение компании, а растущие рядом с американскими колониями владения Франции угрожали серьезнейшей конкуренцией.

Уже в 1686 году Английская ост-индская компания получила право чеканки монеты, а с 1726 года получила все остальные привилегии, обратясь в сильнейшую политическую единицу, вступившую в борьбу с французами. Ост-Индия стала постепенно переходить в руки Великобритании. Восемнадцатый век — эпоха закрепления английской колониальной экспансии в Индии, Австралии, Америке и островах Тихого океана.

Торговля чернокожими рабами приносила колоссальные барыши. Поставка рабочих рук на сахарные плантации в Бразилии стала выгоднейшей монополией. «Торговля неграми, — пишет английский купец, — возбуждает до страсти дух коммерческой предприимчивости, создает знаменитых моряков и приносит огромные деньги».

Со времени опубликования навигационного акта 1651 года, отнявшего у европейских наций право непосредственного обмена с Англией и ее колониями, спасшего Ост-индскую компанию от опасных конкурентов, число торговых кораблей начинает расти, приобретая внушительные размеры первоклассного флота. Система сборов с имений аристократов-роялистов, стоявших в оппозиции к «революционному» режиму, значительные победы на море над Голландией и выгодные договоры с Францией, Данией и Швецией дали возможность увеличить военный флот. Искусная борьба лорда-протектора с оппозицией, поддерживаемая торговой буржуазией в интересах охраны своего экономического благополучия, позволяла вотировать миллионные военные субсидии. Корветы, фрегаты, шлюпы королевского военного флота множились с каждым годом, развозя по всем морям во все концы света солдат, пушки и ядра, материалы и рабочих для постройки фортов и военных баз, страх и смерть новым и новым племенам и угрозу своим гордым соседям, претендующим на такие же «мирные» завоевания. Королевские корабли то и дело снаряжались в «научные» экспедиции для разыскивания новых земель, стараясь опередить такие же французские или голландские корабли.

К концу столетия назревал вооруженный конфликт между двумя сильнейшими державами — Англией и Францией. Исход борьбы должен был окончательно решить, за кем останется колониальное первенство.

Американские колонии стали предметом кровавого спора.

Еще в XVII веке Англия пыталась захватить в свои руки Канаду, принадлежавшую французам. «Новая Франция», как назвал ее Жак Картье, доплывший до верховьев реки св... Лаврентия и водрузивший знамя короля Франциска I, управлялось Торговой компанией. Английские корабли тщетно обстреливали форты Квебека^[2].

Наконец, весной 1755 года Англия объявила войну Франции и начала вербовку матросов в свой выросший за сто лет флот, чтобы направить его к берегам французских колоний. Министерство Валь-поля и «просвещенный» король Георг II решили во что бы то ни стало реабилитировать славу английского оружия, потускневшую в войнах на европейском континенте. Пятидесятые и шестидесятые годы XVIII столетия отмечаются рядом побед и завоеваний в Америке, Индии, испанских колониях. Клонящаяся к закату французская монархия меркнет за лучами возникающей революции.

Блеск свободомыслящей философии растекается далеко за пределы Франции. Либеральные идеи кружат головы министров и ученых. Старая Европа подошла к порогу новой эры.

К этому времени было открыто и исследовано большинство островов Индийского, Тихого и Атлантического океанов. Английские и французские капитаны испещрили карты длинным рядом новых названий. Ученые члены Лондонского королевского общества были заняты разрешением двух важнейших вопросов: существует ли южный материк, необходимый, по мнению многих авторитетов, для равновесия земного шара, и нет ли северного пути в Индию, то есть пролива, соединяющего Атлантический океан с Тихим? В сфере этих двух вопросов зрела научная мысль, ломались копья в ученых заседаниях, в кабинетах и лабораториях, писались ученые записки, диссертации и трактаты, а рядом лорды адмиралтейства заседали в секретных совещаниях, задумывали новые военные экспедиции и, прикрываясь научными целями, снаряжали корабли для разведок удобных гаваней и военных баз. Борьба за рынки, за господство на морях легла в основу политики правительства Англии.

Британский лев, взъерошенный и поджарый, точил когти, уже изрядно испачканные кровью покоренных народов.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

ПО ДОРОГЕ из Гисборо в Стоктон в графстве Дюрам в Йоркшире, в шести милях от этих двух городов, стояла деревушка Мартон, куда переехал рабочий Джек Кук, уроженец северной Англии с семьей и нанялся на ферму. У Джека было девять человек детей.

Сын Джемс родился 27 октября 1728 года. Черноволосый, с живыми темными глазами, мальчуган научился к восьми годам считать до ста и читать по складам Библию. Других книг у почтенной мисс Волькер, сельской учительницы, не было. Родители Джемса добросовестно работали на своего хозяина, чем заслужили хорошую славу среди богатых фермеров края. Джек перешел на службу в качестве старшего рабочего на ферму «Айри-Хольм», близ Антона. Там Джемса отдали в школу, а когда ему минуло тринадцать лет, определили в ученики к галантерейщику Вильямсу Сандерсону в Стэте.

Отец и мать были спокойны за судьбу сына: усвоив хитрую премудрость обхождения с покупателями и торговли булавками, пуговицами и лентами, Джемс сам станет со временем честным торговцем, владельцем лавки, уважаемым горожанином и обеспечит родителям тихую и безбедную старость.

По странному стечению обстоятельств мечтам добрых Куков не пришлось сбыться. Мистер Сандерсон оказался, повидимому, слишком невнимательным к своему ученику. Дело не обошлось, вероятно, без подзатыльников и удержания шести шиллингов месячного жалованья. С сильным характером, упорный в принятых решениях, четырнадцатилетний Джемс, не спросив родителей, высказав хозяину наболевшую обиду, ушел из лавки и нанялся юнгой на угольное судно «Фри-Лов», квакеров Джона и Генри Валькер.

Стэт — крупный рыбопромышленный центр. Порт наполнен рыболовными судами и угольщиками. Море манит своим раздольем, рассказы о плаваниях тревожат воображение. Книжки, попадавшие в галантерейную лавку, говорили о чудесах новых земель, об отваге мореходцев, о храбрости и великодушии капитанов, о загадочных морских даях, таящих неведомо какие острова и материки. Все это насыщало впечатлительный мозг Джемса, он постепенно проникался мыслью о возможности дальнего плавания и постижения науки мореходства.

Контракт, подписанный юнгой, гласил, что он обязуется

добросовестно служить господам Джону и Джемсу Валькер в течение семи лет. Что стоило Джемсу подписать такой контракт? Не возвращаться же, в самом деле, в эту жалкую обстановку галантерейной лавчонки и выслушивать брань мистера Сандерсона? Кроме того, Джемс раз и навсегда решил сделаться моряком, выучиться всему, что надо знать для плавания по океану. Где-то глубоко в сознании копошилась мысль о возможности стать когда-нибудь капитаном корабля. Уверенный в правильности своего поступка, Джемс без колебания согласился подписать все условия хозяев судна.

Плавание на угольщике юнгой, потом матросом не только закалило здоровье, но дало массу практических знаний и укрепило волю. Джемс проявлял усердие, сметливость и к двадцати двум годам был назначен шкипером угольщика. Первый этап был пройден, надо было двигаться дальше, овладевать знаниями, добиваться своей все еще пока очень туманной цели.

Объявление войны Франции застало его врасплох. Судно стояло тогда на Темзе. Бесшабашная и жестокая расправа королевских вербовщиков-офицеров испугала двадцатисемилетнего шкипера. Он предпочел спрятаться, как делали многие. Потом порыв раскаяния заставил его отправиться в Ваппинг на сборный пункт, явиться к офицеру военного корабля «Орел» и заявить, что желает вступить добровольцем в королевский флот.

Шестидесятипушечное судно стало снаряжаться. Осенью оно перешло под команду капитана Хью га Палиссера, который первый заметил Кука, его способности, приблизил его к себе и подружился с ним.

Добрые иоркширские граждане, обуреваемые патриотическими чувствами, просили своего представителя в парламенте похлопотать за их доблестного компатриота, добровольно выступившего на защиту старой Англии. Повидимому, пятно оскорбления семейного очага и галантерейного торговца было смыто окончательно.

Капитан Палиссер получил длинное послание от члена парламента от Скорборо Осбалдестона, излагавшее просьбу земляков Кука позаботиться о молодом моряке и оказать ему необходимую помощь в скорейшем продвижении по службе.

Капитан Палиссер любезно ответил члену парламента, что он сам ценит таланты молодого человека, но, к сожалению, не может вопреки существующих правил произвести Кука в офицеры, что для этого надо ему еще прослужить некоторое время и что он может быть только переведен боцманом на какое-либо судно.

Результатом этой переписки было назначение Кука на шлюп «Грампус». Но прежний боцман не ушел, и Кука тотчас же назначили на «Гирлянду», но фрегат был в море. Тогда на следующий день вышел новый приказ, назначавший его на боевое судно «Меркурий», уходившее в Канаду в эскадру адмирала Сауендерса, осаждавшего в то время вместе с армией генерала Вольфа форты Квебека. Четыре года, проведенные на борту «Орла», и хорошее отношение капитана Палиссера, снабжавшего Кука книгами по навигации, астрономии и математике, долгие беседы с этим образованным офицером-либералом, снизошедшим до настоящей дружбы с простым матросом, заложили крепкий фундамент научный и моральный. Весной 1759 года Джеймс Кук, в качестве добровольца-боцмана на корабле «Меркурий» под командой все того же друга — капитана Палиссера, ушел к берегам Америки.

Умные глаза под густыми бровями жадно и зорко всматривались в морскую даль. Маленькая голова с длинными черными волосами, упорно наклонялась над картами и книгами. Высокая, ладно сложенная фигура молодого боцмана не сгибалась под порывами ветра.

Капитан Джеймс Кук

По гравюре французского издания второго путешествия. Париж, 1778 г.

Второй этап был завоеван с честью.

Квебек стоит в самой глубине залива св. Лаврентия, врезавшегося узкой полосой в Лабрадорский берег у устья широкой и многоводной реки. Чтобы обстрелять судовой артиллерией французские батареи и тем самым

поддержать атаку сухопутных войск, обложивших крепость и лагеря Монморанси и Бопора^[3], надо было вдвинуть корабля в канал, глубина которого была неизвестна. Не исследовав фарватер, нельзя было рисковать подставиться под огонь противника, тем более, что канал проходил близ самого расположения французских войск. Надо было сделать разведку, незаметную неприятелю, чтобы затем застать его врасплох. Палиссер предложил Куку взять на себя эту трудную и ответственную задачу.

Не колеблясь, Кук принимает предложение. Это не только исполнение приказа начальника, не только исполнение долга, это проверка самого себя, своей воли, своих способностей, а главное, знаний, приобретенных собственным упорством. Подготовительная работа была проделана, надо было приложить свои знания, выдержать экзамен.

Темная ночь быстро заволакивает оставленное судно. На волнах шлюпка кажется скорлупкой, человек — еще меньше. Волны подкатываются, вскидывают скорлупу и бросают вперед и вниз. Катящаяся сзади волна сейчас ринется и зальет, сомнет. Но маленький человек работает веслами, борется с сердитой водой, и шлюпка быстро двигается вперед и уходит от преследования в канал, где нет такого волнения, где на зло человеку, задумавшему обмануть своих врагов, царит тишина. Берега острова, вырастая, надвигаются на шлюпку, и плеск весел различается яснее в насторожившейся темноте.

Шесть ночей сряду прошли благополучно. Кук ночью вымерял фарватер, а днем приводил в порядок цифры, делал чертежи для составления подробной карты. Это была первая карта, которую он попробовал начертить сам. Хотелось сделать как можно лучше, подробнее, тщательнее.

Седьмая ночь началась, как и все предыдущие. Но внезапно послышался плеск весел, и Кук увидел силуэты нескольких лодок, двигавшихся на него со стороны неприятеля. По крикам, наполнившим тишину, он понял, что лодки полны «дикарями», посланными французским командованием для его поимки. Оставалось только понадеяться на силу своих мускулов и грести к острову, где был английский караул. Дикарей было много и легкие лодки их двигались быстро.

Кук изо всех сил налегает на весла. Неуклюжая шлюпка хлюпает носом по воде, словно топчется на месте. Передовая лодка преследователей налетает все ближе и ближе.

Удар шлюпки о берег совпал с ударом неприятельской лодки о корму шлюпки. С гиканьем ринулись «дикари». Кук еле успел выпрыгнуть на берег и скрыться за скалами. Туземцы, торжествуя, увели шлюпку.

Адмирал Сауендерс был чрезвычайно удивлен, когда капитан Палиссер представил ему подробнейшую карту точной промерки фарватера у самых неприятельских позиций. Недаром либерал-капитан так усиленно расхваливал ему своего талантливому боцмана. Квебек сдался, очередь была за Монреалем^[4].

Английский флот двигался вверх по течению реки наощупь, не имея точной карты. Речное плавание морских судов становилось опасным. Адмирал отдал приказ послать Кука исследовать речное русло. На этот раз уже с большей уверенностью принялся моряк-самоучка за работу. Четко наносил он все малейшие изгибы берегов, отмечал фарватер, острова и отмели, подчеркивая наиболее опасные для кораблевождения пункты.

Руководствуясь этой картой, английский адмирал подвел флот к укреплениям Монреала и помог сухопутной армии взять город. Весь берег по течению реки св. Лаврентия был очищен от французских войск.

Слух о талантах боцмана Кука разнесся по военным кораблям. Составление карт давалось немногим и ценилось как редкость. Командующий эскадрой у берегов Новой Шотландии, лорд Колвейль потребовал перевода Кука на флагманский корабль «Нортумберланд», стоявший на рейде Галифакса.

Там Кук провел два года. Немного книг, попавшихся ему в руки, были со вниманием изучены. Эвклидовы «Элементы геометрии» положили начало математическим знаниям. Теоремы древнего александрийца, учение о несоизмеримых величинах, свойстве чисел, линий, фигур, поверхностей и тел развивали, дисциплинировали пылкий ум. Пифагор и Коперник научили конфигурации и движению небесных светил. Трактаты по навигации упоминали о первом кругосветном плавании Магеллана, о тщетных попытках мореходов разыскать Южный Материк и о сомнительных открытиях русского капитана Беринга, якобы доказавшего в 1728 году существование северного пролива между Азией и Америкой. Осенью 1762 года «Нортумберланд» вышел к острову Ньюфаундленду, захваченному французами.

На этот раз Куку поручили снять план гавани Плаценции и окружающих ее высот.

В течение своей работы Куку пришлось иметь дело с губернатором Ньюфаундленда адмиралом Грэвсом. Несколько раз встретившись с «этим удивительным ученым-самоучкой, сыном простого рабочего», старый вояка понял, насколько может быть полезен военному флоту Англии такой самородок. Отзывы Палиссера и двух заслуженных адмиралов способствовали благоволению губернатора.

Точное и быстрое исполнение приказаний нравилось военным людям. «Удивительный» боцман завоевал у них прочные симпатии.

В конце 62-го года Джеймс Кук вернулся на родину. Семь лет отсутствия сильно изменили его: уехав юношей, он был теперь взрослым мужчиной, закаленным в плаваниях и морских сражениях.

Старая Англия была прежней, патриархальной, с бедными черепичными деревушками и густыми парками замков. С вялой, дремотной деревенской жизнью и дымной сутолокой торговых портов. С благодушным на словах политиканством у высоких каминов придорожных харчевен и шумными спорами членов парламента в салонах. С теплой меланхоличной желтизной увядающих кленов и едким туманом Лондона. С портером и трубками, министрами и фермерами Англия лордов и купцов была такой же, как семь лет назад, и казалось, ей мало было дела до каких-то неведомых далеких заливов, рек и островов, до сотен людей, погибших ради ее славы.

Вид Лондонской таможни на набережной Темзы

С гравюры, хранящейся Музее изящных искусств в Москве

Вернувшись из далекого плавания, усталому, но счастливому

завоевателю жизни, лондонская туманная осень показалась чудесной. Мутная Темза, когда-то неприветливо покачивавшая грязный угольщик, казалась лучше всех рек Лабрадора. Разве есть на свете что-нибудь восхитительнее уютной английской комнаты, освещенной пламенем камина, высоких кресел, обитых кожей, трубок с длинными чубуками и пенистого портера в глиняных кружках? А разве не во сто раз прекраснее всех скал и водопадов тихая английская дорога, устланная желтыми и красными осенними листьями, шуршащими под колесами почтового дилижанса? Вот как дорога от Лондона в Баркинг. Там тоже есть новые друзья, милые, радушные люди — семейство Бэтс.

Баркинг всего в одиннадцать километрах от Лондона: в Баркинге есть древняя церковь бенедиктинского аббатства, маленькие дома, крытые грифельом, лавочки и харчевни с качающимися на ветру вывесками, с заезжим двором, вечно наполненным топотом лошадей, грохотом карет и скрипом ворог. В Баркинге есть свои политиканы, разрешающие европейские проблемы, за жирной гусятиной спорящие о государственном долге и даже читающие либеральную «North Briton»^[5]. Но лучше всех в Баркниге Елизавета Бэтс.

Она понравилась Куку с первого взгляда. И он, стройный, пышущий здоровьем моряк, участник сражений, отважный и великодушный, был совсем таким, каким Елизавета представляла себе героев повестей, читанных ею. Прогулки по набережной Родинга, потом, с наступлением зимы, уютные беседы с друзьями, тихие вечера у камина...

Двадцать первого декабря своды старой церкви аббатства зазвучали свадебным хоралом.

После сумрака храма снег ослепил белизной. Весело поскрипывали сани и звенели бубенцы. Весело звенели бокалы и голоса друзей. Зачем ехать в неведомые страны? Зачем искать счастья за морями, когда оно уже найдено здесь, в родной, милой Англии? Никогда больше Кук никуда не уедет от жены и друзей. Никогда не променяет тихого счастья в Баркинге на коварную игру морей и мятежную жизнь корабля. Кто смеет говорить, что семейное счастье непрочное? Кто смеет утверждать, что друзья неверны? Кто вообще посмеет запретить ему, счастливому человеку, остаться навсегда возле своей Елизаветы?!

Первые удачи и пылкость характера обратили Кука в юношу. Он искренне верил, что никогда не уедет из Баркинга, никогда не оставит жену; что его карьера моряка закончена, что он обрел счастливую гавань.

Но радость семейной жизни не могла убить в нем жажду знаний, он продолжал занятия математикой, астрономией и работы над картами.

Беседы с друзьями — Безисом, Палиссером — возвращали его мысли к главной цели. Передавая ему возникавшие среди ученых разногласия, споры, то и дело вспыхивающие в королевском обществе, они оживляли замиравшее как будто в нем пламя. Он обманывал себя, утверждая, что не вернется на море.

По Парижскому миру 1763 года. Англия получила от Франции Канаду, Кап-Бретон, острова Сен-Винцент, Доминико и Тобаго, Сенегал в Африке, а от Испании — Флориду. Лорд Клэйв, ставленник Ост-индской торговой компании, завоевал Бенгалию, Бегар и Орису. Число колоний росло.

С 1760 года правил молодой король Георг III. Партия тори подняла голову. Вильям Питт второй раз уходил в отставку. «Друзья короля» боролись с партиями за личную власть монарха. Росла оппозиция. Лорд Бьютт, сменивший Питта, вел двуличную политику, заигрывая с либеральными вигами^[6].

Лорды адмиралтейства, занятые партийными спорами, придворными сплетнями и устройством собственных делишек, мало думали о скучных обязанностях управления вновь завоеванными землями. Адмиралу Грэвсу, опять назначенному губернатором Ньюфаундленда, стоило больших трудов доказать лордам необходимость составления подробной карты берегов острова. Никто не понимал, о чем так заботится беспокойный адмирал.

Получив, наконец, приказ о составлении карты, он предложил Куку в качестве инженера-географа сопровождать его.

И Кук, клявшийся два месяца назад, что не покинет жену, не сумел побороть в себе желания снова очутиться на корабле, снова плыть к берегам Америки. Поездка с адмиралом Грэвсом была вполне понятным продолжением его работы моряка, естественным осуществлением его призвания. Благодатная баркингская весна не помешала Куку сделать верный выбор. Как восемь лет назад, он решился сразу.

Снова выпала нелегкая задача составить карту уступленных французами островов Пьера и Мигелона. Работа должна была быть закончена в месяц — срок, достаточный для задержки Грэвсом под разными благовидными предлогами фрегата французского губернатора, направляющегося на Мигелон, и других судов с колонистами. Исполнив добросовестно и это поручение, в конце лета Кук вернулся в Англию.

Адмирал Грэвс был заменен на посту губернатора Ньюфаундленда и Лабрадора Палиссером. Неисправимый либерал продолжал протезировать «удивительному боцману», гордился своей креатурой и волновался о судьбе отечественной картографии в сто раз больше всех лордов адмиралтейства.

Он и слышать не хотел, чтобы с ним был послан какой-то другой инженер. Во-первых, Кук уже начал съемку берегов Ньюфаундленда, во-вторых, всякий другой напутает и нарисует таких карт, каких уже много в адмиралтействе и по которым ни один опытный капитан не рискнет вести корабль, столько в них неточностей и ошибок.

На этот раз Куку дали название морского инженера, званием приблизив его к чинам военного ведомства.

В течение трех лет работал Кук над составлением подробных карт Ньюфаундленда и восточных берегов Лабрадора. На зиму он возвращался в Англию.

Работа увлекала. Наряду с составлением карт, он занимался астрономией. В августе 1766 года на острове Бургео он наблюдал солнечное затмение и составил ученую записку, одобренную профессорами Оксфорда.

Но самым привлекательным, волнующим было исследование острова. Неудержимая любознательность тянула все дальше и дальше в глубь страны, где не ступала еще нога человека. Неиспытанная радость охватывала все его существо, когда из-за непроходимой чащи сосен и берез вырастала скалистая вершина или блестело вдруг серебро озера. Вместе с охотниками, преследующими оленей и волков, рыбаками, подстерегавшими ход трески, Кук охотился за горами и озерами, заполнял карту новыми штрихами и названиями. Никогда охотник и рыбак не будут удовлетворены размером добычи, никогда исследователь не будет удовлетворен результатами своих работ. Знать больше того, что знаешь, — вот непрестанное желание, неизменная цель пытливого ума.

Упорством и настойчивостью, трудоспособностью, любовью к работе и непреклонной волей к достижению намеченной цели Кук к сорока годам овладел наукой морехода. Капитан Кинг, ходивший с ним в плавание, пишет в своих воспоминаниях: «Крепкое сложение капитана Кука и его привычка к работе делали его способным сопротивляться самой жестокой усталости и самым большим неудобствам... Но что наиболее отличает его, это — постоянная настойчивость, с какой он шел к своей цели. Не только препятствия, усталость, опасности не могли его удержать, но он не знал даже обыкновенной потребности к развлечениям и отдыху. В течение его длительных и тяжелых путешествий его пыл и деятельность не убавлялись ни на одно мгновение...»

Положительные черты характера располагали в его пользу. «Его темперамент был очень сильный, — пишет Самвелль, — а личная жизнь очень умеренной. Скромный, даже застенчивый; его разговор был приятен,

остроумен и поучителен. Он казался иногда слишком вспыльчивым; но его благожелательность и приветливость исправляли этот недостаток...»

1767 год — год завершения третьего, последнего этапа на пути к завоеванию твердых позиций, овладению самых трудных начал жизни и науки. Много трудностей, испытаний и разочарований ждало впереди, но право на жизнь было завоевано. Победив бедность, рутину, традиционный консерватизм научной мысли и бюрократических условностей, Джеймс Кук выпрямился во весь могучий рост и крепко встал у штурвала своего корабля.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

МОНАХИ римской инквизиции в 1600 году сожгли на костре Джордано Бруно, осмеливавшегося поддерживать теорию Коперника и проповедью пантеизма бороться с устарелой философской системой. Католическая церковь объявляла еретиком и чародеем — пособником дьявола всякого, кто пытался научным путем объяснить происхождение и строй вселенной. Злейшей ересью до открытия Америки считалось учение об антиподах. Христофор Колумб пал жертвой происков священников. Труды знаменитого Николая Коперника были осуждены папской буллой за безбожие, противное священному писанию. Одним из первых реформаторов научных методов — Роджер Бэкон в XIII веке провозгласил борьбу со схоластикой, бичуя и высмеивая в своих книгах ученых схоластов: «Математику ошибочно считают наукой трудной, а иногда даже подозрительной только потому, что она имела несчастье быть неизвестной отцам церкви». Осужденный за колдовство, ученый большую часть своей жизни провел в подвалах темницы.

Отец экспериментальной физики — Галилей был осужден священным трибуналом на пожизненное заключение. Утрехтские теологи в 1643 году хотели сжечь книги Декарта. «Быстрый разумом» холмогорский крестьянин Михайло Ломоносов, избранный почетным членом Болонской и Шведской академий, у себя на родине принужден был составлять надписи в стихах для иллюминаций и фейерверков веселой царицы Елисаветы и бороться за народное образование, испытывая всяческие нападки со стороны духовенства и невежества правящих классов.

Всякая живая научная мысль в условиях феодального строя заглушалась, затапывалась богословами и философами, упрямо застывшими в своих устарелых, примитивных утверждениях. Всякий ученый, верующий в прогрессивность науки, отрицающий схоластический метод мышления, объявлялся еретиком, врагом бога.

Методы «приручения» туземцев вновь открываемых стран вызывали постоянные нападки со стороны наиболее образованной и свободомыслящей части интеллигенции. Гуманисты XV–XVI и XVII веков восставали против жестокостей, творившихся в новых колониях в Африке, Индии и Америке. Полное презрение к личности туземца, обращение с ним как со зверем, бессовестный обман и эксплуатация поощрялись правительством и церковью. Вместе с тем, и среди ученых находились

люди, оправдывающие такое обращение и вступавшие в оживленные дебаты со сторонниками гуманного и честного подхода к «дикому» человеку.

В конце XVIII века, в «просвещенной» Англии, впитавшей вместе с учением французских энциклопедистов, философии Монтескье, Вольтера, революционные идеи борцов за права человека, находились ученые — ярые противники кругосветных путешествий и открытий новых стран. Они не только не стояли на точке зрения той или иной колонизаторской политики, но утверждали, что кругосветные путешествия, влекущие за собой открытие новых народов, вообще вредны человечеству, в особенности вновь открываемым народам. Они уверяли, что дикое состояние человека благотворнее состояния цивилизованного.

Были ли искренни эти своеобразные «филантропы» и не выражали ли они чьих-нибудь таившихся мыслей, прямое высказывание которых могло навлечь гнев правительства? Само собой разумеется, что расширение колониальной экспансии, такое выгодное для торгового капитала, ложилось тяжелым бременем на земельную буржуазию и крупных собственников-аристократов. Растущие из года в год налоги и всяческие обложения на постройку флота, снаряжение сомнительных военных экспедиций и содержание гарнизона в колониях, трепали карманы искони утвердившихся на земле крупных владельцев, не мирившихся с завоевательными аппетитами купцов.

Связанная так или иначе с этим классом земледельцев часть ученых служила их интересам, выдвигая какие угодно гипотезы и системы, всячески борясь с так называемой передовой интеллигенцией, ищущей путей для развития науки и в данном случае поддерживаемой правительством и промышленниками, видевшими в ней орудие своих завоевательных замыслов.

Ньютонов закон всемирного тяготения разбил теологическое воззрение о воздействии духовных сил на явления природы. Критика заставила признать новую теорию строгой закономерности явлений природы: движения планет, комет, приливов и отливов океанов. «Зеркальный телескоп», заменивший астролябию, позволил уточнить астрономические наблюдения. Движения планет было излюбленным объектом этих наблюдений. Астрономы составляли подробные звездные каталоги. Математики разрабатывали методы точнейших вычислений движения небесных тел. Астрологические теории древности, расцветшие в XVI веке и поколебленные учениями Тихо, Кеплера, Галилея и Декарта, первых настоящих естествоиспытателей, в XVIII веке были отвергнуты.

В 1768 году Лондонское королевское общество решило послать астрономическую экспедицию, целью которой было наблюдение прохождения планеты Венеры через диск солнца. Это должно было произойти через год и должно было быть наблюдаемо в Тихом океане с островов Товарищества^[7]. Лорд Шелбури представил королю подробную записку, в которой не преминул указать на интерес, проявляемый другими монархами Европы к подобным экспедициям. Это указание возымело действие, и Георг III немедленно дал свое согласие. Королевскому обществу оставалось назначить астрономов-наблюдателей и начальника экспедиции. Был выбран ученый географ и астроном, член Королевского общества Дэльримпль, известный своими книгами о путешествиях в Южное море. Но первый лорд Адмиралтейства категорически отказался доверить судно не моряку. Он ссылаясь на опыт прежних экспедиций, когда экипаж отказывался повиноваться астроному. На этой почве у лорда произошел спор с Дэльримплом, который кончился бы провалом экспедиции, если бы не вмешался секретарь Адмиралтейства Стэфенс, уверивший лорда в необходимости назначения другого, более опытного в морском деле начальника и сразу указал на бывшего боцмана королевских кораблей и инженера-географа на Ньюфаундленде Джемса Кука. Еще год назад доктор Бевис представил его, как «хорошего математика и опытного моряка». Стэфенс прибавил, что Кука хорошо знает губернатор Ньюфаундленда сэр Хьюг Палиссер. Последний приложил все старания, чтобы поддержать Кука, который и был назначен 25 мая начальником экспедиции, в чине лейтенанта. Вместе с Палиссером Кук объездил доки Темзы и выбрал трехсотсемидесятитонное судно.

Назвали его «Усердие» («Endeavour»).

Инструкции президента Королевского общества графа Мортонна говорили не только о наблюдениях Венеры, но и о тщательном обследовании Тихого океана.

Кук тотчас же принялся за снаряжение судна. Набрал экипаж в восемьдесят четыре человека, запаса продовольствием на полтора года и установил десять пушек и двенадцать мортирок.

Вместе с Куком ехали гринвичский астроном Чарльз Грин, ботаник доктор Соландер, хирург Монгауз, молодой энтузиаст Иосиф Бэнкс и художник Паркинсон.

Двадцать седьмого мая в доке Дептфорта Кук вступил в исполнение обязанностей капитана и начальника экспедиции. 30 июня судно отошло вниз по Темзе в Плимут, откуда 26 августа вышло в Атлантический океан и 13 сентября бросило якорь у берегов острова Мадейры, где произошел

неприятный инцидент, несколько омрачивший начало путешествия. Португальская береговая артиллерия не ответила на салют «Усердия». Усмотрев в этом оскорбление британского флага, Кук приказал открыть огонь по форту. К нему присоединился и английский фрегат, стоявший на рейде. Чуть было не произошло крупное столкновение, и горячность молодого капитана чуть было не стала причиной политического конфликта. Опомнившись во-время, обе стороны постарались замять этот случай, не попавший даже в описание путешествия.

От Мадейры Кук решил идти в Рио-де-Жанейро. Месяц плавания прошел спокойно. Острословие астронома Грина и чудаковатая востороженность Бэнкса оживляли однообразие плавания. Светящиеся рыбы занимали внимание естествоиспытателей.

Неожиданная встреча ожидала Кука в Рио-де-Жанейро. Португальский вице-король оказался хитрым человеком. Он говорил, что не понимает цели путешествия англичан. Не может быть, чтобы вооруженный корабль шел с мирными целями? Где это видано, чтобы пушки ставились так, на всякий случай, а англичане одетые в военную форму отправлялись бог знает куда только для того, чтобы посмотреть в трубу на какую-то звезду?

Соблюдая все правила учтивости, Кук старался доказать португальцу мирную цель своего путешествия. Ученые наперерыв толковали ему о движении планеты. Но вице-король притворялся, что ничего не понимает, хотя и уверял, что ему самому будет забавно поглядеть, как «полярная звезда пройдет на южный полюс».

Благоразумный начальник экспедиции решил не спорить больше с вице-королем и запастись водой и провизией. Когда же капитан проходившего испанского корабля предложил ему свои услуги по передаче писем в Англию, Кук составил подробную реляцию лордам Адмиралтейства и копию передал вице-королю, чтобы окончательно рассеять подозрения не в меру догадливого португальца.

Пятого декабря «Усердие» снялось с якоря.

Неожиданно при выходе из бухты корабль был обстрелен артиллерией с форта Санкта-Круц. Кук приказал тотчас остановиться и послал шлюпку узнать о причинах стрельбы. Оказалось, что начальник форта не получил разрешения пропустить англичан. Пришлось снова вступать в переговоры с вице-королем.

Кук понял, что хитрый правитель, приславший ему накануне письмо с любезными пожеланиями счастливого пути, нарочно не сообщил ничего начальнику форта, в надежде потопить «Усердие» или, по крайней мере, нанести серьезные повреждения.

Неловкий ответ вице-короля, что его распоряжение о пропуске по нерадению подчиненных не было во-время передано начальнику форта, пришлось признать удовлетворительным. Кук не мог обрекать на неудачу столь важную экспедицию. Он решил не придавать значения выходке вице-короля и спокойно продолжать путь.

За несколько дней до отъезда англичане осмотрели золотые прииски.

Громадное количество чернокожих рабов изнемогало и гибло от тяжелого труда и невыносимых условий климата, питания, а главное, зверского обращения с ними белых хозяев. Сорок тысяч негров покупались ежегодно португальским правительством и почти целиком гибли на приисках. Иногда в Бразилии нехватало негров и их пригоняли из других областей Южной Америки.

Кук в своем дневнике с негодованием обрушивается на португальцев, сиюсь убедить читателей в ужасном поведении хозяев приисков, «забывая», что его земляки у себя в колониях не лучше португальцев. Негры не заслуживают такого бесчеловечного обращения, они такие же люди, как и все, и если они добросовестно работают на своих хозяев, то последние должны обращаться с ними, как с честными работниками, а не как со скотом. Только в этом он видел несправедливость и искренне возмущался, требуя ее искоренения.

Жизнь на корабле размеренно шла изо дня в день, от вахты до вахты, от утреннего завтрака до обеда, от обеда до ужина. При заходе в бухты ученые спешили на берег за разыскиванием редких растений, изучением окрестностей и туземного населения.

Кук неизменно руководил всей жизнью корабля. Требуя аккуратного, точного и быстрого исполнения приказаний, к себе самому он был также строг. Это ценилось экипажем. Матросы, зная его прошлое, видели в нем справедливого начальника, постоянно работающего. Иногда вспыльчивый, он был. ровен со всеми... «Можно было бы упрекнуть, пожалуй, его иногда в чрезмерной живости, но гнев его был скоро обезоружен его природной добротой»... Кроме того, матросы, не раз ходившие на своем веку в дальние плавания, впервые видели капитана, который заботился об их питании и здоровья. Все это располагало к нему. С первых дней выхода в море они почувствовали опытную, твердую и строгую руку начальника.

Работа по управлению кораблем сменялась работой научной. Кук постоянно производил астрономические и навигационные наблюдения; определял долготу и широту мест остановок и прохождения корабля, отмечал показания компаса, вычислял время и размер приливов и отливов, составил корабельный журнал и тщательно вел дневник путешествия. Он

подробно записывал все необходимые данные в ущерб красоте описаний природы, предоставляя это делать своим спутникам, рассуждая правильно, что его задача не в написании красивой книги о чудесах неведомых стран, а в составлении обширной и точной репортажа, полезной в первую очередь для таких же, как он, капитанов, ответственных за благополучное проведение корабля.

Изо дня в день, из часа в час, заполнялись страницы тетрадей кропотливыми записями с точнейшими цифрами и научными обозначениями и очень неточной орфографией.

«...Надо помнить, — говорит он своим читателям, — что это произведение человека, не получившего длительного образования в школах, но бывшего всегда в море с молодых лет...»

Особенно разительно сравнить дневник Кука с дневником его спутника по второму путешествию — Георга Форстера, включенным по прихоти издателя в одну книгу. Вот как пишет Форстер:

«... Луна блистала всю ночь посреди безоблачного неба и покрывала своими серебристыми лучами гладкую поверхность моря, между тем как она являла нам вдали прелестный пейзаж, казавшийся созданным рукою феи...»

Кук пишет:

«...Хотя я и не ждал никакого успеха от пути в этом направлении, однако упорно шел на юг до трех часов утра 12-го, когда мы были остановлены штилем на $58^{\circ}56'$ южн. ш. и $13^{\circ}26'$ вост. д. Через несколько часов поднялся западный ветер, по которому я взял курс на восток».

Предшественники Кука считали, что безопаснее всего вести корабль в Тихий океан через Магелланов пролив.

Кук опроверг это утверждение: провел «Усердие», обогнув Огненную Землю и мыс Горн. Через тридцать три дня он был уже в Тихом океане на три с половиной градуса севернее Магелланова пролива. Прежние же путешественники, идя проливом, тратили на это до трех месяцев. Таким образом, Кук сохранил силы своих людей, уменьшил порчу оснастки, а точным вычислением долгот и широт установил кратчайший и безопасный путь. Весь февраль корабль шел в открытом море. Затем показались неизвестные острова, разбросанные по разным сторонам океана. Времени оставалось мало. Наноса острова на карту, Кук проходил мимо. Еще три месяца «Усердие» шло на запад к цели своего путешествия — островам Товарищества.

За год плавания Кук пригляделся к своим подчиненным. Характер каждого матроса, каждого солдата, его положительные и отрицательные

черты стали в точности известны капитану. Были среди них добросовестные, честные люди, были и буйные головы, трудно поддававшиеся дисциплине, позволявшие себе на стоянках разные дикие выходки по отношению к туземцам. Были добродушные, но слабые, любившие злоупотреблять спиртными! напитками и укромцавшиеся одним строгим выговором. Были и избалованные в прежних плаваниях, отважные молодцы, привыкшие к попустительству или даже поощрению таких же, как и они, капитанов, ходивших в Южное море на купеческих кораблях и обращающихся с островитянами по всем правилам старинных конквистадоров, утверждавших, что европеец может грабить «дикого». Учитывая это, Кук составил правила, прочитав их экипажу, и требовал неукоснительного исполнения, грозя строгим наказанием за их нарушение.

«1. Стараться всеми способами снискать расположение индейцев^[8] и всегда обращаться с ними с наибольшей человечностью.

2. Одно или несколько лиц должны быть назначаемы для покупок у индейцев продовольствия, плодов и т. п. и офицеры, матросы или другие лица с корабля не могут предпринимать никакого обмена без особого разрешения.

3. Всякое лицо, занятое на берегу, не может удаляться со своего поста, и если солдаты, рабочие или моряки позволят по неряшливости уворовать у себя оружие или инструмент, не только будет вычтена из их жалованья цена похищенного, согласно морских правил, но и они будут наказаны, как этого потребует случай.

4. Штраф будет наложен на всякого, кто стеснит обмен или тронет для обмена предмет, принадлежащий кораблю.

5. Всякие железные и медные вещи, одежда или подобные необходимые предметы могут быть обменены только лишь на продовольствие.

Подписано Д. Кук».

Тринадцатого июня 1769 года «Усердие» бросило якорь в бухте самого большого из островов Товарищества — Таити^[9].

Уже за два дня в голубой дымке показалось очертание острова. Полосы дождя то закрывали, то открывали зубчатую вершину. На ярком солнце остров отливал всеми красками. Базальтовые скалы блистали красноватым цветом среди густой зелени лесов, одевающих многочисленные бухты и мысы. Поднялся полукруг коралловых рифов, охраняющих остров от прибой волн. За рифами гладкая поверхность отражала зеленые горы и прибрежные, стройно вытянутые кокосовые

пальмы.

С первого же дня Кук начал разгрузку астрономических инструментов и постройку форта для их охраны.

Бенке поставил палатку, вокруг которой тотчас собрались любопытные туземцы. Среди них были выдавшие уже чужестранцев. Кук был осторожен: он старался уверить туземцев, что он ищет место для ночлега только на несколько дней. Оставшимся на корабле артиллеристам приказано было навести пушки на берег. Мало ли что вздумается этим добродушным с виду дикарям?

Оставив на берегу тринадцать солдат под командой офицера, Кук со своими спутниками отправился осмотреть окрестность.

Лес подходил к самому берегу. Удушливый пряный воздух кружил голову. Тяжелые плоды хлебного дерева гнули ветви с широкими, глубоко разрезанными листьями. Целый хаос плодов, цветов и ветвей, опутанных гирляндами лиан, преграждал путь. Приходилось с трудом пробираться сквозь эту пеструю, живую стену. Воздух был горяч и влажен.

У Соландера и Бенкса разбегались глаза. Они кидались то в одну, то в другую сторону к невиданным растениям, цветам, плодам. Грин острил над восторженностью ботаников.

Неожиданно все остановились, удивленно прислушиваясь. Со стороны берега слышалась беспорядочная стрельба из ружей. Пришлось быстро вернуться.

Растерянный офицер доложил Куку, что один из туземцев подкрался к часовому и, выхватив у него ружье, пустился бежать. Тогда офицер счел нужным приказать стрелять по нему, и туземец был убит.

Оказалось, что офицер не совсем точно рассказал о происшедшем. Туземец был действительно убит настигшими его, но другие солдаты стреляли по толпе островитян, собравшихся глазеть на чужестранцев, и только по какой-то удивительной случайности не ранили и не убили никого. Толпа разбежалась. Одинокое лежал труп убитого, омрачая первый, так благополучно начавшийся день.

Кук был вне себя. Этот неблагоприятный поступок офицера и бесчеловечная выходка солдат рассердили его. Разве можно было сразу применять такую крутую меру?! А где же повинование его правилам? Сделав строжайший выговор офицеру, он пригрозил солдатам поркой в случае повторения подобного безобразия.

Вспылив, он, как всегда, быстро отошел и постарался растолковать той и другой стороне непростительность ошибки. По отношению к туземцам Кук стал соблюдать сугубую осторожность; он не позволял рубить

деревьев, не получив на это согласие островитян. Деревья нужны были для постройки форта. Форт был на всякий случай обставлен мортирками. Туземцы робко и с любопытством помогали носить материалы.

Прошло несколько дней, и Куку снова пришлось наводить порядок, на этот раз более строгими мерами.

Корабельный мясник хотел поменять гвоздь на каменный топорик. Он пристал с этим к жене одного из туземных вождей. Но женщина отказалась. Тогда мясник вырвал у нее топорик из рук и запахнулся на нее ножом. Бенке, видевший эту сцену, рассказал Куку. Когда вождь с женой вошли на корабль в сопровождении других туземцев, капитан вызвал мясника, уличил в его поступке и приказал тут же наказать виновного. С мясника сорвали рубаху, привязали к матче и отстегали плеткой. Туземцы расплакались и просили прекратить наказание, но Кук был неумолим.

Телесные наказания считались единственным способом введения дисциплины. Кук был выше многих, но не выше морали своего времени. То же самое в вопросах религиозных. Кук наивно думал, что одно из средств цивилизации, просвещения диких народностей — обращение их в христианскую веру. Он заставлял служить обедни в присутствии островитян, тупо повторявших движения молящихся чужеземцев, но не понимавших цели этих движений и оживлявшихся при виде предметов обмена, устраивающих целые базары и тотчас понявших преимущество гвоздя перед стеклянными бусами. Примитивизм разума не мешал им тотчас усваивать пользу того, что представлялось им действительно полезным для жизни.

Первого июня Кук разделил своих спутников на три группы. Две из них отправил на ближайшие острова, сам остался с третьей на Таити. Таким образом, ошибки в наблюдении прохождения планеты могли быть впоследствии исправлены.

Сильный туман заволакивал небо. Но 3-го числа небо очистилось совершенно, и наблюдения прошли чрезвычайно удачно.

Каждый составлял табличку и вычислял широту и долготу места наблюдения:

Первичное внешнее соприкосновение или первое появление Венеры на Солнце. 9 ч. 25' 42» утра.

Первичное внешнее соприкосновение или первое появление Венеры на Солнце. 9 ч. 25' 42» утра.

Вторичное внутреннее соприкосновение или начало схождения.

3 ч. 14' 8» пополудни.

Вторичное внешнее соприкосновение или полное схождение.

3 ч. 32' 10» пополудни.

Точка наблюдения: 17°29'15" юж. широты от Гринвича^[10].

Главная цель путешествия была достигнута^[11].

Пятого числа весело отпраздновали день рождения английского короля. Гуляли по острову, обнаружили местных бродячих музыкантов, игравших на флейтах и барабанах и заставили их показать свое искусство. Ударявшие в барабан импровизировали песню в честь англичан.

Кук продолжал свои «филантропические» опыты. Он задался целью искоренить ежедневные кражи туземцами разных вещей. Он настрого запретил часовым стрелять по ворам, даже холостыми зарядами. Правда, такое распоряжение было вызвано главным образом тем, что выстрел одним порохом ослабит страх островитян к огнестрельному оружию.

Но все его старания объяснить невыгодность краж для самих же туземцев проходили даром. Наконец, он попробовал новый прием.

Штук двадцать лодок островитян вернулись с моря полные рыбы. Кук приказал захватить лодки, увести их к форту и объявил рыбакам, что если не будут возвращены украденные вещи, он сожжет лодки. Туземцы вернули небольшое количество украденного железа и требовали возврата лодок. Кук отказал. На следующий день вовсе никто не явился, и «человеколюбивый» капитан был поставлен в затруднительное положение: рыба могла загнить от жары. Либо надо было отказаться от своего слова, либо обречь на голод, может быть, неповинных людей.

Кук прибег к компромиссному решению: пусть берут рыбу, а лодки останутся. Получилось еще хуже: туземцы набросились на рыбу и растащили ее, кто сколько успел, не считаясь с хозяевами улова. А возвращения лодок все же потребовали. Кук успокаивал себя, говоря, что туземцы просто не могут установить, кто действительно вор, а вещи спрятаны на других островах. Но тем не менее, надо было признать полную неудачу мудрено задуманного опыта исправления нравственности туземцев.

Бывали случаи дезертирства, когда матрос или солдат, прельщенный беспечной жизнью островитян или красотой туземки, уходил с корабля и исчезал. В таких случаях Кук схватывал одного или нескольких вождей и заявлял, что не отпустит их, пока не будет приведен дезертир. Но это не всегда удавалось, и туземцы отвечали упрямым контр-требованием: вернуть вождей, тогда приведут дезертира. И приходилось волей-неволей уступать.

Положительно, научная работа экспедиции проходила успешнее. Кук и

Бенке объехали остров на шлюпке и установили его размеры. Затем Бенке отправился вверх по реке и обнаружил следы вулканической деятельности гор. Вокруг форта и на лесных полянах он посадил семена арбузов, апельсинов, лимонов, привезенных из Рио-де-Жанейро.

Пирогы островов Дружбы

Множество семян роздал островитянам, показав, как надо их сажать и в какую землю.

Три месяца прошло со дня прихода на Таити и надо было думать об обратном пути.

Топоры, гвозди, ножи, стеклянные бусы были обменены на большое количество разного продовольствия. Астрономические и географические данные, обычаи туземцев, флора и фауна были подробно описаны каждым участником экспедиции.

Главный жрец острова — Тупиа захотел уехать с англичанами. Кук обрадовался такому знаку доверия и согласился взять старика, знавшего хорошо близлежащие острова, язык и обычаи жителей. Такой человек мог быть только полезен.

Тринадцатого июля снялись с якоря. Провожавшие островитяне плакали. Не то об англичанах, не то о жреце, не то о бусах и гвоздях.

Тупиа учил Кука названиям островов, рассказывал, на каких из них

можно достать свиней или дичи, и предавался исступленным молитвам, прося у своего божества ветра, когда по всему и так было видно, что ветер должен был подуть.

Заходили на острова. Запасались живностью. Знакомились с местными царьками. Кук соблюдал необходимый этикет: менялся именем с владыкой острова. Если царька звали Орэе, то на время свидания Кук брал его имя, а царек назывался Кукэе. Грину было над чем поострить.

Кук не забывал и об интересах Англии. Уезжая от царька, он ему вручил оловянную пластинку с выгравированной надписью:

«Корабль его британского величества «Усердие», под командой лейтенанта Джемса Кука. Гуаэн, 16 июля 1769».

Таким образом закреплялось право англичан на первенство открытия острова.

Трехнедельное плавание от острова к острову было однообразно. Погода была переменчивой: то налетал ветер, то наступал штиль и туман заволакивал землю. Стены коралловых рифов грозили судну пробойной.

«Скучное и трудное плавание», записал Кук в своем дневнике. Он решил идти прямо на юг, не разыскивая более островов, до встречи с материком.

Двадцать пятого августа отпраздновали годовщину отъезда из Англии.

Сорок два дня шли в открытом море. Однообразие плавания было скрашено появлением над самым горизонтом кометы. Красивый полет хвостатого огненного зверя длился часов пять на радость астрономам и к ужасу Тупии, упавшего ниц перед божеством и вопившего о несчастиях, грозивших покинутым островитянам.

Шестого октября молодой матрос Николай Юнг, влезавший на мачту, первым увидел землю.

Медленно надвигалась и росла громада горных вершин, далеко на север и юг уходили берега.

Большинство путешественников решило, что это давно разыскиваемый Южный Материк, условно нанесенный на карты под названием: Terra Australis Incognita^[12].

Кук приказал спустить шлюпку и отправился обследовать берег по течению небольшой реки. Появившиеся туземцы, похожие на таитян, сразу выказали враждебность, и хотя, повидимому, и понимали, что говорил Тупиа, но не хотели входить в сношения и угрожали копьями.

Никакие уговоры, никакие знаки миролюбия не помогли. Это продолжалось несколько дней. Туземцы то бросали копья в приближавшихся, то пытались увести шлюпку, за что многие из них

поплатились жизнью, и наконец, когда Кук, выведенный из терпения, приказал перехватить плывущих в лодке семерых туземцев, те начали быстро уходить. Для их устрашения Кук приказал открыть огонь поверх их голов! Убегавшие неожиданно остановились и встретили подошедшую к ним шлюпку, где был и сам Кук, таким градом камней, копий и весел, что англичанам пришлось по ним стрелять. Четыре туземца были убиты, три другие пойманы.

Биограф Кука старается оправдать этот поступок своего знаменитого соотечественника вспыльчивостью капитана и неожиданностью сопротивления туземцев. Хотя тут же приводит выдержку из дневника Кука, не совсем его реабилитирующую:

«Конечно, индейцы не заслуживали смерти за нежелание довериться моим обещаниям и войти в мою шлюпку, даже если бы они не подозревали такой опасности, но моя цель требовала изучения их страны, что я мог совершить двумя способами — силой или завоеванием их благосклонности. Я уже испробовал власть подарков, но напрасно; моим единственным желанием было избегнуть всякой враждебности и привести нескольких индейцев на мою шлюпку, как способ убедить их, что мы не хотим причинить им зла и что мы можем способствовать их счастью. Мои намерения, следовательно, не были преступны. По правде, в этой ссоре, которую я нимало не предвидел, мы могли бы одержать полную победу, не проливая столько крови. Но, однако, при таких обстоятельствах, когда отдан приказ открыть огонь, никто уже не может ни ограничить опасность, ни предписать ее результатов».

Кук раскаивается в необдуманности своего поступка. Ведь можно было и не отдавать приказа открывать огонь? Пойманные и увезенные на корабль туземцы тоже, как показывают дневники, никому не были нужны, да и место, где произошло столько напрасных драк и убийств, было вскоре оставлено Куком. Филантроп бывал иногда слишком «вспыльчив».

Куку положительно не понравился воинственный нрав островитян, и он решил, не останавливаясь, двигаться на юг и при приближении лодок с вооруженными туземцами приказывать стрелять из пушек, что наводило страх на дикарей.

Шесть месяцев плавания убедили Кука, что эта земля вовсе не разыскиваемый Южный Материк. Наблюдения прохождения планеты Меркурия, записанные Грином 9 ноября, и вычисленные Куком широта и долгота точки наблюдения утвердили это положение. Кроме того, стало ясным, что это та самая земля, которую в 1642 году открыл голландец Авель Тасман, подплывший к ее восточным берегам.

За все время плавания поведение туземцев вызывало целый ряд недоразумений. Офицеры и матросы, раздраженные таким недружелюбным приемом, выходили из повиновения и по-своему расправлялись с ворами и обидчиками. Кук сек и сажал в трюм, но терял самообладание и подчас чувствовал, что поведению экипажа сам давал дурной пример. Стычки с островитянами происходили чуть ли не на каждой остановке, и либеральные намерения Кука каждый раз разбивались об упорство «диких» и чувство мести матросов.

Так по крайней мере он пишет в своем дневнике, перенося всю вину на туземцев или на необузданный нрав матросов. Совершенно ясно, что при наличии на корабле жесточайшей дисциплины и достаточных средств для ее поддержания, поведение матросов вряд ли могло служить причиной возникновения таких стычек. Проговариваясь о своих крутых мерах, Кук спешит успокоить «чувствительных» читателей, убедить их в неизбежности этих мер. Не может он сослаться на секретные инструкции адмиралтейства, предписывавшие беспощадную расправу с «дикими» в случае их сопротивления? Не может он открыто заявить, что его «научное» путешествие рассматривается морским министерством, как разведка военно-морских баз и укрепленных пунктов, как проложение новых путей для военного флота, как начало «мирного» завоевания новых земель во славу британского капитала?

Кук не солдат, не завоеватель, не злой человек, он просто моряк-путешественник, но путешественник, добросовестно исполняющий директивы начальства, человек, проникнутый чувством долга перед пославшими его, к тому же безусловно сочувствующий предначертанию власти, как выросший и воспитанный в определенной среде, наложившей на него свой отпечаток. Несмотря на выдающиеся способности, на достоинства характера, отличавшие его от других, на искания и «благие» порывы к какому-то неясному идеалу, он не мог целиком оторваться от общей массы либеральствующих военных и ученых своего класса, так называемой передовой интеллигенции на ряду с проповедью всевозможных филантропических, философских учений, служащей, в конце концов, интересам все той же связанной с ней торговой буржуазии, все того же королевского правительства.

Сведения туземцев, предположения Тасмана и свои личные убеждали в существовании пролива, делящего страну на два больших острова. В этом направлении Кук и направил свои изыскания.

Двадцать второго января, поднявшись на высокую гору, он увидел начало пролива, уходящего в тесный коридор лесистых скал, и море на

востоке... Сомнений больше не было. Надо было пройти этим проливом.

Кроме прекрасных, громадных деревьев, пригодных для мачт, страна была бедна другими необходимыми вещами. Животных, кроме собак и крыс, и даже насекомых совсем не было видно. Только море кишело всевозможной рыбой, в изобилии вылавливаемой для еды.

Разочаровавшись в налаживании отношений с туземцами, Кук решил закрепить свои открытия. Он складывал пирамиды из камней, украшал их вершины монетами, пулями, стеклянными бусами. В одной из бухт он поставил два столба, написав на них название своего корабля, день и год. Установка столбов сопровождалась торжественной передачей их старику-островитянину, обещавшему не трогать их и показывать всякому капитану корабля, какой придет в бухту. Один из столбов, водруженный на высоком холме, был украшен великобританским флагом и место было крещено именем королевы Шарлотты. Именем короля Кук объявил эту землю принадлежавшей Англии, «Закончив все эти формальности, — пишет Киппис, — англичане выпили бутылку вина за здоровье его величества. Затем они оставили пустую бутылку старику, сопровождавшему их на гору, и оставшемуся, повидимому, очень довольным этим подарком».

Биограф, заполнив страницу описанием торжества, спешит извиниться за поведение капитана. Что-то не нравится ему во всей этой верноподданнической повадке его свободомыслящего героя. Закончив списание, он прибавляет:

«Философ мог бы спросить, быть может, какое право имел господин Кук завладеть именем короля Англии страной, уже обитаемой людьми, предки коих поселились уже на ней давно. Лучший ответ, который можно было дать на подобный вопрос, тот, что господин Кук устроил это торжество не для одних только индейцев, не с намерением лишить их каких бы то ни было естественных прав, но чтобы предупредить вторжение европейских мореплавателей, которые могут притти после него и для выгоды соответствующих государств захотеть присвоить себе права, в коих они не будут основываться на утверждении первенства открытия».

Некоторые из спутников продолжали утверждать, что они плывут вдоль берега Южного Материка! Кук, уверенный в неправильности такого утверждения, повел корабль дальше. Вызвав офицеров на ют, он убедил их в правильности своего определения.

Этого ему было мало: он повел «Усердие» по проливу, вернулся к его восточному входу и, обойдя южный остров, пошел вдоль западного берега. Бухты, реки, мысы и островки он называл именами друзей и своих морских начальников, ставил флаги и столбы с именем корабля и Георга III.

Острова, честь открытия которых принадлежала исключительно Куку (кроме берега, виденного Тасманом с его корабля), он назвал Землей Штатов^[13].

Кончался март месяц. Пора было окончательно выработать обратный путь в Англию.

Куку очень хотелось вернуться к мысу Горн, чтобы еще раз попытаться разыскать Южный Материк. Итти, огибая мыс Доброй Надежды, скучно. Дорога слишком известна и не предвещает никаких новых открытий. Но мыса Горн он достиг бы только зимой. Корабль был слишком истрепан бурями. Экипаж устал, продовольствия мало. Все-таки он ухватился за последнюю возможность. А что, если офицеры сами предложат итти на юго-восток? Надежды было мало. Он решил собрать совет. Офицеры, как один, предложили итти незамедлительно на запад, к берегу новой Голландии^[14], потом на север и вдоль берегов Индии. В случае же каких-нибудь затруднений искать землю, открытую Квиросом^[15].

Двадцать седьмого апреля штиль чуть было не погубил корабль. Сильным течением его несло на прибрежные скалы Новой Голландии. В последнюю минуту подул сильный бриз и позволил славировать вполне благополучно.

Через месяц прошли тропик Козерога;

Весь день 10 июня виднелись острова и отлогие песчаные отмели. Глубина была достаточной, ветер отличный. Ко всему этому наступила прекрасная лунная ночь. В девять часов вечера, по обыкновению, сошлись в кают-компанию к ужину. Настроение у всех было хорошее. Как-никак шли домой. Помрачневший за последнее время капитан шутил и смеялся. Грин был в ударе. Он подшучивал над офицерами, над самим Куком, добродушно принимавшим его острооты. Вспоминали, как на одном из островов Бенке вернулся весь утыканный какими-то колючками и искусанный мошкаррой.

Но вдруг в каюту вбежал боцман и доложил, что глубина потеряна. Все бросились на палубу и стали на места. Через несколько минут решили, что тревога была напрасной и корабль просто прошел по краю отмели. Все разошлись по каютам и легли спать.

В одиннадцать часов Кук был разбужен беготней по палубе, криком и беспорядочной командой офицеров. Выскочив, он увидел ужасную картину: корабль сел на мель, накренился и сильной волной его било о камни. Берег был близко. Когда обмерили глубину, оказалось, что корабль посадило на скалу. На воде плавали куски обшивки и фальшкиля.

Положение было отчаянным. Каждую минуту могла образоваться течь и погубить корабль. К тому же должен был скоро начаться отлив: облегчать судно — напрасная потеря времени. Киль скрипел. Скала пилила корабль. Вода прошла в трюм. Надо было считать время секундами.

Кук в миг оценил положение.

Шесть пушек, железо, балласт, полные и пустые бочки, связки клепок, кувшины с маслом — за борт.

Насосы работают в трюме.

Каждый на своем месте. Матросы, солдаты, офицеры, ученые, капитан — как один. Ни лишней суеты, ни крика, ни скверного ругательства, за него неумолимо — смертная казнь. Так до рассвета.

Земля оказалась далеко. Всем на шлюпках не уместиться. Пока одни достигнут берега, других проглотит океан.

Кук спокоен. Глаза блестят. Волосы треплет ветер. Голос уверен и строг.

К полудню — полный штиль. Как будто передышка, но прилив не сдвинул с места, хотя было выброшено груза тонн пятьдесят. Два насоса работали уже тринадцать часов без перерыва.

Начался отлив. Вода сильнее хлынула в трюм. Следующий прилив через двенадцать часов. Поставили еще два насоса. К девяти часам корабль немного подняло. Но дно, оторвавшись от скалы, откроет пробоину. Тогда нельзя будет остановить воду.

Не время раздумывать. Кук приказывает подтянуться на якорном канате.

Со стоном и скрипом корабль сползает со скалы. Десять часов. Сутки непрерывной работы. Люди падают от изнеможения, валятся на залитую насосами палубу, встают, опять работают, опять падают. Течь в трюме то увеличивается, то уменьшается, то отнимает последнюю надежду, то придает сил. Один из якорей оторвался. Поставили паруса и в одиннадцать часов пошли к берегу. Но течь не могли найти. Тогда молодой штурман Монгауз предложил виденный им на одном торговом судне способ закрывать течь: он нашел паклю и шерсть на большой парус, плотно покрыл овечьим пометом и навозом. На веревках подтянули парус под корабль. Паклю и шерсть втянуло в пробоину и парус пластырем прилип ко дну. Течь уменьшилась сразу. Оставили один насос.

«Усердие» благополучно вошло в бухту.

Кук ушел к себе в каюту. Записал в дневник:

«... Каждый казался господином своей души. Каждый прилагал все свои силы с терпением и ясностью, одинаково далекими от тупой суеты,

ужаса и темной пришибленности безнадежности».

Несчастья преследовали. На корабле появился скорбут. Первыми заболели Тупиа и Грин. Крепкий таитянин ухитрялся ловить рыбу и поддерживать силы. Грин, несмотря на старания хирурга, чувствовал себя с каждым днем хуже. Как назло первая бухта оказалась негодной для починки корабля. Изнемогавшие от усталости и полубольные матросы работали, не покладая рук. Казалось, никогда не кончится это тяжелое плавание.

Кук неизменно был спокоен на вид. Девять суток еще он боролся с упрямой стихией, с самим собой. Минутами, казалось, усталость задавит остаток воли. Нельзя было этого показать. Матросы, солдаты — никто не должен заметить и тени слабости.

Наконец, «Усердие» крепко стало носом на отлогую песчаную отмель. Можно было чиниться и вынести больных. Настреляли голубей, раздобыли пресной воды. При осмотре пробоины оказалось, что кусок скалы, врезавшись, отломился и остался в обшивке. Это и спасло корабль.

Кук тотчас принялся за астрономические наблюдения вместе с больным Грином; наблюдая Юпитер, они определили место:

214°42'30" зап. д.

15°26' юж. ш.

Офицерам было поручено сделать съемку берега.

Больным выдавали по три фунта свежей рыбы. Варили похлебку из трав и гороха. Несмотря на нестерпимую жару (термометр в тени показывал 87°)^[16], силы возвращались.

Капитан заботился о больных и занимал работой здоровых. Сам с утра до вечера руководил починкой корабля, корректировал астрономические наблюдения, измерял глубину, вырабатывал план дальнейшего пути. Его энергия передавалась другим.

Вряд ли можно усомниться в искренности забот Кука о больных и усталых матросах. Только сидевший в Лондоне доктор философии мог одобрить свои напыщенные похвалы такой формальной фразой:

«...Этот осторожный начальник правильно заметил, что капитан заинтересован никогда не отклоняться от такого правила в подобном путешествии».

В конце месяца появились туземцы. Они оказались добродушнее новозеландцев. Голые, с продетыми через уши и нос кольцами и браслетами, сплетенными из волос, быстро освоившись, они даже вошли на корабль и с любопытством оглядывали все вокруг. Но вторая группа туземцев, явившихся через несколько дней, потребовала, чтобы ей отдали

наловленных черепаха. Отказ вызвал недовольство, и обиженные туземцы схватили тлеющие в кострах головни и подожгли траву. Несколько палаток и других вещей погибло в огне. Пришлось дать выстрел из ружья. Испугавшись, туземцы убежали. Пламя охватило деревья, и к ночи горы пылали на несколько миль в окружности. Третьего августа сдвинулись с отмели. Плавание было очень трудным. Скалы и мели то и дело заставляли становиться на якорь. Все время впереди шла лодка, измерявшая глубину.

Посоветовавшись с боцманом и офицерами, Кук решил уйти в сторону от земли. Эта мера оправдалась. В открытом море «Усердие» пошло беспрепятственно.

Кук продолжал свои научные работы. Теперь он поставил себе задачу исследовать возможность прохода между Новой Голландией и Новой Гвинеей. Он повел корабль на северозапад.

Двадцать второго августа пролив был найден. Дорога в Индийское море открыта. На северном мысе Новой Голландии Кук водрузил английский флаг, назвав землю Новым Валлисом. Ружья и пушки дали трехкратный залп.

Огромнейший остров Австралия, в 7 650 000 кв. км., с золотом, эвкалиптовыми лесами, плодородной землей, полноводными реками и даровыми рабочими руками «индейцев», стал собственностью королевства Великобритании.

Недели через две увидели берег Новой Гвинеи. Держа курс на запад, «Усердие», не останавливаясь, шло проливом.

Кук исправлял неточности старинных карт, передвигал острова, удлинял или сокращал их берега. Первые карты составлялись не самими мореплавателями, не знавшими науку картографии, не умевшими вычислять координаты. По их описаниям, малограмотным и запутанным, первые картографы чертили карты, тоже неточные. Проходя мимо острова Тимора, увидели дома голландцев, окруженные кокосовыми пальмами, и большие стада овец. Экипаж требовал остановки. Радостно толпились на палубе. Оживились изможденные лица, жадно вспыхивали глаза. Первый раз за все плавание матросы остались недовольны капитаном, когда он не захотел пристать к острову.

Кук выбрал другой — Саву. Там удалось по умеренным ценам запастись овцами, свиньями, курами, яйцами, кокосовыми орехами, лимонами, луком и несколькими сотнями галлонов пальмового вина, что вызвало не мало зависти у начальника местной голландской торговой конторы.

Второго октября подошли к берегам Явы.

В жаркой влажной дымке голубели на горах леса, пальмовые и бамбуковые рощи одевали склоны, акации и фиговые деревья прятали дома голландских поселенцев. Берег пестрел яркими цветами. У входа в залив стояли два голландских торговых судна. На одно из них Кук послал первого лейтенанта Хикса. Хотелось скорее узнать про Англию. Лейтенант привез в ответ бумагу, подписанную секретарем Голландской ост-индской компании, где именем губернатора требовалось ответить на ряд вопросов. Кук счел ниже своего достоинства заполнять весь лист. Он ответил кратко: «Усердие». Англия. Кук».

Двухсотлетнее кровопролитие подчинило султанов, избавило ост-индских купцов от конкурентов-европейцев и позволило мирно дремать на батавских перинах, взбитых по-амстердамски, ведя бесконечный счет золоту, рабам, перцу, гвоздике и другим неисчислимым явайским богатствам.

Вспоминалась злая ирония французского философа: «Сахар был бы слишком дорог, если бы растение, его производящее, не обрабатывалось рабами»^[17].

Кук не отсалютовал Батавии, послав сказать губернатору, что у него осталось только три пушки. Совету Компании — просьбу разрешить поставить «Усердие» для осмотра кия и починки.

К вечеру налетела буря с грозой и ливнем страшной силы. Суда трепало и заливало дождем. Молния ударила в бизань стоявшего рядом голландца. Мачта рухнула щепками. «Усердие» было спасено предусмотрительностью Кука, установившего громоотвод.

Карта Новой Гвинеи и Соломоновых островов.

(Начало XVII века).

Еще в Баркинге Кук читал и слышал о громоотводе американского депутата Франклина. Как всегда, нашлись умные головы, оспаривавшие полезность нового изобретения. Судьба и работа этого просвещенного американца всегда занимали Кука. Рабочий-печатник, применявший свой

труд и знания к устройству библиотек, печатанью математических и других научных книг, распространяемых им в народе, делавший открытия и сочинявший философские трактаты, привлекал пытлиное внимание. Кук оценил выдающиеся таланты бостонского философа и первым за пятнадцать лет применил громоотвод на своем корабле.

Когда Кук обратился к голландским толстосумам за денежной помощью, они наотрез отказались под благовидным предлогом, что не могут субсидировать неизвестного им моряка, даже не военного капитана, плавающего безо всякой серьезной коммерческой цели по диким островам в погоне за небесными светилами. Надо было быть осторожными с британскими конкурентами. Кто знает какие штуки задумывает Англия против благоденствия батавских купцов?

Сообразительные купцы сразу учуяли действительную цель научной» экспедиции.

Пришлось заводить официальную переписку с губернатором и советом Компании, скрепляя ее печатями и именем короля Георга.

Батавский климат оказался роковым для спутников Кука и экипажа «Усердия». Один за другим они заболели злокачественной тропической лихорадкой. Несчастный жрец таитян, обрадовавшийся сначала невиданному городу, не вынес новых условий жизни и непривычной пищи. Скорбут убил его. Лихорадка трепала Бенкса и Соландера. Хирург Монгауз умер, оставив Кука без своей просвещенной помощи. Здоровыми оставалось десять человек.

Кук чувствовал, как лихорадка овладевает и им. Правда, приступы ее были слабее, чем у других. Крепкий организм и всякие меры предосторожности не давали болезни сломить его. Кук боролся с болезнью, как он боролся с морем, с людьми, с жизнью. Напрягая волю, он гнал недуг. С утра до вечера, руководя починкой судна, он был занят одной мыслью: скорей вывести «Усердие» из этого отравленного места.

Этот «земной рай» был пропитан зловредными испарениями, затхлостью разложения, гнилой, липкостью заразы. Никакие неприятельские ядра, океанские шквалы не могли сравниться с этой неумолимой, подстерегающей каждую минуту смертью.

Семь человек умерло. Сорок больных увезло «Усердие» из Батавии. Корабль шел наполненный стоном, бредом, жуткой, непривычно притихшей жизнью. Заболевшие матросы, с осунувшимися, пожелтевшими лицами, провалившимися глазами, вяло исполняли работы и ухаживали за больными.

Кук продолжал борьбу. Он изыскивал всякие средства остановить

болезнь. Отсутствие врача заставляло самого догадываться, что может предотвратить или облегчить заболевание. В пресную воду был выжат лимон, трюм, где хранилось продовольствие, был полит уксусом.

Прошел месяц. Еще через месяц, при благоприятном ветре, корабль дойдет до мыса Доброй Надежды. Одна за другой гасли жизни, один за другим заболевали офицеры, матросы, солдаты. Каждое утро докладывали капитану о вновь заболевшем или умершем.

Ночью, выходя проверить вахту, он видел, как в мутном свете фонаря копошились тени двух матросов, они с трудом тащили что-то тяжелое и, молча раскачав, кидали за борт, слышался всплеск воды. Тени тихо растворялись в темноте. «Еще один».

За полтора месяца друзья Бенкса — Споринг и Паркинсон, милый, умный Грин, молодой Монгауз, тот самый, кто спас всех от верной гибели у берегов Новой Голландии, старый боцман, плотник один и другой повар, конопатчик, капрал... «Один, два, три... пятнадцать, двадцать, тридцать... Кто же остался? Один, два, три»...

Как огромный темный катафалк, движется корабль на север, везет на родину «легкий» груз слез и безвыходной печали матерям, женам, друзьям...

Пятнадцатого марта подошли к мысу Доброй Надежды.

Снова говорить с губернатором, опять выпрашивать разрешение снести больных на берег и ждать новых смертей. Томительно и ненужно тянулся месяц.

Приходом к острову Святой Елены «Усердие» завершило свой кругосветный путь с востока на запад.

В порту — двенадцать торговых кораблей Английской ост-индской компании и военное судно «Портланд». С ними вместе в Англию. На шестой день «Усердие» начало отставать. Паруса и снасти изнемогали, как люди. Кук остановил «Портланд» и передал капитану Эллиоту корабельный журнал и офицерские дневники.

Двенадцать «купцов» уходили все дальше.

Казалось, «Усердие» выбивается из сил. Вот и «Портланд» исчез в голубом мареве.

В каюте рядом умирал от лихорадки первый лейтенант Хикс. Через неделю назначенный на его место Чарльз Клэрк выстраивал на палубе матросов. Тело лейтенанта Хикса вынесли к борту.

Двенадцатого июня 1771 года, в Диле, Кук сошел на английскую землю.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

НА ЭТОТ раз Англия показалась вовсе не такой идиллической, такой мирно уютной, как в первые дни семейного счастья, застилавшего мир своей сентиментальной дымкой. Радостно было вернуться в Лондон к семейному очагу, светившемуся улыбкой жены и болтовней детей. Старшему сыну Джеку шел уже восьмой год. Радостно было увидеть друзей, мало изменившихся за эти два года. Но пережитое в путешествии и завоеванная слава заставили внимательнее присмотреться к окружающему, пристальнее взглядеться в жизнь, серьезнее оценить действительность, глубже изучить проделанное, пересмотреть и перестроить многое в самом себе и в своих отношениях.

Опередившие его реляции, посланные из Батавии, блестящие результаты астрономических наблюдений, ценнейшие материалы, собранные учеными, открытие Новой Зеландии, ее описания и карты, доказательство островного положения Новой Голландии, разрушающее гипотезу большинства о принадлежности этих земель к Южному Материку; дневники, говорящие об умелом водительстве корабля, смелости, находчивости и заботливости капитана, отзывы офицеров и матросов, превозносивших начальника, сразу выдвинули Кука на первое место в ряду мореплавателей и капитанов, сразу обратили на него взоры всего ученого мира Европы, королей, министров и тысяч людей, увлекавшихся описанием путешествий и нравов вновь открытых племен. «Вся Европа, со вниманием следящая за его открытиями, — пишет Кастера, — читала о них обширные реляции с громадным интересом».

В ученых обществах уже говорили о нем не как о «хорошем математике», а как о выдающемся астрономе, в Адмиралтействе — об опытнейшем капитане, в обществе — о герое, знаменитом англичанине, при дворе — о предмете зависти всех европейских монархов.

Ловкие издатели, спекулирующие на мещанских вкусах, учуяли поживу и завалили книжные лавки поддельными дневниками и описаниями путешествия разных размеров и разных цен, на все вкусы. Книжная биржа играла на повышение. Предлагались громадные деньги за подлинные дневники. Доктору Хауксворту — другу Кука, занявшемуся приведением в порядок для печатания его дневника, предлагали, не выдав работы, тысячу фунтов стерлингов, колоссальную по тому времени сумму. Кто-то сумел ловко скопировать дневник Сиднея Паркинсона — художника, умершего на

«Усердии», и выпустить его в роскошном издании с гравюрами и картами. Борзый копиист перестарался и наделал столько ошибок, так исказил факты, так напутал в датах и цифрах, что правительству пришлось потревожиться и наложить запрет на этот ходкий товар.

Слава породила многочисленных поклонников, продажную лесть.

На фоне официальной благожелательности четко выступают лица врагов. Стоящие в оппозиции к правительству аристократы землевладельцы, усматривающие в колониальных «затях» короля гибель своих интересов, знающие содержание секретных инструкций, какими снабжало Кука Адмиралтейство, касавшихся многого, совсем не относящегося к науке. Ученые, под маской всяческих философских систем и гипотез скрывающие лицо все той же политической оппозиции, старающиеся сорвать «научные» начинания лордов-министров.

Эти две главные силы враждебного Куку лагеря, хотя и были значительно слабее его «друзей», занимавших слишком высокие посты и в Адмиралтействе, и при дворе, все же строили не мало препятствий, преодолеть которые было не легко. Политические группы избрали знаменитого путешественника мишенью для своих атак.

Быть может, единственными настоящими друзьями оставались Палиссер (правда, занимавший в Адмиралтействе одно из первых мест), доктор Хауксворт, Бенке и Соландер. Они прошли с Куком весь его жизненный путь, не запятнав себя неискренностью отношений и доказав самоотверженность в защите его взглядов и интересов. Если бы не эти четыре человека, Кук оказался бы совсем одиноким, окруженным хитросплетенной мишурой продажных чувств и политических интриг.

Клеветнические выдумки и нелепые рассказы ползли из среды ученых обществ. Обиженный первым лордом Адмиралтейства, Дэльримпль раз и навсегда затаил в себе недоброжелательство к Куку и его высоким покровителям. Пользуясь влиянием оппозиционной партии, он вел в угоду ей борьбу против задуманных Адмиралтейством планов новых экспедиций и всякими правдами и неправдами старался умалить, затоптать успехи Кука. Он пользовался отъездом экспедиции, чтобы всячески заранее скомпрометировать ее. Он ловил всякий непроверенный слух, всякую сплетню и тотчас создал целый том, опровергающий полезность экспедиции, разоблачающий ее нецелесообразность. С высоты ученых выкладок, критикующих и опровергавших утверждения Кука, он спускался до гнусной лжи, неостроумных памфлетов, высмеивающих и самого Кука и его ученых защитников. Целый ряд таких памфлетов были направлены против доктора Хауксворта, честно отстаивающего заслуги друга.

Дэльтримпль жадно хватался за всякий мелкий факт, могущий так или иначе нанести вред репутации ненавистного «высочки». Он плел сложную интригу, паутина которой должна была опутать всех друзей Кука. Он не мог простить Бэвису его рекомендации в Королевское общество. Не мог простить Хауксворту его книг и докладов. В своих ученых трудах он смеялся над ничтожностью открытий «хорошего математика» и «высочки из сельских рабочих», открывшего «несколько островов» и возмнившего себя вторым Колумбом. В своих измышлениях он дошел до того, что обвинял Кука в неумении управлять кораблем. Полученное в Англии известие о серьезном повреждении корабля у берегов Новой Голландии вызвало злорадную вспышку нападок Дэльтримпля, «Если «Усердие» чуть не погибло 10 июня 1770 года, то из-за плохого вождения». Он упорно поддерживал явно устаревшую и тускневшую гипотезу с Южном Материке, только чтобы итти против Кука. Пользуясь своим положением и связями, стараясь угодить интересам «мирно» настроенных крупных землевладельцев, он требовал от правительства разрешения организовать государство на землях, открытых де ля Рошем и Дюкло-Гюво в 1675–1753 годах и Буве в 1732 году, утверждая, что эти земли являются северной оконечностью Южного Материка и развивая нелепо-утопический план устройства и управления новыми народами, разработки естественных богатств, высчитывал выгоды, которые получит Англия, поручив ему организацию экспедиции, просил назначить его начальником. Он писал письма лорду-канцлеру, использовал связи при дворе, дойдя в своих завистливых писаниях до того, что его же друзья смеялись над ним, называя его проект «отличнейшим примером самого плохого государства».

Дэльтримпль был не одинок. За его спиной стояла реакционная часть ученых, замкнувшаяся в запыленных традициях старой науки, высочки и карьеристы, пользовавшиеся всякими средствами для достижения ученых степеней и положения, не имея на то ни прав, ни знаний, ни опыта, стояла и толпа продажных публицистов, торгующих своим пером в угоду приверженцам дореволюционного режима, врагам новых просветительных начал, живой научной мысли, раскрывающей новые социально-политические горизонты.

Англия переживала эпоху политических распрей и министерских кризисов. Возведенный в достоинство лорда с титулом графа Чатама, Вильям Питт порвал с вигами и на короткое время вернулся к власти. Болезнь свела его опять в почетную отставку. Страной управлял герцог Графтон, ярый защитник привилегий короля, игравший на ослаблении партий. Обогащенная колониями в Америке и Индии, метрополия

нищала: торийское министерство и парламентская олигархия земельной аристократии развалили финансовую систему страны. Политическая продажность довела ее до кризиса. Государственный долг возрос до ста шести миллионов фунтов стерлингов. Министерство Гренвилля прибегало к чрезвычайным мерам и запугиванию оппозиции. Новые налоги и пошлины душили колонии. То и дело вспыхивали бунты и восстания. Брожение в американских колониях на почве повышения ввозных пошлин усиливалось из года в год. Общее недовольство существующим порядком принимало угрожающие формы. Король Георг III, больной фантазер, заботившийся о славе Ганноверской династии, упоенный победами над французами, возомнивший себя первым монархом Европы, требовал неограниченной власти. Парижский мир, так блестяще выглядевший на бумаге дипломатических нот парламентских биллей и королевских манифестов, в действительности не оправдал восторженных надежд патриотов. «Друзья» полупомешанного короля разоряли страну, обрекая английский народ на голод и нищету.

Блестящий оратор палаты общин, бывший лорд-канцлер и хранитель печати, и глава правительства с семидесятого года — лорд Норт, любимец короля и гордость торийской партии, стал вершителем судеб Англии, раболепным исполнителем сумасшедших замыслов Георга III и орудием в руках аристократии, выступившей на борьбу с конституционными прерогативами парламента и правами народа.

Естественным откликом этой политики явились усиление деятельности ирландских революционных союзов, искони боровшихся с гнетом помещиков, церкви и агентов ненавистного лондонского правительства, растущее недовольство и брожение среди американских колонистов и всей массы либеральной буржуазии и передовой интеллигенции. Начинали раздаваться смелые голоса, требовавшие законности управления, незыблемости конституции, свободы печати, отмены чрезвычайных законов и налогов, удаления реакционеро-министров.

Либеральные газеты печатали дерзкие политические памфлеты, направленные против правительства и двора. Дело издателя газеты «North Briton», члена Нижней палаты — Вилькса, арестованного министерским указом за оскорбление короля и запертого в Тоуэр, подняло бурю негодования. Суду пришлось оправдать свободомыслящего публициста, но, преследуемый правительством, он уехал на некоторое время во Францию, а вернувшись, снова подвергся аресту и тюремному заключению, несмотря на троекратный выбор в члены парламента.

В шестьдесят восьмом году в либеральном сборнике «Public Advertiser»^[18] появились блестящие по языку и смелые по содержанию «Письма Юниуса». Направляя свои ядовитые стрелы против министерства Графтона, памфлетист дерзко разоблачал политику торийского министра, негодуя и зло смеясь над главой правительства.

«Достоинства тех, кои считаются предками известных лиц^[19], дают их потомкам возможность дойти до крайних степеней порока. Предки вашей милости, например, не оставили никаких неудобных примеров добродетели даже в их законном потомстве, и вы имеете приятную возможность созерцать за собою блестящую генеалогию, на добродетели коей геральдические летописи не сохранили ни одного намека. Вы обладаете, милорд, более убедительными доказательствами вашего происхождения, чем какие-либо брачные документы: есть наследственные свойства характера, столь же ясно отличающие известный род, как и самые выдающиеся черты лица. Карл I жил и умер лицемером. Карл II был лицемером иного рода и стоил того же эшафота. Через сто лет мы видим их характеры воскрешенными и объединенными в вашей милости. Хмурый и робкий, без религии, распутный без веселья, вы ведете жизнь Карла II, не будучи добрым товарищем, и, пожалуй, умрете смертью его отца, только без славы мученика... Во всех странах народные массы терпеливы до известной степени...»

Полемизирующие с Юниусом реакционные публицисты терпели поражение: общественное мнение было всецело на стороне смелого памфлетиста. Юниус не был революционером. Его взгляды конституционалиста отражали убеждения либеральной буржуазии, мечтающей о демократическом содержании аристократических форм государственного строя. Многочисленные читатели «Public Advertiser'a» с нетерпением ждали новых «Писем». Лорд Графтон принужден был уйти в отставку. Злобствующая реакция, подозревавшая в авторе памфлетов всех своих врагов, до самого графа Чатама, сорвала свою злобу на издателя сборника — Вудфоле. Воспользовавшись обращением Юниуса к королю, Вудфоля предали суду вместе с другими издателями, перепечатавшими письмо, и заперли в тюрьму. Успех писем возрос. Не было дома, где бы не читали Юниуса. Таинственность неуловимого автора разжигала интерес.

Кук вместе с другими читал и сочувствовал смелым словам.

«... Несчастье всей вашей жизни и главная причина всех упреков, коими осыпают ваше правительство, равно как всех бедствий, его постигших, заключается в том, что вы никогда не слышали голоса правды,

пока вам не довелось услышать его из уст самого народа...»

Юниус не боится прямо в лицо королю говорить жуткую правду об ирландцах и американских колониях, о грозящих несчастьях.

«... Одно различие имен не может долго вводить нас в заблуждение. Имя Стюартов возбуждает в нас только презрение, но принципы их, вооруженные монаршей властью, становятся для нас страшны. Государь, подражающий поступкам Стюартов, должен быть предупрежден их примером и, гордясь основательностью своих прав на корону, не должен забывать, что как одна революция доставила ему эту корону, так другая — может ее отнять...»^[20]

Да, Англия вовсе не была индиглической.

Первые дни принесли уже известия о происках Дэльримпля, о недоброжелательстве некоторых членов Королевского общества, о скучной необходимости выступления для защиты своего имени. Услужливые поклонники курили фимиам лести, докучая пустыми расспросами, глупыми разговорами. Истинные друзья предостерегали от лишних высказываний, учили трудной, не свойственной и противной ему науке дипломатической неискренности в салонах и собраниях. Указывали на то или иное лицо из Адмиралтейства или Королевского общества, опасное по их мнению. Люди, которым Кук привык доверять из-за их происхождения или высокого поста, оказывались мелкими интриганам и сплетниками, карьеристами и завистниками.

С первых же дней пришлось вступить в борьбу за отстаивание своих взглядов и утверждений, добытых тяжелым опытом трехлетнего плавания. Пробиваться сквозь рифы недоброжелательства, рискуя каждую минуту разбить свой корабль о скалу, скрытую волнами зависти, сплетен и политических интриг.

Гомерова земля — белый гладкий круг, в кольце океана. Средоточие мира — Средиземное море. Фракия с архипелагом островов. В море — Кипр и Крит. По ту сторону моря — Египет с Нилом, делящим Финикию от Ливийской пустыни. За ней, на краю мира, неведомые племена эфиопов и пигмеев. Выход в океан стерегут неприступные скалы Харибды и Сциллы — нимфы, гневом богов обращенной в камень.

Геродот, в середине V века до хр. эры, следящий за путем финикиян, делит Аравию от Ливии, раскрывает проход в океан, рисует на карте

Эвксинский Понт, Кавказ, Скифию и горы Европы, проводит реки — Борисфен, Танаис, Тигр, Евфрат и раздвигает сушу до Инда.

Птоломей, полтора́ста лет до христианской эры, первый одевает карту в градусную сетку и четко наносит средиземноморские страны, к северу доходит к берегам Скандинавии, к востоку — до Китая, от него — на юг, замыкая Индийский океан Неведомой Южной Землей, сливающейся с Эфиопией и Либией — Африкой.

В конце XVI века Ортелиус, правильно нанеся Европу, Африку, Индию и Китай, наметил обе Америки и острова Японии, Индийского океана и Филиппин, оставив белыми пятнами север Азии, России и Скандинавского полуострова. Огненную Землю он представлял северной оконечностью Неведомой Южной Земли, заполнившей все южное полушарие от тропика Козерога.

В XVII веке голландцы усовершенствовали карты.

Астроном Кассини составил таблицы, отмечавшие измерение долгот. Меркаторские карты повели корабли в кругосветные плавания. Градусная сетка окончательно заменила компасные «розы» с лучами румбов. Север обозначили наверху, а не внизу, как в середине века. Барометр, изобретенный Паскалем в 1648 году, предсказывал бури и штили. Баффин и русские мореходы Беринг, Ложкин и Пермяков открыли путь за северный полярный круг, и только южное полушарие до конца XVIII века белело таинственным пятном «Australia Incognita».

Еще в марте с мыса Доброй Надежды Кук послал письмо в Королевское общество, приложив таблицу приливов и отливов Южного моря по наблюдениям, сделанным на борту «Усердия». Обширная реляция, представленная им по возвращении, была принята Советом Королевского общества, как ценный вклад в науку. Точнейшие данные прохождения Венеры послужили основой работ Гринвичской обсерватории. Коллекции и дневники, описавшие «индейцев», их быт и нравы, осветили спорные до того времени вопросы. Пройденный Куком путь уточнил карту океанов, отодвинув легендарный Южный Материк еще ближе к полюсу. Белые пятна залились водой или заполнились островами. Географическое представление о земле снова значительно менялось.

Вопрос об Южном Материке стал темой обсуждений и споров в Королевском обществе и заседаниях Адмиралтейства. Своими реляциями Кук блестяще доказал несостоятельность выдвигавшихся гипотез. Смехотворные теории Дэльримпля и его сторонников были разбиты окончательно. Но это не разрешало вопроса, и Кук ни разу не утверждал несуществование Южного Материка, он говорил только, что земля,

повидимому, есть, но где-то далеко, за полярным кругом, покрытая льдами. Его поднимали насмех. Благоразумная часть ученых соглашалась с ним и требовала снаряжения экспедиции под его начальством; увлеченные заманчивой гипотезой, философы склонялись к проверке ее опытом, лорды Адмиралтейства, всегда симпатизировавшие Куку, под влиянием Палиссера и других его друзей, видели вновь открывавшиеся возможности военных экспедиций. Пламенные патриоты мечтали о новых победах Великобритании. Георг III «поощрял» монархические замыслы и увлекался головокружительной мыслью завоевания двумя-тремя кораблями огромного материка, доставившего бы ему громкую славу и сказочные богатства.

Как в свое время лорд Шелбурн сумел доложить ему о необходимости посылки экспедиции на острова Товарищества, так и на этот раз первый лорд Адмиралтейства лорд Джон Монтэгю, граф Сэндвич доказал необходимость отправления кораблей на поиски Южного Материка. Ведь слава всех остальных государей и стран померкнет в лучах славы Георга III и Англии. Это пресекло все происки недовольных, и вопрос об экспедиции и назначении Кука был решен росчерком королевского пера.

Начиналось, самое трудное в этой трудной и ответственной работе. Выбор и снаряжение кораблей, набор матросов, назначение Адмиралтейством офицеров, а Обществом ученых, вызовет неизбежные споры и интриги со стороны все тех же дэльтримпельских сторонников, побежденных лишь, наполовину и не желающих сдаваться.

Перед Куком стояла сложная задача преодолеть эти несносные препятствия, избегать их по возможности, чтобы целиком отдаться нужной работе. А преодолеть нужно было во что бы то ни стало, ибо цель этой работы была слишком увлекательной и значительной.

Урок первого путешествия был положен в основу всех приготовлений. В первую очередь Кук занялся выбором кораблей (было решено, что в экспедицию пойдут два корабля), что было сложно в виду непригодности существующих судов к такого рода плаваниям.

«Это судно должно быть построено так, чтобы оно могло пристать к берегу: его величина должна быть такой, чтобы в случае надобности, его можно было бы положить для починки надежно и удобно на бок. Сорокапушечные военные корабли, фрегаты, корабли Ост-индской компании, большие трехпалубные торговые суда, различные виды судов, строящихся на севере, и даже корабли, строящиеся для торговли углем, если их приспособляют специально для этой торговли, не представляют этих преимуществ. Надо, наконец, выбрать форму и размер, благодаря

которым опытный моряк мог бы еще более отважиться и лучше исполнить свои инструкции».

Нельзя было не считаться с мнением опытного капитана. Адмиралтейство отдало приказ купить именно те суда, которые укажет Кук. Объехав доки, он выбрал в Гулле два судна, выстроенные на манер «Усердия» и тем же мастером. Одно в четыреста шестьдесят две тонны назвали «Решимость», другое в триста тридцать шесть тонн — «Предприятие». В доках Дептфорта и Вульвича принялись за оснастку, вооружение и оборудование.

Двадцать восьмого ноября 1771 года Кук был назначен капитаном «Решимости» с чином командира Королевского флота и начальником экспедиции. Капитан Фюрно, побывавший в дальних плаваниях. — на «Предприятие». Под командой Кука было сто двенадцать человек, из них сорок пять матросов и пятнадцать солдат. Под командой Фюрно — восемьдесят один человек с тридцатью тремя матросами и восемью солдатами. Все они были назначены Адмиралтейством по выбору Кука, знавшему их по прежним плаваниям, кроме десяти добровольцев, отправлявшихся по собственной воле.

Кук настоял, при поддержке графа Сэндвича, на доставке лучшего оборудования и продовольственных припасов на два с половиной года. Опыт первого путешествия заставил обратить особое внимание на улучшение питания экипажей и на снабжение кораблей антискорбутическими средствами: кислой капустой, горчицей, бульоном в таблетках, морковным мармеладом, пивными дрожжами, сушлом, пивом и солодом. Овес был заменен пшеницей, а растительное масло сахаром.

Кука всегда интересовал вопрос борьбы со скорбутом. В своих дневниках и репортажах он уделяет много места подробному описанию этих средств, их приготовлению, применению, действию и хранению.

Корабли снабдили по одному двадцатитонному парусному катеру для разведок или спасения экипажа. Погрузили и рыболовные принадлежности, на случай голодовки.

Кук работал с утра до ночи. Он лично следил за оборудованием и погрузкой судов. Входя во все мелочи, он старался усовершенствовать свои корабли, сделав их пригодными и выносливыми при всяких случайностях. Направляя работу, он учитывал каждую мелочь, проверял опытом первого путешествия.

Отношения Кука с первым лордом Адмиралтейства внешне были самыми хорошими. Граф Сэндвич, просвещенный аристократ, потомок адмирала и любимца Карла II, путешественник, любитель-археолог и

видный дипломат, участвовавший на конгрессах в Бреде и Аахене, занимавшийся в свободное от государственных дел время описанием своих путешествий по Италии, Турции и Египту, покровительствовал Куку с высоты своей знатности и положения. Занимаясь науками и искусством, либеральничая, он, тем не менее, был законником и строго блюл иерархические привилегии аристократии, зная, что можно и чего нельзя допустить в обращении с подчиненными, даже если бы они были не совсем обыкновенными людьми. Кук не был похож на других моряков английского флота заслугами в области открытий, навигации и научных трудов, своим именем, облетевшим Старый и Новый Свет, и что сам король гордился таким подданным, однако когда по возвращении из первого путешествия Кук получил назначение в королевский флот и просил чин капитана, граф Сэндвич отказал в производстве, ссылаясь на его неправильность, противоречащую законам морской службы, и представил Кука в командиры, хотя разница была только в наименовании.

Кук обиделся. Биограф объясняет это его благородством: «По благородному чувству собственного достоинства, он считал себя недостаточно вознагражденным». Выросший на военных кораблях, Кук придавал значение чину, так много значащему в обществе, его окружавшем. Человек своего времени и своей среды, он считал этот отказ унижительным. Тут было и тщательно скрываемое от самого себя неприязненное чувство к аристократу и задетое самолюбие, всегда немного страдавшее, всегда чуткое к малейшим намекам недоброжелательства.

Однако и граф Сэндвич, увлеченный планами экспедиции и предвкушавший возможность в случае удачи путешествия услышать свое имя рядом с именем участников, тоже всемерно старался заботиться об оборудовании кораблей. Посещал деки, хлопотал о назначении офицеров и ученых, пуская в ход всю силу своих дипломатических талантов и своего высокого положения. Он настоял в Адмиралтействе на посылке с Куком художника Вильяма Ходжса и постарался обставить экспедицию лучшим образом, по последнему слову морской техники и научных достижений.

Даже обиженный Кук отметил в своем дневнике рвение графа: «Милорд Сэндвич соблаговолил со вниманием следить за снаряжением; он время от времени посещал корабли, чтобы самому видеть, исполняют ли его намерения и удовлетворены ли мы».

По представлению Королевского общества парламент отпустил большую сумму денег для производства научных работ и пополнения коллекций. Профессор естественных наук Иоганн Рейнгольд Форстер и его сын, астрономы Вильям Уэльс и Вильям Бэйли были назначены в

экспедицию Обществом и Астрономическим департаментом, снабдившими их новыми инструментами, точными морскими хронометрами Кендаля и Арнольда.

Кук был доволен сделанным выбором. Ученость варрингтонского профессора была ему давно знакома. Об этом «чудаке» ходили самые занимательные слухи и вместе с тем все в один голос утверждали, что он один из выдающихся философов и учеников известного натуралиста Линнея. «Чудачества» Форстера заключались в его необыкновенной раздражительности и крайнем самолюбии, ставивших его во всевозможные, иногда комические положения, создававшие постоянные конфликты между ним и лицами, от которых он зависел в своем служебном положении. Ученость его была огромна. Ровесник Кука, он в совершенстве владел семнадцатью языками. Будучи пастором, выдвинулся в ряды лучших богословов своего времени. Он приобрел известность как исследователь и описатель флоры восточной Пруссии. Приглашенный русским резидентом в Данциге от имени царицы Екатерины II для работ в России, он с 1765 года изучал географические особенности нижнего течения Волги и социально-экономическое положение края. «Чудачества» принудили его уехать в Англию, а огромная известность и научные труды возвели его на кафедру Варрингтонского университета.

Его сын Георг нравился Куку своей молодой восторженностью, живым умом и жаждой знаний. Этот будущий ученый, профессор в Касселе и Вильно, революционер, умерший в конце столетия политическим эмигрантом в Париже, расположил к себе с первых дней знакомства. Кук видел и угадывал в нем те самые движения души, какие вели когда-то его самого к победам над жизнью, то горение, какое заставляло бороться за овладение наукой, ту силу, которая разбивает препятствия и ведет к светлой цели.

Такие спутники были уже первой удачей.

Ботаника, зоология и антропология, обязанные своим возникновением отцу всех наук Аристотелю, были засушены и забыты в богословских библиотеках средневековых монастырей и аскетических умах схоластов. Расцветшие в IV веке до хр. эры и в I веке, благодаря трудам Плиния Старшего, они постепенно начали увядать и вплоть до XVI века влачили жалкое существование. Ученые труды Теофраста и Фомы Аквинского

являлись только слабыми попытками сдвинуть естественные науки с мертвой точки. Это были переводы или переделки того же Аристотеля, основывающие свои умозаключения на том же понятии «Первого Двигателя».

И только в «эпоху великих открытий», с открытиями в Индийском и Тихом океане, с путешествием Колумба, с возникновением новых философских течений и с новыми изобретениями в области астрономии, — начинает возрождаться интерес и к естественным наукам. Путешественники, миссионеры, врачи начинают собирать коллекции невиданных растений Индии и Америки, описывать в дневниках своих путешествий новые виды животных и людей. В Италии, Голландии и Франции устраиваются ботанические сады. Небывалые животные наполняют королевские зверинцы. Появляются крупные натуралисты: Конрад Геснер — «германский Плиний», нищий ученый, завоевавший громадную известность своими переводами с древних языков и работами по зоологии и ботанике и достигший звания профессора в Цюрихе; Турнефор, окончательно доказавший несостоятельность средневекового представления об единообразии земной флоры и написавший трехтомный труд «Элементы ботаники», где первым классифицировал растения по родам и видам и положил основу дальнейшему развитию естествознания. Академии наук и научные общества оспариваются в Париже, в Лейпциге, в Болонье, в Оксфорде. В начале XVIII века путешественники-коллекционеры заводят образцовые гербарии и уставляют свои кабинеты заспиртованными животными и коллекциями насекомых. Кунсткамера Петра Великого бросает в озноб русских старообрядцев, отплевывающихся и открещивающихся от «бесовского навождения царя-антихриста», тоже задумавшего создать свою Академию.

Здание биржи в Лондоне

С гравюры, хранящейся в Музее изящных искусств в Москве

Швед Карл Линней и француз Жорж Леклерк граф де-Бюффон развили учение Турнефора о видах, ввели новые принципы классификации и придали точность, простоту и ясность в изучении и описании растений и животных. Так, Линней ввел бинарную номенклатуру (двойное наименование) для обозначения видов, упростившую изучение, и основал систему, — вызвавшую и ивой интерес в научном мире, споры, встречные системы и длинный ряд крупных научных трудов ученых всех стран. Естественные науки завоевали полные права.

Сборы шли четыре месяца, и только девятого апреля 1772 года корабли вышли из Депфорта. Надо было итти в Плимут и там получить инструкции Адмиралтейства. По дороге задержала процедура военного снаряжения: нагрузка пороха, установка пушек и размещение солдат. В канал Плимута вошли третьего июля, встретили яхту графа Сэндвича, объезжавшего деки.

С ним был и Палиссер. Семнадцатью пушечными выстрелами «Решимость» отсалютовала первому лорду Адмиралтейства.

Распрощавшись с другом и выслушав несколько милостивых наставлений начальника, сиявшего удовольствием и снисходительно принимавшего на свой счет блестящее состояние кораблей, Кук повел суда в Плимут. Волокита различных формальностей задержала в порту больше недели. Кук не оставался бездеятельным. Он уговорил своих спутников сойти на берег и съездить осмотреть работы на оловянных рудниках.

Редкая руда с древних времен прославила суровые, голые холмы Корнваллиса, с развалинами каменных сооружений друидов и средневековых баронских замков. На обломках алтарей, окропленных кровью человеческих жертв богам, феодальных крепостей, рассылавших вассалам голод и смерть от моря до моря, выросли огромные промышленные предприятия, добывающие драгоценную руду сотнями рабочих рук, доставляющих за несколько шиллингов в неделю изрядное количество золота хозяевам из лондонского Сити, мирно либеральствующим в покойных креслах своих торговых контор.

«Мы удовлетворили наше любопытство, и вид огромных разработок «Полдайна и Кенвина» возбудил в нас чувства восхищения и удовольствия», записал Форстер.

В шесть часов утра 13 июля «Решимость» и «Предприятие» снялись с якоря и, пройдя мимо знаменитого Эдистонского маяка, вышли в море.

Как четыре года назад, той же дорогой повел капитан свой корабль в коварные океанские дали, к неведомым берегам и людям, к бурям Ы грозам, лишениям и болезням, к блеску открытий и сумраку разочарований, может быть к смерти, к славе, к цветущим безыменным островам, к немому, белому пятну, таинственно молчащему в ледяной огромности.

Нежный семьянин, верный друг снова оставлял близких людей, не знавших срока разлуки.

Туманные горы старой Англии долго синели прощальным приветом за кормой корабля.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Фермеры собирают только четыре десятых продукции; они платят из нее четверть владельцу, десятую часть королю и десятую — духовенству. Работая таким образом на других и пользуясь столь незначительной прибылью, они мало улучшают обработку. Несмотря на их угнетение, они сохраняют, тем не менее, довольство и веселость. Они облегчают свою работу песнями и вечером собираются из разных хижин и танцуют под звуки гитары».

Молодой Форстер щадит чувствительность избранных читателей его дневника. Любители книг о путешествиях и сентиментальных романов вздохнут об участи бедных колонистов, где-то далеко на острове Мадейра возделывающих виноградные лозы, и растрогаются изящной картиной веселой пляски «пейзан» среди живописной сказочной природы, под поэтической сенью мирт, терновника и диких роз. Кто заметит кровь батраков, Мадейры сквозь эти осторожные строки?

Красиво звучат названия португальских управителей острова: «коррехидор», «провидор», ставленников короля Португалии — великого мастера ордена Христа.

Из шестидесяти тысяч населения острова тысяча двести — католических священников, сто одиннадцать — монахов-францисканцев и триста монахинь в восьми монастырях. Епископ, получающий доход в три тысячи фунтов стерлингов, и губернатор — гражданский и военный начальник, собирающий тоже не малые суммы, — представляют высшую власть.

Драгоценный сок лоз Мадейры прославил остров по всему миру. Ароматный «букет» «Мадейрской Мальвазии» одинаково тешит вкус батавского купца и английского лорда, французского маркиза и русского вельможи после жирной дичи или непрожаренного ростбифа.

«Трезвость и воздержанность деревенских жителей чрезвычайна; они питаются хлебом и луком или другими кореньями, но мало едят мяса. У них большое отвращение к требухе, и есть поговорка про бедного человека: «Он принужден есть требуху». Они пьют обыкновенно чистую воду или напиток, который делают, обливая водой кожуру винограда (выжатого тисками). Эта вода приобретает брожением горьковатый вкус, но не сохраняет его долго. Они проглатывают только несколько капель вина, приготовленного их руками и делающего их остров столь знаменитым.

Выращивание лозы — их главное занятие. Но так как эта отрасль промышленности требует мало ухода, большую часть года они очень расположены к праздности. Повидимому, португальское правительство не принимает необходимых мер против этой опасной беспечности страны. Оно недавно отдало приказ о посадке оливковых деревьев в округах, слишком сухих и бесплодных для разведения винограда, но не подумало оказать помощь землепашцам и не предложило им никакого вознаграждения, поощряющего превозмочь их отвращение к новшествам и работе».

Дон Антонио де Саа-Перейра — губернатор Мадейры оказал всякие любезности путешественникам, и месяц, проведенный на острове, был отдыхом. Вода и вино дополнили запасы и 1 августа экспедиция двинулась дальше, провожаемая салютом береговых фортов гостеприимного города, раскинутого белым амфитеатром над голубой бухтой.

Через несколько дней показались вдалеке Канарские острова — «*Insulae fortunatae*» древних, забытые после карфагенских купцов до XIV века, когда знатные испанские мореходы снова нашли «Счастливые острова».

Кук вел корабли к Зеленому мысу. Запаса воды нехватит до мыса Доброй Надежды; туда итти месяца три.

Дорога знакомая, однообразная в благодатной тропической тишине. Ученые наблюдают летающих рыб, дельфинов, птиц.

«В эти монотонные дни, — пишет Форстер, — проведенные нами между тропиками, где небо, ветер и море были всегда хороши и приятны, ум схватывал малейшие обстоятельства, могущие доставить размышления».

Молодой энтузиаст пускается в сравнение океана с империей, где сильные, большие рыбы — неограниченные правители пожирают малых — угнетенных подданных.

«Размышления» капитана не столь философичны. Он занимает досуг заботами о здоровье экипажа, о сохранности продовольствия, выдумывает всевозможные новые способы спасти потеющие от влажности и разъедаемые ржавчиной металлические части, окуривает корабль порохом и уксусом, пробует составить новые рецепты приготовления пива из сусла и воды. На ряду с краткими отметками о направлении и силе ветра и курсе судна, дневник дополняется практическими замечаниями о брожении пивного сусла. Скупость записей говорит о рассчитанности времени, о непрерывной работе, о выдержанной строгости к своему делу и себе самому, о напряженном внимании, направленном изо дня в день, из часа в

час на главную цель. Описание дня — цифры градусов, литеры курса, ход судна. Описание природы — очертания берегов, глубина бухты, сила прибоя, свойство дна.

Порто-ля-Прайа — порт острова Сант-Яго. Архипелагом Зеленого мыса владеет Португалия. Лиссабонские купцы свили себе гнездо на крутой скале, защищенной крепостью. Монополия торговли всего Зеленого мыса принадлежит им. Туземцы малочисленны, нищи и голодны. Торговая компания выжимает из них последние соки... «Эта компания тиранит жителей и продает им скверный товар по чрезмерным ценам». Частая засуха обрекает их на постоянный голод. «Думается, что опыт этих бедствий мешает островитянам придаваться сладостям брака и что они опасаются передать своим детям нищету и ужасы рабства».

Кук хмурится на серые, каменистые берега, на неприветливые, выжженные солнцем холмы. Сохраняя традиционную вежливость, он испрашивает у губернатора разрешения запасть водой, но салютует только после заверения португальских властей во взаимном салюте. Купеческая крепость чувствует неприязнь и на одиннадцать выстрелов отвечает девятью. Губернатор, извиняясь, уверяет, что вышла ошибка. Обе стороны удовлетворены.

После Порто-Прайи началось девятидневное плавание. Шестьдесят три дня — вода и небо. Налетали шквалы с проливным дождем, наступали штили, душившие нестерпимой жарой. Термометр в полдень показывал 79° —82°. Ловили рыб, стреляли альбатросов и буревестников. Матросы забавлялись обезьянками, купленными ими на Сант-Яго. Время тянулось медленно, пугая однообразием.

Кук знал эти тропические плавания. Знал ядовитую жару, убивающую людей лихорадкой, заражающую продовольственные припасы, повергающую в уныние, в тоску по родине, ломающую волю и терпение. Он помнил последний путь «Усердия». Душный тропический штиль во сто раз ужаснее сильнейшей бури.

Опыт научил Кука быть осторожным. Но навигационные записи дневника прерываются тревожной заметкой: «Двадцать седьмого мы переговаривались с капитаном Фюрно, сообщившим нам о смерти одного из его младших офицеров. У нас не было тогда на борту ни одного больного, хотя дождь, приносящий многие болезни в жарком климате, причинил нам большое беспокойство. Чтобы сохранить наше здоровье и согласно некоторым мыслям, данным мне сэром Хьюгом Палиссером и капитаном Кэмбэллем, я принял все необходимые предосторожности, приказывая проветривать и сушить корабль, зажигая огни между палубами,

окуривая внутренние помещения и заставляя экипаж выносить на воздух постели, мыть и сушить одежду, когда к тому представлялся случай. Если будешь пренебрегать этими предосторожностями, корабль издает неприятный запах, воздух портится и не будет недостатка в болезнях, особенно в жаркую и сырую пору».

Капитаны и хирурги английского флота не преминули поиздеваться над «фантазером». Дэльримпльские сообщники на всех ученых перекрестках смеялись над «лечебными изобретениями» Кука, не придавая никакого практического значения его опытам. Что может путного выдумать этот «недоучка», претендующий знать больше ученых медиков?

Авторитет Кука среди матросов был огромен. Ни одна запись участников или лиц, изучавших его путешествия, не говорит о каких-либо возмущениях экипажа, так часто происходивших на кораблях других мореплавателей. Видавшие виды матросы с первых же дней распознавали своего командира и сразу определяли свое к нему отношение. Не обходилось, конечно, без людей слабых, легче поддающихся неблагоприятности внешних условий, хуже переносивших трудности плавания, тяготы зноя или долгое отсутствие земли. Но всегда умелое вмешательство Кука во-время пресекало опасные настроения.

Двадцать девятого октября увидели Столовую гору мыса Доброй Надежды.

В конце XV века португалец Варфоломей Диас нашел открытый еще древними египтянами южный мыс Африки. Васко-де-Гама обогнул его по пути в Индию.

Полтора года лет необитаемый скалистый отрог горной громады суровым стражем лежал на границе двух океанов на центральном повороте великого пути в Индию, к богатствам Востока, к славе открытий, к завоеванию новых земель, или к родным странам, к домашнему очагу, к отдыху от опасностей и болезней, на месте встречи океанских течений, где несущиеся с востока и запада ветры сталкиваются в неистовых бурях. Сотни лет маяк счастья встречал и провожал корабли купцов и завоевателей, с волнением глядевших на его темные гранитные вершины. Король Португалии назвал его мысом Доброй Надежды, моряки — мысом бурь.

В XVII веке голландец Ван-Риэбэк — полумедик, полукупец — основал здесь колонию, расчетливо сообразив, какие выгоды для ост-индской компании и для него самого могут быть извлечены из плантаций и посевов. С тех пор здесь — крупный порт компании с городом, фортом, полуторатысячным гарнизоном, милиционной армией в четыре тысячи

человек, губернатором и полным административным штатом, торговая база между Миддельбургом и Батавией, место ремонта судов, отдыха и лечения многочисленных больных скорбутом и лихорадкой, обязательных спутников мореходов.

Приведя свои корабли без особых повреждений и с совершенно здоровыми людьми, Кук с гордостью записывает в свой дневник:

«Два голландских корабля Ост-индской компании пришли три или четыре дня после нас из Миддельбурга в Капштадт. Один из них потерял в четырех-или пятимесячном плавании сто пятьдесят человек от скорбута и других заразных болезней, другой — сорок одного. При высадке на берег они послали в больницу большое количество в ужасном состоянии. Надо заметить, что одно из этих судов пришло в Порто-Прайю за месяц до нашей там остановки, и, тем не менее, мы достигли мыса Доброй Надежды за три дня до него».

Успех первого опыта окрылил Кука, доказал правильность всех предположений. Пусть смеются английские врачи, пусть плещет грязью «почтенный» доктор Дэльримпль. Никто не страшен, если «пыт удачен. Какие мины скорчат они, узнав, что за четыре месяца плавания ни один матрос не заболел?

Развертывая карту, Кук вглядывался в пустое пространство у южного полюса, неуверенно обведенное колеблющейся линией. Рука картографа фантазировала, очертив южное полушарие, произвольно выгибая таинственную границу неизвестного.

Может быть, ему, Джемсу Куку, придется первому начертить берега неведомого материка, именем своих кораблей назвать новые бухты, заставить говорить упрямое безмолвие ледяной страны?

Торопило и другое: губернатор барон Плеттенберг сообщил, что два французских корабля, полгода назад открыли землю на 48° южн. широты и что капитан корабля «Фортуна» был послан во Францию с реляциями об этом открытии^[21]. В марте же два других французских корабля под командой капитана Мариона заходили к мысу, направляясь на юг в поисках новых земель.

Волновала мысль, что французы первыми достигнут Южной Земли, мерещилось знамя с золотыми лилиями и якорями, водруженное на высокой скале. Кук просил англичанина Брандта, в доме которого остановился, похлопотать о скорейшей доставке продуктов. Услужливый соотечественник, давнишний житель Капштадта, знающий все и всех, бывший в лучших отношениях с местными властями, пустился в разыскивание нужных людей и всячески способствовал снабжению

экспедиции. «Он поспешил с хлопотами, в то время как матросы на борту чинили снасти и плотники конопатили бока и палубы судов». Заново выкрашенные корабли стали такими же, как в день ухода из Плимута.

Натуралисты рьяно принялись за свою «охоту». Страна была полна новых никогда не виданных интересных экземпляров животных и растений. Георг Форстер жалуется, что за недостатком времени они не успели обследовать глубь страны, где водятся такие редчайшие животные, как гну и дикий буйвол.

Колонисты-немцы, голландцы и французы занимаются земледелием под неустанным контролем хозяина страны — Ост-индской компании, вершащей суд и расправу и устанавливающей свои законы. Запрещение селиться в близком друг от друга расстоянии, обложение тяжелыми налогами, всякого рода запрещения и ограничения снижают продуктивность хозяйства, не дают колонистам усовершенствовать и развивать обработку хлеба и винограда. Распухают карманы губернатора, получающего десять долларов с каждой сотни галлонов вина, не считая жалованья, домов, садов и прочего; вице-губернатора, начальника полиции, занимающегося сыском и других высоких чиновников — членов совета, управляющего страной.

Георг Форстер думает, что если бы страна принадлежала республике Соединенных провинций, то достигла бы изобилия и расцвета, чего не может быть при настоящем ее положении:

«Купеческая Компания находит больше выгоды самой владеть землей и прикрепить к ней колониста из опасения, чтобы он не стал слишком богат и слишком силен».

Туземцы-готтентоты ушли в глубь страны. О них знают мало и мало ими интересуются. Племена бушменов, кочующих поблизости, полудиких, живут охотой и кражами. Колонисты не дают им права иметь скот, в изобилии пасущийся на необъятных лугах. Это не люди, полуживотные, годные для работы. Голодный дикарь охотно идет к фермеру-колонисту и становится рабом, вьючным животным, сторожевым псом, охраняющим стадо, даровой рабочей силой. Вся жизнь колонии вертится вокруг торговли вином и хлебом, экспортируемым в Батавию и Европу. Голландский купец — король Капштадта: он регулирует рыночные цены, то есть всю жизнь области.

Малайцы, бенгальцы, негры, готтентоты, жители знойных островов и холодных гор должны повиноваться «мирному» завоевателю, отнявшему их родные земли. Против пушек и ружей «цивилизованных» европейцев бессилён деревянный щит туземца. Голландские купцы перенесли в

Капштадт и свои кирпичные дома и каналы, обсаженные деревьями, перенесли и нетерпимость к чужой вере. Лютеранским священникам запрещено совершать богослужение, отправляемое случайно датскими и шведскими священниками, приезжающими с кораблями. А до веры и обычаев работ никому нет дела, это пустяк, о котором и думать нечего.

Пока натуралисты объезжают окрестности, охотятся за птицами, ловят змей и ящериц, пока Ходже пишет виды города и мыса, офицеры развлекаются констанским вином и услужливыми колонистками. Кук с утра до вечера следит за работами в доке, за питанием экипажа, за подвозом продовольствия. Отдых заключался в визитах официальным лицам и крупным купцам, развлекавшим иностранного капитана вечерами, танцами и игрой на лютнях, в чем их жены и дочери были мастерицы, прогулками в красивых садах и обильными ужинами с чудесными винами лоз, привезенных когда-то из Персии, Бургундии и Мадейры. Но и визиты делались, главным образом, с целью ускорить отъезд: от всех этих лиц зависели и починка кораблей и подвоз продовольствия.

За три недели, проведенные на берегу в домашней обстановке гостеприимного Брандта, Кук еще больше сошелся со своими спутниками. Ученые, стоявшие значительно выше его по образованию, чувствовали необыкновенную силу его способностей, невероятную интуицию в вопросах науки. Он точно, кратко и ярко выражал свою мысль, знания, приобретенные чтением и опытом, были глубоки и основательны. Деревенский мальчишка, чумазый юнга с угольщика выросстал в большого человека.

Кук сжился с Форстером-отцом, и, несмотря на «чужачества» профессора, между ними ни разу не произошло никаких столкновений. Видимо обоюдная вспыльчивость обезоруживала их, а быстрая отходчивость и обаятельная доброта Кука побеждала неуживчивого ученого. Любовь к науке мирила их окончательно и делала друзьями. Когда Форстер встретил в Капштадте доктора Спармана, ученика знаменитого Линнея, он уговорил Кука взять его с собой. Спарман был швед, и Кук вначале упорно отказывался взять на борт подданного иностранного государства.

«Господин Форстер... полагая, что он ему будет чрезвычайно полезен во время путешествия, настоятельно просил меня, убеждая взять на борт этого иностранца. Я согласился наконец, и он отправился с нами, чтобы помогать господину Форстеру в его работе...»

Двадцать второго ноября, в три часа пополудни корабли снялись с якоря. Гулко пронесся над бухтой пушечный салют. К вечеру вышли в

открытое море, встретившее ветром и дождем.

К «НЕВЕДОМОЙ ЮЖНОЙ ЗЕМЛЕ»

Год	Южн. шир.	Вост. долг.	Отклон. компаса на зап.	Термометр	Барометр	Ветер, небо. Заметки.
1772	0'	0'	0'	0'	р	
Ноябрь						
24	35 25	17 54		63 1/2	29 10	З-Ю-З. и Ю-В. Небо чистое.
25	37 15	16 35		64	30	Ю-В на В. Ветер свежий и благопр.
26	39 4	16 23		69	29 80	С-С-В. Свежий бриз. Небо облачно.
27	40 4	16 52	18 30	52	30	Ю-Ю-В. Хороший бриз.

Это обычная таблица пути изо дня в день. Одна из страниц первой книги о море, где не был еще ни один корабль. Море, может быть разделяющее мир известный от нового, чудесного, громадного.

Четыре дня проходят спокойно. Альбатросы плывут за кораблем. Жадно бросается белая птица на выброшенный удочкой кусок мяса и трепещущим тяжелым комком повисает на лесе.

Кук предусмотрительно раздает матросам теплую одежду, запрещает мыться пресной водой, ставит часового у водяного бака, приказывает пустить в ход Ирвингову дистилляционную машину. Условия плавания в этих широтах никому неизвестны. Надо быть готовым ко всяким неожиданностям. Первые спокойные строчки таблицы не могли усыпить настороженность опытного морехода. «Хороший бриз» перейдет в мертвый штиль или бурю.

Не прошло и суток, как опасения сбылись: налетела буря с дождем и градом и начала трепать корабль. На палубах, в каютах, в трюмах творилось невероятное: с грохотом летали бочки, бутылки, вдребезги разбивалась посуда. Волны яростно обливали, подбрасывали, кидали в бездну, снова подхватывали и несли куда-то далеко на восток, от намеченного пути. Ветер стонал, свистел, выл. Беспомощной цепкой носило корабль по клокочущей воде. Стаи буревестников с криками носились в воздухе, точно согнанные ветром, точно жадно ждущие кровавой поживы. В этот шум врвался вопль из трюма: овцы, свиньи и гуси умирали в давке и тьме. Еле держась на ногах, люди дрогли от холода

в дожде и ветре. Беспомощные фонари гасило и вырывало из рук.

В одну из ночей в шкиперский магазин на носу хлынула вода. В темноте не могли сразу найти течь. Принялись откачивать насосами. «Все, — пишет Георг Форстер, — были полны ужаса, увеличивавшегося темнотой ночи».

...«Ветер повернул на З и Ю-З, — записал Кук, — и 29-го, установившись на З-С-З, усилился и перешел в бурю, продолжавшуюся с небольшими интервалами умеренной погоды до 6 декабря, когда мы находились на 48°41' юж. ш. и 18°24' вост. д.».

В общей суете капитан неизменно спокоен. Слова команды звучат строго и уверенно. Озябшие матросы получают лишнюю порцию вина и пива. Больше всего огорчает Кука потеря скота: это грозит сокращением мясной пищи.

Седьмого декабря увидели пингвинов, десятого — первую ледяную гору. Образование этих ледяных гор вызывало различные предположения и споры. «Когда мы встретили этот первый лед, — пишет Георг Форстер, — у нас могли быть только догадки об его образовании; но после того, как мы объехали вокруг света, не найдя южного материка, в существование коего верили в Европе, нам кажется правдоподобным, что этот лед образуется в море: эта мысль тем более разумна, что после многих вполне законченных опытов, знают, что соленая вода может замерзнуть». Таково было мнение большинства ученых, сохранявшееся еще много лет.

Увидав эти ледяные громады, плавающие в океане, Кук первый заявил, что он убежден в их образовании на твердой земле и что такая земля должна быть у Южного полюса, покрытая снегом и льдом. Вид этих гор только подтверждал его прежние предположения. Столь простая, как кажется нам теперь, догадка, полностью оправдавшаяся через полтора столетия отважными поисками Роальда Амундсена и капитана Скотта, утвердившего взгляд своего знаменитого соотечественника, почему-то упорно не принималась учеными, всячески старавшимися доказать ее несостоятельность. Даже комментатор «Путешествия» счел нужным опровергнуть Кука: «Я должен прибавить к тому, что замечает здесь господин Форстер, что капитан Кук говорит в нескольких местах своего путешествия о большой земле, находящейся очень близко у южного полюса, так как ему кажется, что лед должен, образовываясь, быть прикрепленным к первичному ядру. Это утверждение не кажется правдоподобным, и к тому же самая малая песчаная отмель была бы для этого достаточной».

Горы увеличивались и в размере, и в количестве. Плавание с каждым

часом становилось труднее, приходилось лавировать между этимидвигающимися скалами и то и дело менять курс. Ртуть термометра то поднималась, то резко падала. Туман заставлял корабли держаться вблизи друг к другу, чтобы не потеряться в мглистой дымке дождя и снега. Паруса и снасти обледенели. Киты и пингвины, попадавшие все чаще, заставляли надеяться на близость земли, но лот не доставал дна. Однако всем мерещился мыс Обрезания, открытый Буве тридцать три года назад, предполагаемое начало Неведомой Земли.

Кук, поддавшийся было общему настроению, скоро убедился в ошибке и оценил обстановку иначе: он понял грозившую опасность и неосторожность вести корабли дальше в льды. Выбрав спокойное место, лег в дрейф и дал знать капитану Фюрно, что ждет его к себе. Свидание двух капитанов решило дальнейшую судьбу экспедиции. Кук считал невозможным пробиваться сквозь лед и подвергать опасности корабли и людей в погоне за призрачными миражами. Надо стараться итти на восток по, кромке льда, в поисках прохода на юг. Кроме того, в тумане и постоянных переменах курса легко кораблям потерять друг друга из вида. На этот случай Кук предложил Фюрно крейсировать трое суток вблизи места их расхождения, а затем итти к Новой Зеландии, где и ждать «Решимость».

Эти четыре месяца небывалого в истории путешествий плавания вдоль границ Антарктиды, в условиях полной непригодности кораблей и экипажей, при отсутствии карты и каких бы то ни было указаний, были истинным героизмом. Из матросов только два или три человека бывали раньше в Северном Ледовитом океане, из офицеров и ученых никто не видал льдов, капитаны впервые работали в таких условиях. Сложнейшие перемены курсов, постоянный туман, низкая температура, постоянная угроза ледяных гор и полей являлись труднейшей навигационной задачей, разрешать которую можно было только догадками, хладнокровием, уверенностью в себе и своих людях. Кук первый прокладывал новый путь будущим мореходам— исследователям. Однообразное и бледное с точки зрения обывательской интересности, это плавание было одним из самых значительных его достижений как в области навигационной, так и научной. Скромные записи астрономических наблюдений, метеорологических данных и мелких фактов корабельного распорядка звучат в наше время иногда беспомощно и незначительно. Но стоит сообразить, что на этих скромных наблюдениях и данных наука построила все дальнейшие свои изыскания, открывшие навигации важнейшие пути к достижению Южного полюса, к точному географическому изучению Южного полярного моря и

Антарктики, обогатившие зоологию рядом новых видов животных, и что человечество двинулось к новым научным завоеваниям, оглядываясь на эту отважную горсть людей, одной своей волей пробившихся сквозь льды неведения, как станет ясной значительность этих «незначительных» записей полуграмотного самоучки-капитана.

«Термометр, показывал от 30° до 34°, погода очень пасмурная с дождем и снегом, с холодом, угнетавшим нас еще более, нежели показывал термометр, и на который жаловался весь экипаж. Чтобы матросы переносили его лучше, я приказал удлинить толстой материей рукава их курток (бывших столь короткими, что не закрывали рук) и сделать, кроме того, каждому шапку, очень им помогавшую».

Если Кук заботился о матросах, как людях нужных ему, он в то же время всегда ценил их работу и, как во время своего первого путешествия, неизменно отмечал их героическую стойкость в труднейших условиях плавания.

«Что было особенно досадно — лед покрывал снасти, паруса и блоки, и нельзя было прикасаться к ним без сильной боли. Экипаж превозмог эти трудности с твердостью и настойчивостью и боролся с этим резким холодом гораздо лучше, чем я того ожидал».

Постоянно скрытый за краткостью своих записей, стесняясь пускаться в обширные научные и философские рассуждения, Кук мало говорит о себе. Аффектированные, банальные фразы его жизнеописателей, еще при жизни его расточавших похвалы и твердивших о высоких качествах его как человека и начальника, хвалебные спичи и некрологи после его смерти, говорившие об «искреннем и полном привязанности доверии», какое питали к нему подчиненные, о «восхищении» офицеров и матросов своим капитаном, не могут скрыть истинной картины жизни на корабле, вовсе не такой идеальной, как это казалось рьяным поклонникам. Кука или людям, по своему социальному положению не могущим считать ее иной.

Конечно, Кук не принадлежал к общей массе заурядных военных капитанов, он не боялся уронить достоинство начальника, становясь иногда на равную ногу с матросами, считаясь с опытом и умением того или другого из них, он даже сумел внушить им общность цели и сознательную оценку работы. Пытался даже сблизить офицеров с матросами, в нужных случаях сглаживать различие чинов. Но все это носило характер примитивности и полной беспомощности перед лицом укоренившихся традиций. Установленные раз и навсегда уставы и правила, впитавшиеся до мозга костей, не могли заставить офицеров спуститься с высоты их классового величия до матросской массы и слиться с ней. Зеленый камзол с

красными отворотами рукавов и треуголка неотъемлемо утверждали превосходство офицера, державшегося как можно дальше от простого матроса, всегда остававшегося, только жителем трюма, нижней палубы, подчиненной рабочей силой, не могущей подняться из тьмы невежества и грубости на равную с ними ступень.

Матросы жили своей обособленной жизнью, придавленной безоговорочным подчинением начальникам, страхом телесных наказаний, тьмой непробужденного сознания, вспышки которого неизменно тушились самыми строгими мерами. В их отношениях к Куку сказывалась их забитость: они подчас верили в искренность его забот, наделяя его небывалыми качествами, на них действовали и рассказы на родине о заслугах знаменитого капитана и сказки, оплетавшие его детство и раннюю молодость, они искали в нем равного себе по происхождению и, значит, не такого, как другие начальники. Когда Кук расправлялся с провинившимися по всем правилам морского устава, приказывал сечь плетью или запирать в глубине корабля, они молчали, зная, что на других кораблях и у других капитанов они подверглись бы худшему наказанию. Весь распорядок судовой жизни был такой же, как на всех кораблях королевского флота. Между матросами и капитаном оставалась все та же пропасть, заполненная рядом всяких начальников, начиная от боцмана, примерного служаки, не жалевшего ни своих кулаков, ни матросских скул, до старшего лейтенанта, фильтрующего сквозь незыблемые правила морской службы слишком либеральные приказы капитана.

Кук не преодолел этой пропасти, и хотя мягче других, он все-таки смотрел на матросов глазами начальника, стоящего неизмеримо выше их, оценивавшего их только как силу, необходимую для движения корабля, сохранять и заботиться о которой он обязан для успешного выполнения данных ему заданий.

«Пять дней под ряд были довольно ясные. Кроме предыдущих наблюдений, которые нам удалось поэтому сделать, эта хорошая погода была нам к тому же очень полезна и установилась чрезвычайно кстати, так как, имея на борту много пресной воды или льда (что было для нас одно и то же), экипаж смог выстирать и высушить свое белье и платье, предосторожность, которую необходимо как можно чаще соблюдать в долгих путешествиях».

Семнадцатого января пересекли полярный круг на $39^{\circ}35'$, а к концу дня корабли были на $67^{\circ}15'$ юж. ш.

Поднявшись на грот-мачту, Кук увидел громадное ледяное поле, бескрайно лежавшее к югу. Лето приходило к концу, пробиться сквозь льды

было невозможно. Сомнительной была возможность обхода льдов с востока, и он решил идти на север в уже пройденные места, тем более, что поднявшийся сильный ветер заставлял бдительно остерегаться близости льдов и убирать паруса. Густой туман и снег задерживали ход. Мороз усиливался. Вода на корабле замерзала. Волны вздымались сильнее, и к ночи налетела буря с дождем и снегом. Резко менявшийся ветер то нес корабли, то оставлял их на произвол разбушевавшегося океана. Кук то заставлял «Предприятие» подходить ближе, то удаляться в зависимости от состояния погоды, рассчитывая в ясный день на возможность обнаружения земли. Ветер драл паруса и метался, набрасываясь то с одной, то с другой стороны. С каждым днем гасла надежда отыскать землю. Первого февраля ветер установился на северо-восток, принудив держать курс в этом направлении. «Так как мы находились тогда на $48^{\circ} 30'$ ш. и $58^{\circ} 7'$ вост. д. и приблизительно на параллели острова Морис, я ожидал найти землю, которая, говорят, была открыта французами в январе 1772 года; не видя ни малейшего признака ее, я пошел на восток».

Капитан Фюрно уверял, что земля должна быть близко, судя по появлению чаек и буревестников и по состоянию моря. Но Кук не верил: его наблюдения не говорили этого, а кроме того, если даже эта земля и существовала, то не была мысом Южного Материка, как утверждали в Англии и Франции. Это было достаточно, чтобы не задерживаться в этих широтах. Тем не менее, Кук уступил Фюрно и в продолжение трех суток корабли шли на запад и северозапад, после чего снова повернули на восток. Каждый ясный день использовался для проветривания постелей, уборки и окуривания корабля.

Восемь месяцев плавания обошлись без единой серьезной поломки и болезней. Предусмотрительность и догадки Кука оправдывались блестяще. ^Ложно было смело рискнуть еще раз пересечь полярный круг. В запасе было здоровье и сытость матросов, бодрое настроение. Эта неосторожная, необычно дерзкая мысль тревожила сознание. Благоразумие гнало ее прочь: пора было уходить от полярной зимы, грозившей страшными холодами, туманами, тьмой, бурями, от опасности зимовки в льдах, в условиях беспримерных, налагавших огромную, не по силам ответственность. Кук сознается в желании снова направить корабли на юг, в льды на поиски прохода к Неведомой Земле. Но обстоятельства, хотя и омрачавшие это удивительное плавание, повернули колесо судьбы и спасли Кука от опасного шага, от рокового, может быть, решения упорного и смелого человека.

Восьмого февраля день был пасмурный, тяжелые, низкие облака

ползли, застилая свет, все вокруг тонуло в туманной мгле. Каждый час стреляла пушка, глухо отдавался выстрел, мгновенно проглоченный туманом. Ответа не было. «Предприятие» молчало, скрытое темными облаками. День тянулся тревожно. Кук приказал стрелять каждые полчаса. Мгла зловеще молчала. Ясная погода следующего дня открыла пустое море. «Предприятия» не было. Легли в дрейф, стреляли всю ночь, жгли фальшфейеры. Прошли еще сутки. Всех охватило жуткое чувство одиночества, оторванности. «Весь экипаж, — говорит Форстер, — был подавлен этой разлукой; мы не бросали взгляда на океан без того, чтобы не выразить грусти при виде нашего одинокого корабля посреди этого неведомого и далекого моря; вид второго судна смягчал до тех пор наше беспокойство и внушал веселость».

Кук был спокоен: он предусматривал возможность потери «Предприятия», а капитану Фюрно были даны все нужные директивы. Но решение идти на юг было поколеблено. Еще несколько суток Кук вел корабль на юго-восток, потом на юг и опять на восток. Он как будто боролся, подавляя в себе самом неосторожные порывы. Наступавшие ясные дни, обилие пингвинов и альбатросов манили обманчивой близостью земли. Появление ледяных гор, холодный ветер и туман заставляли одумываться и менять курс. Полярное сияние, развернувшее по небу фантастические огневые ленты, тушившее своим светом звездное поле, звало в сказочную страну за льды, за ветер. Борясь с морем, лавируя между ледяных гор, сквозь туманы, дождь и снег, Кук довел корабль до 61°52' юж. ш. В этом чувствуется какой-то неугомонный порыв, охвативший рассудительного до тех пор человека. Эта короткая вспышка неукротимого упорства была ответом на досадную незавершенность задуманного. Записи этих дней пестрят непривычными словами: «Красота этого зрелища наполняла душу восхищением и ужасом...»

Потеря «Предприятия» и сила стихии сломили наконец упрямого капитана. «Столько неблагоприятных обстоятельств, соединенных с темными ночами этого позднего времени года, помешали мне исполнить принятое решение — еще раз пересечь полярный круг».

Отбросив мысль идти на юг, Кук все-таки медлил и через несколько дней снова попробовал изменить курс. Это было последней слабой попыткой переспорить природу.

Сорокачетырехдневное плавание у полярного круга имело большое научное значение, доказав отсутствие земли в этих широтах. Белое пятно на карте отодвинулось еще дальше к югу. Никаких мысов Южной Земли здесь быть не могло. Об этом говорили морские течения, промеры глубины,

отклонения магнитной стрелки.

Семнадцатого марта Кук окончательно решил повернуть на север и идти к Новой Зеландии, чтобы найти «Предприятие» и дать отдых людям. Разница в восемь градусов долготы сразу повысила температуру воздуха, изменила к лучшему погоду и восстановила хорошее настроение. Попутный ветер быстро двигал корабль и утром 25 марта поднялся из-за горизонта западный мыс Новой Зеландии. А на следующий день, в три часа дня «Решимость» бросила якорь в бухте «Темной».

«...Мы сделали в течение стосемнадцатидневного похода три тысячи шестьсот шестьдесят лье, ни разу не видя земли...»

Кук снова гордо заявляет читателю, что ошибается тот, кто подумает, что на корабле был хоть один больной скорбутом. Пивное сусло, кислая капуста и бульон оправдали себя.

Дневник приобретает снова свою обычную, спокойную форму. Среди островов Новой Зеландии Кук чувствует себя, как дома. Хозяйственная деловитость сменяет мимолетный порыв неосторожного увлечения.

Он снова принимается за мелкие заботы: налаживает починки, снабжение продовольствием, разрабатывает с офицерами дальнейший маршрут и поиски «Предприятия». Общая радость земле и теплу сплелась с безграничным доверием к капитану, и никому не приходило в голову, что он один мог быть недоволен собой.

ПЕРВЫЙ КРУГ

НИКТО ИЗ европейцев не высаживался еще на этом берегу. Тюлени благодушно лежат на камнях, греясь на солнце. Птицы не умеют бояться охотников, подпускают совсем близко и даже усаживаются на ружья.

Белые люди объявляют войну берегу. Располагаются лагерем, строят обсерваторию, разбивают палатки для плотников, бондарей, раскладывают костры, рубят деревья и начинают убивать птиц. К обычному вековому шуму моря, к поющей тишине непроходимого леса присоединяются небывалые голоса, выстрелы, песни.

Охота заполняет весь досуг. Ученые и офицеры, с Куком во главе, устраивают облавы на уток, тюленей, рыб. Наскучив однообразием пищи, желудок требует вознаграждения. Завтраки на прибрежных скалах украшаются изысканностями: «сапсер омагус» и какой-то новый вид рыбы. Сердце и печень тюленя, дичь, политые пивом, услаждают аппетиты матросов.

Кук принялся за свои опыты: пиво варится с примесью канадской ели, и получается прекрасный напиток, спасающий от нездоровой сырости, обволакивающей берег. Форстеры и Спарман устремляются в лес, возвращаясь оттуда с целыми охапками растений, цветов, камней. Ходже пишет пейзаж с водопадом. Радость земли и отдыха застилает пережитые невзгоды. Жизнь на корабле становится сразу обыкновенной, каюты и палубы пустеют с утра, все переносится на берег, даже корабельная кошка, трогательно совершающая кругосветное путешествие, отправляется на охоту за доверчивыми птичками, удивленно умирающими в ее когтях.

Туземцы появляются не сразу: боятся белых странных людей. Они тупо смотрят на топоры и гвозди, оставляемые у их шалашей из палок и древесной коры или в брошенной пироге.

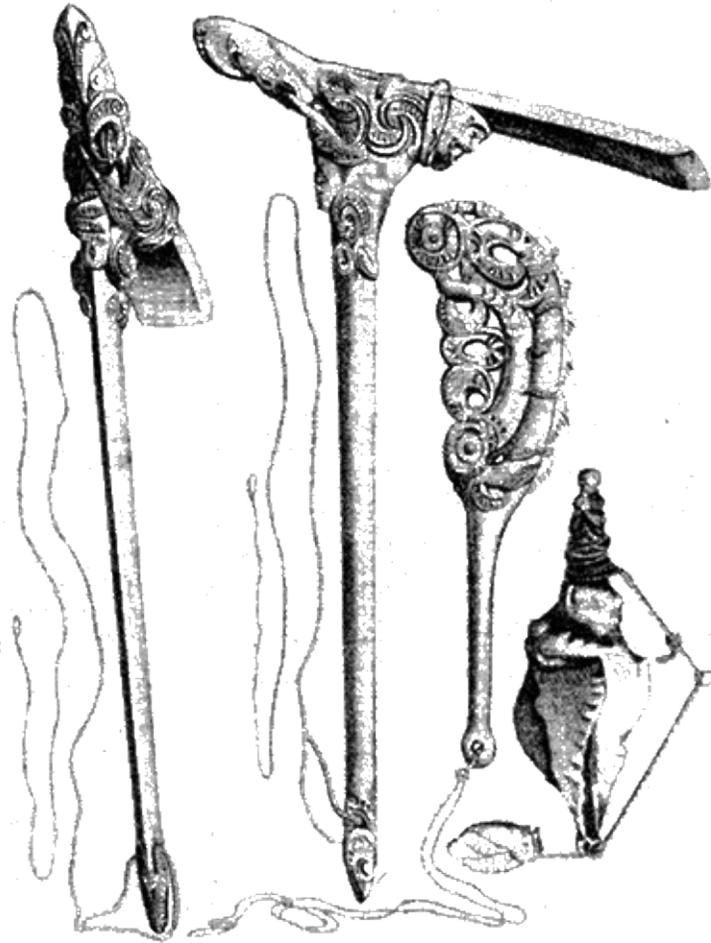
Кук применяет к дикарям свой обычный способ: приближается к ним, держа в руке зеленую ветвь или белый лист бумаги, обнимает туземца и дарит какую-нибудь безделушку. Туземцы похожи на таитян: те же смуглые тела, черные, в мелких завитках волосы, густо смазанные отвратительно пахнущим маслом. Кук говорит таитянский приветствие. Может быть, его понимают. Постепенно завязывается знакомство. Туземная женщина чрезвычайно болтлива, она быстро сыплет непонятные слова. Один из матросов острит: «Язык женщин одинаково хорош во всех частях света». Кук снисходительно относился к любовным похождениям матросов, это

входило в его гигиенические планы.

«Молодая зеландка проявляла удивительную привязанность в особенности к одному матросу, до тех пор пока он не обнаружил свой пол, но с этой минуты она не захотела терпеть его подле себя. Я не знаю, наказывала ли она его этой осторожностью за то, что он обнаружился, позволив себе некоторую вольность, или то было следствием ее скромности?»

Когда через несколько дней туземцы явились целыми семействами, Кук вышел, к ним, накинув на себя в виде плаща кусок материи, и, обнявшись с выступавшим впереди новозеландцем, снял «плащ» и надел на гостя. Это понравилось. Любопытные по-детски новозеландцы осматривали корабль, хватали все руками, выпрашивали разные вещи и удивлялись пушистой шерсти невиданного мяукавшего животного. В знак полной дружбы они вынимали из-под одежд кожаные мешочки, полные зловонным маслом и мазали белым людям шею и волосы. Им очень нравились топоры и гвозди, которыми одаривали их чужестранцы.

Вопрос отношений с туземцами всегда казался Куку одним из труднейших, запутанных. Мягкое, человеческое обращение с ними часто не давало хороших результатов: враждебность (особенно среди новозеландцев) к нему и его спутникам в корне уничтожила его филантропические планы. Он сердился, не находя общего с ними языка.

Военное и охотничье оружие новозеландцев

Казавшиеся успешными опыты первого путешествия, теперь, при повторении их, не давали желаемых результатов. Былые увлечения гуманными идеями воспитания островитян уступили место самому заурядному для любого колонизатора взгляду на туземцев, самым обычным мерам, испытанным английскими моряками. В этом отношении Кук не поднялся выше уровня класса, воспитавшего его и задачи которого он исполнял. В конце концов, применение силы, палка или ружье были единственным настоящим оружием в его руках. Иллюзия каких-то необычайных возможностей постепенно рассеивались.

Правда, он чувствовал свою беспомощность и жаловался на нее. Жестоко осуждая своих предшественников, он сам впадал в те же ошибки.

Какие-то мысли, неясные и примитивные, бродили в его голове, не слагаясь в нечто определенное, могущее точно разрешить запутанную задачу. В записях дневника сквозит эта неуверенность, беспомощность догадок, незавершенность мысли.

«Трудно отгадать, что заставило три или четыре семейства (ибо я думаю, что их больше и не было), удаляться так от общества других людей... Ибо... если у них есть разум, почему они не соединятся в общество, если такое соединение естественно человеку и животному?»

Кук всячески старался прикрепить туземцев, к земле. Показывал употребление топора, очищал от леса широкие площади и засеивал всевозможными овощами, растолковывая способы выращивания картофеля, моркови и проч. Оставлял на берегу овец и свиней, но никогда не мог быть уверен, что его поняли и оценили.

Кук был одинок в этом своем увлечении. Спутники его не поддерживали, они скептически относились к такого рода благим начинаниям, не смели открыто критиковать и ограничивались двумя-тремя фразами, вскользь упоминавшими о благодетельных порывах капитана, и, говоря о своих научных победах, не верили в усвоение туземцами навыков оседлой жизни с удобствами цивилизованного хозяйства. «Терновник скоро заглушит полезные растения, взлелеянные нашими руками: скоро не найдут следа наших работ, и берег возвратится в свой первобытный хаос».

Но Кук верил, хотел верить в торжество цивилизации над дикостью островитян, он упорствовал в своей системе насаждения культурных начал, обвиняя себя в недостаточном понимании, недостаточно глубоком изучении нравов и быта туземцев. Это и ведет к слишком поспешным выводам и обидным ошибкам: «...насколько мы склонны ошибаться в намерениях этих народов и приписывать им обычаи, о которых они никогда и не думали».

Объезд островов дал новый богатый материал для составления карты. Кук называл бухты и острова именами спутников или животных, попадавшихся в большом количестве. Начинаясь зима. Чаше туман обволакивал берег, холодный дождь держал запертым на корабле. Прибрежные деревья сбросили пожелтевшую листву. Постоянная сырость грозила заболеваниями. Надо было скорее уходить из этих мест.

В первых числах мая Кук заболел. Его лихорадило и на ноге появилась опухоль, кроме того, сильная боль в паху мешала двигаться. Как всегда, об этом рассказывает Форстер, сам Кук ограничивается пятью словами, брошенными между прочим: «Болезнь задерживала меня на борту». И как тогда, в Батавии, он постарался скорее забыть про болезнь, побороть ее,

полней заняв время, чтоб меньше думать о себе, а главное, не показать своим людям и тени слабости. Оставаясь на корабле, он рассылает лейтенантов на разведку удобнейшего выхода из бухты и, оставшись с матросами, заставляет их чистить, проветривать и окуривать трюм и палубы. К вечеру налетела буря и всю ночь держала капитана на ногах под дождем и ветром. О болезни думать было некогда. За все свои долголетние плавания Кук ни разу еще не сдавал команды, ни разу матросы не видели никого, заменявшего капитана.

Кук повел корабль к проливу королевы Шарлотты, где надеялся найти «Предприятие». В пути «Решимость» была окружена смерчами. «Наше положение, — говорит Форстер, — во все время этого явления природы было чрезвычайно тревожным: эти смерчи, служившие соединением моря и облаков, поражали восхищением и ужасом, и наши моряки, наиболее опытные, не знали, что делать; большинство из них видало издали подобные смерчи, но никогда они не были так окружены ими со всех сторон, а мы знаем страшное описание гибельных последствий, когда они обрушиваются на корабль. К счастью, смертоносные столбы прошли мимо. Кук вспомнил читанное им в морском словаре Фальконэ: «Эти объяснения взяты главным образом из философических трудов знаменитого доктора Франклина». Начитанность капитана не уступала знаниям ученых. Форстеры не могли объяснить возникновения смерчей и тоже ссылались на Франклина.

Восемнадцатого мая раннее утро огласилось радостной пушечной пальбой: «Предприятие» первое увидало «Решимость». «Надо было побывать в положении, подобном нашему, чтобы почувствовать нашу радость». Полтора месяца «Предприятие» ждало своего товарища. Два с половиной месяца прошло со дня разлуки. Трогательная встреча капитанов произошла в тот же вечер, когда «Решимость», воспользовавшись легким бризом и приливом, отправила шлюпки (с якорями и подтянулась к «Предприятию»). Снова началась дружная жизнь двух кораблей, приободрившая всех.

Первой мыслью Кука было немедленно уйти от берегов Новой Зеландии, достаточно изученных с обеих сторон. Земля Ван-Дьемена^[22], лежащая к западу и интересовавшая Кука, была обследована капитаном Фюрно, почти доказавшим ее островное положение, то есть именно то, что предполагал Кук в противоположность многим, утверждавшим принадлежность ее к Новой Голландии. Следовательно, надо было (итти на восток и обследовать пространство между сорок первой и сорок шестой параллелью. Кук сообщил о своем намерении Фюрно, предложив тотчас

приступить к сборам.

Дело шло все о том же Южном Материке, предполагавшемся между Новой Зеландией и Америкой. В средних широтах Тихого океана еще не ходил ни один корабль. Первое путешествие Кука отодвинуло Неведомую Землю от берегов Новой Зеландии, но не доказало отсутствия материка. Теперь Кук поставил себе задачей установить возможность беспрепятственного плавания в средних широтах, что ему подсказывал уже пройденный на «Решимости» путь.

«...Предполагая, что мои попытки не имели бы никакого успеха, я рассчитывал, по крайней мере, сообщить потомству, что можно плавать в этих водах и предпринимать в них открытия даже среди зимы».

Стоянка в проливе продолжалась двадцать дней. Кук занялся посадкой овощей. Огороды были уже разведены капитаном Фюрно. «Я посетил разные огороды, где капитан Фюрно велел посадить разного рода овощи, которые все были в цветущем состоянии и должны быть весьма полезны туземцам, если они будут за ними ухаживать». Затем он приказал отвести в лес барана, кабана, козла, овцу, свинью и козу. Он надеялся, что, размножившись, они обеспечат туземцев хорошей пищей и выгодным хозяйством.

«Тридцать туземцев посетили нас и принесли нам большое количество рыбы, которую обменяли на гвозди и прочее. Я отвел одного из этих зеландцев на Мотуара и показал ему несколько картофелин, из посаженных там господином Фанкеном — боцманом с «Предприятия». Казалось, они должны были созреть, и индеец был так ими восхищен, что по собственной воле, начал разрыхлять землю вокруг растений. Его повели затем в другие огороды и показали брюкву, тыкву, морковь и пастернак, корнеплоды, которые вместе с картофелем будут им действительно полезнее всего того, что мы посадили. Нам было легко дать им понятие об этих корнеплодах, сравнивая их с уже известными им».

Торговля пошла бойко. Матросы так увлеклись обменом, что начали отдавать свою одежду, получая взамен всякие безделушки. Куку пришлось вмешаться и попросить гостей оставить корабль. На прощанье, исполняя приказ Адмиралтейства, он роздал туземцам медные позолоченные медали с изображением на одной стороне головы короля с подписью: «Георг III король Великобритании, Франции и Ирландии», а на другой — двух военных кораблей и надписью: «Решимость» и «Предприятие». Вышли из Англии в марте месяце 1772 года»^[23].

Туземцы торговали не только безделушками, не только продуктами своей охоты, но и женщинами. За гвоздь или топор матрос получал любовь

туземки, причем она отдавалась ему с отвращением, принужденная к этому мужем или братом. «...Без дозволения и угроз мужчин они не удовлетворили бы желанья чужестранцев., без волнения смотревших на их слезы и слушающих их жалобы».

Георг Форстер с негодованием говорит об этом возмутительном факте. «После полудня разрешили большинству матросов сойти на берег; они покупали там местные редкости и благосклонность зеландок, несмотря на отвращение, внушаемое нечистоплотностью этих женщин: щеки, покрытые охрой и маслом, были достаточны, чтобы отвратить чувствительного человека. Но хотя вонь говорила о них даже издали, хотя их волосы и одежды были наполнены вшами, которых они время от времени ели, власть животной страсти такова, что цивилизованные европейцы искали с ними усад любви». Молодой ученый искренне возмущается поведением «белых завоевателей», признаваясь в постыдных поступках, унижающих европейцев». «Очень плохо, что открытия лишают жизни невинных людей, но еще большее несчастье в развращении морали и честности целого народа. Если бы, по крайней мере, эти новые области получали бы от наших экспедиций какие-нибудь выгоды, если бы уничтожались какие-нибудь губительные обычаи, мы могли бы утешаться, но торговля европейцев была только вредна для островитян южного моря, и надо считать наиболее мудрыми тех, которые старались удалиться от нас и, остерегаясь легкомысленности характера и духа разврата, имели меньше сношения с нашими путешественниками». К этому присоединяется возмущение заражением туземок венерическими болезнями: «Ничто не может искупить вред, сделанный зеландцам, так как цена, за которую матросы покупали благосклонность женщин, развращала, кроме того, разум и мораль островитян, как было уже сказано. Обидно, чтобы у людей с дикой грубостью, суровым характером и жестокими обычаями, но, тем не менее, храбрых, великодушных, гостеприимных и неспособных обманывать, любовь — источник нежнейших чувств — становилась самым ужасным бичом жизни».

Эти обличающие слова рисуют мрачную картину одного из самых печальных результатов «мирного» завоевания новых земель европейскими правительствами.

Задевают они и Кука, смотревшего сквозь пальцы на любовные утехы матросов. Он возражал Форстеру, обобщавшему обвинение, и утверждая, что венерические болезни были привезены впервые на Таити французской экспедицией Буганвилля^[24]. Он обижался на туземцев, называвших сифилис «английской болезнью». Меры, принимавшиеся ими самими для

предотвращения распространения заболевания, казались ему вполне достаточными. Когда корабельный хирург определял венерическое заболевание матроса, Кук запрещал этому матросу сходить на берег до полного выздоровления. В (этом и была, может быть, основная ошибка. Можно ли было доверять врачу и как можно было судить о состоянии здоровья туземных женщин? Говоря о проституции таитянок и венерических болезнях, он в то же время не запрещает матросам покупать любовь туземок. Все это не вяжется с теми заботами о здоровье экипажей, которые так прославили капитана. Никто из его жизнеописателей не коснулся этого вопроса. Достаточно яркие и смелые слова Форстера не обратили ничьего внимания. Даже враги Кука не использовали такого удобного случая, чтобы умалить его славу строгого блюстителя здоровья матросов.

Наученный опытом, Кук решил дать капитану Фюрно письменный маршрут дальнейшего пути.

Седьмого июня оба корабля ушли от берегов Новой Зеландии, держа курс на юго-восток. Дойдя до $133^{\circ} 7'$ вост. д., Кук повел корабли на север, рассчитывая скоро войти в область островов, знакомых по первому путешествию. Торопиться принуждали признаки скорбута, усиливавшиеся особенно на «Предприятии», в связи с изменением климата ближе к тропику.

Два месяца прошли в однообразном плавании. Но это доказывало только правильность предположений Кука: никакого материка в этих широтах не было.

Если бы не больные, Кук, конечно, опять повернул бы к югу искать материк. «Этот вопрос был слишком важен, чтобы его не выяснить...».

Идя на север к Таити, он уже составил план нового пути к полярному кругу. На следующее лето этот план должен быть выполнен во что бы то ни стало.

В начале августа вошли в полосу пассатных ветров, быстро гнавших к тропику. Температура доходила до 80° . Снова исчезли шапки и теплая одежда и снова солнце угнетало жарой. Зеленые острова, летающие рыбы, чайки и дельфины — знакомая Куку картина первого путешествия. Много островов оставалось неисследованными и неточно нанесенными на карту. Но медлить было нельзя. «Я желал тогда больше притти к о. Таити, чем делать открытия».

К вечеру 15-го августа увидели давно желанные берега. Скучный поход кончался. «Мы провели счастливую ночь, — пишет Форстер, — в ожидании утра: мы решили забыть усталость и жестокость южного

климата; грусть, завладевшая нами, рассеивалась. Образ болезни и смерти не ужасал нас более». Яркое утро следующего дня и роскошная растительность холмов и гор Таити заставляют молодого ученого писать свой дневник чуть ли не стихами. Матросы гурьбой выбегают на бак и смотрят с радостью на приближающийся берег, где среди пальмовой рощи видны хижины туземцев. Несколько пирог несутся навстречу «Решимости», в них стоят голые люди с широкими листьями в руках, они выкрикивают непонятные слова. На берегу собирается толпа туземцев. Люди с пирога передают листья Куку, это символ мира. Взамен они получают гвозди, стеклянные бусы, медали. Они узнали Кука и спрашивают его о спутниках первого путешествия. Когда листья мира украсили верхушку грот-мачты, от берега поплыли к кораблю пироги, наполненные туземцами. Через полчаса палуба была покрыта кучами кокосовых орехов, бананов, плодов хлебного дерева, материй, каменных топоров, рыб и всяких других вещей. Все пространство моря от корабля до берега кишело пирогами, «представлявшими картину нового рода ярмарки». Обоюдная радость выражалась криками туземцев, гиканьем и смехом матросов, беготней на палубах, плеском весел...

К берегу, однако, подойти не удалось: внезапный штиль и сильный прибой угрожали посадить корабль на рифы или на мель. Попробовали бросить якорь, волны со страшной силой били корму, и киль ударялся о дно. Тогда Кук приказал спустить все шлюпки и вести корабль на буксире в море. К счастью, подувший с берега ветер помог выбившимся из сил гребцам. Так счастливо начавшийся день чуть было не кончился ужасной аварией. Все та же выдержка и спокойная уверенность капитана спасли положение.

Солнце безжалостно жгло (было 90° в тени). Ночью разразилась гроза, опоздавшая погубить корабли.

На следующее утро «Решимость» и «Предприятие» стали на якорь в бухте Оаити-Пиа.

ВТОРОЙ КРУГ

«...Я ТАК был уязвлен его поведением, что, когда он отъехал немного дальше, я два раза выстрелил поверх его головы. Тогда он выскочил из пироги и бросился вплавь. Я спустил лодку, чтобы схватить его пирогу, но как только наши люди приблизились к берегу, таитяне забросали их камнями...»

Туземец в гостях у Кука позволил себе стащить какую-то вещь и пытался незаметно удрать. Кук был «уязвлен». Он не умел сдерживать себя в таких случаях. Проповедуя мягкое обращение и осторожность, он противоречит себе, то и дело открывая огонь по туземцам. Результат — враждебное отношение к англичанам.

Преступники с точки зрения «цивилизованных» европейцев, островитяне не считали за воровство присвоение какой-либо вещи, понравившейся им своим блеском или небывалым видом. Главной причиной всех возникавших конфликтов было, конечно, преднамеренное нежелание англичан считаться с примитивностью мышления туземцев, с первобытным родовым складом их социального строя, с совершенно различным от европейцев пониманием бытовых условий. Ни сам Кук, ни, тем более, его офицеры не могли отказаться от своей обычной точки зрения. Далеко не все туземцы были безукоризненно честны, но нельзя было обобщать, называя их поголовно ворами, как это делали путешественники в своих дневниках, и тем более, применять такие жестокие меры к людям, по существу ни в чем не виноватым. Ненависть, вызываемая к себе англичанами, понятна; доверчивые вначале островитяне становились врагами, чуявшими истинную сущность «белых людей» с их действительно воровскими завоевательными целями.

Те же дневники говорят, что когда ученые и художник Ходже в тот же самый день, когда у Кука возникали всякие недоразумения с «индейцами», бродили по острову без всякого оружия, никто из туземцев не только не думал воровать у них что-нибудь, но даже оказывали им всякие услуги, были искренне внимательны и радушны.

Мысль об открытиях земли за южным полярным кругом ни на минуту не оставляла Кука. Четырехмесячная остановка на островах была лишь временным отдыхом. Для налаживания торговли надо было посещать местных царьков, наделять их подарками, угощать обедами, исполнять не всегда приятные ритуалы своеобразного этикета.

Наравне с капитаном Фюрно Кук терпеливо разделял всевозможные почести: приемы, переодевания, обмен именами и т. п. Строго следя за отношением матросов к туземцам, он за малейшую провинность наказывал их на глазах у всех. Запирание в трюме и стегание плеткой были настолько жестоки, что наводили ужас даже на «диких». Кук сам признается, что «туземцы были так напуганы, что убежали из своих жилищ ночью, и ужас распространился на несколько миль по берегу». Эти строгости оправдывались все тем же насаждением цивилизации и поддержанием флотской дисциплины. Матросами принимались они как привычное возмездие, а туземцы видели в этом беспощадность белых людей, наполнявшую их души естественным страхом.

Торговля налаживалась. Капитан разослал лейтенантов с вооруженными командами в разные стороны острова, и те меняли стеклянные бусы, рубашки и гвозди на свиней, дичь и фрукты. «Они давали свинью или какую-нибудь дичь за всякую дрянь». Таково признание Кука. Корабли наполнялись живностью. При отплытии от острова Кук непременно вручал царьку медные таблички или медали с названием судов и датой своего пребывания.

На острове Гуаэне капитан Фюрно взял на борт молодого туземца, захотевшего сопровождать англичан. Звали его О-Маи. Стройный, красивый юноша принадлежал к зажиточным туземцам, владевшим большим количеством земли и представлявшим если не правящий, то, во всяком случае, класс, пользующийся привилегиями ничегонеделания, владения слугами и лучшими жилищами и пищей.

Короткая история молодого О-Маи поучительна. С одной стороны, она лишней раз рисует некоторые взгляды Кука, с другой — отношение лондонского общества к небывалому «индейцу» и те «культурные» воздействия, которые оно оказало на этого примитивного «дикаря». Кук очень боялся, что О-Маи недостаточно типичен, чтобы дать верное представление об островитянах. По его мнению, молодой человек не был достаточно родовит и красив. Но поведение туземца скоро успокоило капитана: «Его манера себя держать делала его приятным в лучшем обществе и благородное чувство гордости заставляло избегать людей, ниже его стоявших... и так как он изучал прилежно манеры, склонности и поведение людей знатных, почтивших его своим покровительством, он был скромнен и сдержан». В Лондоне граф Сэндвич принял живейшее участие в устройстве молодого таитянина: он повез представить его королю. Это широко открыло О-Маи двери великосветских салонов. Леди и лорды наперерыв стали приглашать «индейца» к обедам и ужинам, звать гостей на

заморскую диковинку. Чувствительные дамы, начитавшиеся фантастических романов — путешествий и руководств по домашней магии, склонные к разного рода мистическим учениям, произвели О-Маи в «жреца солнца», окружили его личность ореолом вдохновенности, вообразили себя последовательницами особого культа, придуманного к случаю. О-Маи был окружен поклонниками и поклонницами, развозившими его по салонам, ловившими его непонятные слова, истолковывавшиеся в высоком стиле туманных и таинственных пророчеств.

В течение двух лет смуглый «дикарь» будоражил воображение знатных дам, служил роскошной игрушкой, развлекавшей дремлющий в скуке однообразия высший свет, пока ему самому не надоели эти одно на другое похожие празднества, и не захотелось свободной жизни родины, без несносных условностей белых людей, не научивших его ничему полезному. Он запросился домой и, нагруженный подарками, среди которых был музыкальный ящик и электрическая машина, уехал с капитаном Куком обратно на Таити. Ни первый лорд Адмиралтейства, ни Бенке, ни доктор Соландер, участвовавший в опеке О-Маи, ни Кук не сделали ничего, чтобы обратить внимание таитянина на нужные для жизни островитян отрасли европейской культуры. «Читатели подумают, быть может, — пишет Георг Форстер, — что он взял с собой на борт предметы действительно полезные его соотечественникам. Я сам надеялся на это, но был обманут». Виновником всего этого был сам Кук. Он оторвал О-Маи от общества матросов, с которыми тот прекрасно сжился во время пути и, передев его в европейское платье в Капштадте, стал вывозить в свет, представляя высшим чинам и тузам торговой компании. Умный и беспечный таитянин сразу понял выгоды такого с ним обращения, удачно подражал светским манерам, объявил себя чуть ли не отпрыском царского рода и с увлечением кинулся навстречу безудержных развлечений и соблазнительных наслаждений развращенного лондонского общества. Кук был в этом несомненно виновен, но почему? Объяснение кроется, повидимому, снова в увлечении, в своеобразном «патриотизме» Кука. От кого же, как не от аристократии и богатой буржуазии зависело тогда общественное мнение? Кто другой мог оценить по заслугам все качества таитян? Какой смысл было прятать О-Маи среди матросов и ремесленников, где он остался бы в неизвестности и не мог бы дать представления о соотечественниках, нуждающихся, по мнению Кука, во внимании именно высшего общества, людей, направляющих экспедиции к неведомым островам. Надо было во что бы то ни стало доказать именно этим лицам, что островитяне такие же люди, как и они, надо было опровергнуть и уничтожить мнение о

«звероподобных дикарях», неспособных усвоить цивилизацию европейцев. Совершенно сознательно Кук наводил на О-Маи лоск англичанина, одевал по-европейски и учил хорошим манерам, искренне веря в полезность всего этого, с присущей ему страстностью идеализируя последствия своих поступков и радуясь и гордясь достигнутым успехом. «Я не знаю, смог ли бы другой туземец более снискать общее удовольствие... Я не слышал, чтобы за два года пребывания в Англии... он когда-нибудь выказал малейшее желание перейти наиболее строгие границы скромности». Эта ошибка, как и все остальные, объясняются духом той среды, в которой он воспитывался и жил.

Таитянин О-Маи

От О-Маи впервые и узнал Кук, что жители островов Товарищества приносят человеческие жертвы, что выбор зависит от главного жреца, удаляющегося в глубину храма и там беседующего с божеством, указывающим, кого из присутствующих на молитве он обрекает на смерть. Выходя к народу, жрец сообщает волю божества. О-Маи наивно прибавлял, что надо быть в хороших отношениях со жрецом, так как его нерасположение может обратить гнев божества на человека, не угодившего жрецу. Ясно, к чему вели эти ухищрения жрецов, державших в страхе свою духовную паству. Кук не хотел верить этому, как не верил рассказам о людоедстве, пока случай не доказал ему их ужасную правду. Офицеры, гулявшие по берегу в Новой Зеландии, увидели голову и внутренности недавно убитого молодого человека и сердце, насаженное на палку, прикрепленную к носу пироги. Лейтенант Пикерсгиль купил голову за один гвоздь и принес на корабль, где кусок мяса был отрезан, изжарен и преподнесен в виде опыта одному новозеландцу, с удовольствием его съевшему. Когда об этом рассказали Куку, он не верил своим ушам. «Вид этой окровавленной головы и подробности отвратительной сцены, только что происшедшей, поразили меня ужасом и наполнили негодованием на этих людоедов. Но я считал это зло неизлечимым, любопытство превзошло во мне гнев, и, желая быть свидетелем факта, столькими считавшегося сомнительным, я приказал, чтобы изжарили еще кусок мяса и отнесли на шканцы. И не успели предложить им это гнусное кушанье, как один из антропофагов съел его с поразительной жадностью». Кук решительно отвергает предположение, что людоедство является следствием голода. Берега Новой Зеландии изобилуют рыбой, птицами, собаками, доставляющими достаточное количество пищи, не считая фруктов и овощей. Нет, он видит причину этого зла в древнем обычае съесть убитого врага. Не общаясь с другими народами, новозеландцы сохраняют свою старинную традицию, не видя в ней ничего предосудительного: враг поступил бы также. Куку вспомнилось недоверие, с каким были встречены его предположения о людоедстве, высказанные в описании первого путешествия. Теперь сомнения не было. «Какая бы ни была этому причина, очевидно, я думаю, они с удовольствием едят человеческое мясо». Пикерсгиль привез голову в Лондон, где она попала в коллекцию редкостей сэра Джона Гунтера, члена Королевского общества. Высохшая и потемневшая, она потеряла свой страшный облик, обратясь в обыкновенный музейный экспонат, вызывавший недоверчиво-любопытные взгляды натуралистов.

Это было, когда в ноябре 1773 года, объехав острова Таити и Дружбы,

побывав на островах Миддельбурге и Амстердаме, открестив новый остров именем Гарвея — граф Бристоля^[25], собрав изрядное количество сведений и наблюдений навигационных, астрономических и проч., изучив нравы и быт разноплеменных островитян, Кук завершил первый круг по Тихому океану и снова бросил якорь в проливе королевы Шарлбтты.

Когда корабли подходили к берегам Новой Зеландии, буря, накинувшись, разорвала паруса, чуть было не разбила о рифы. В ночь и туман унес ветер «Предприятие», и «Решимость» снова осталась одна. На этот раз корабли не нашли друг друга. Кук не назначил Фюрно место встречи. Обследование берегов и пушечная стрельба не помогли поискам. Кук не надеялся более на встречу со спутником и решил один итти на юг, снова к полярному кругу. Он видел бодрость матросов, готовых на новые трудности. «Экипаж плыл с такой смелостью к южному полюсу, словно целый флот шел вместе с нами». Ученые спутники Кука не разделяли его все еще радужных надежд и начинали ворчать на трудности и однообразие плавания. В записях Георга Форстера вскрывается настоящее настроение большинства. Он жалуется на слабость, чувствуемую всеми от постоянной усталости и от плохого питания. Здесь же он проговаривается о том, что «небольшое количество запасов отборных продуктов, подававшихся офицерам, начинало нам доставать и нас кормили не лучше простых матросов», что «надежда встретить новые земли рассеялась», и, наконец, что «обыкновенные предметы бесед были исчерпаны. Впереди были только новые ужасы и опасности и скучное однообразие». Это лишний раз доказывает, что только один Кук горел мечтой неизменно и несмотря ни на что. Пусть ворчат его спутники. Матросы и он выдержат еще много бурь и штормов, холода и голода, и если в них есть еще хоть капля мужества, они исполнят свой долг до конца, каких бы это жертв ни стоило. Поставленная задача должна быть решена.

Однако настроение Кука двоилось и вовсе не было таким спокойно-ровным, как казалось. Скрытный и сдержанный, он не позволял себе наподобие Форстера изливать чувства в недовольстве и жалобах. Как всегда, он не показывал вида, что в глубине души сочувствовал общему настроению, во всяком случае понимал чувства, обуревавшие его спутников. Над всем преобладало чувство долга перед подчиненными, которые не должны видеть его слабости. Дело не должно пострадать из-за личных, никого не касающихся переживаний. Шестого декабря «Решимость» находилась на 51° южн. ш., то есть как раз в антиподах Лондона. Это заставило всех обратить мысли к родине. Форстер не преминул отразить свои переживания сентиментальной фразой:

«Воспоминания о наших семьях и приятности общества исторгли вздох у тех, чье сердце чувствовало узы сыновней или отеческой привязанности». Та же мысль, но укрощенная и строго сдержанная, в записи Кука: «На следующий день в восемь с половиной часов вечера мы были в антиподах наших лондонских друзей, а следовательно, на наивозможно дальнем расстоянии от них».

Корабль снова шел в тумане среди пловучих ледяных гор, лавировал, то-и-дело меняя курс, то на север, то на восток, то на юг. Почти не заходившее солнце помогало капитану, но непрерывная напряженность работы, холод и сырость подтачивали здоровье, изо дня в день силы уходили, подкрадывалась болезнь. Кук пересиливал себя, скрывая от всех свое скверное самочувствие. В ночь под рождество он устроил традиционный обед для офицеров. Матросам роздал двойную порцию пудинга и водки. Шутил, смеялся, старался всячески поднять настроение. Ему удавалось вселить в подчиненных уверенность и бодрость. Недовольный, мучимый ревматизмом и зачатками скорбута, Форстер жалуется на беспечную веселость матросов, на их пренебрежение к опасностям, на потерю ими «возвышенных склонностей». Он ехидно острит на их счет: «Так как им дали водки, они встретили рождество, как добрые христиане».

На 66° южн. ш., белые ледяные поля остановили корабль. Кук решил итти на север до 50° и потом вновь попытать счастья. Таким образом он рассчитывал, что если не удастся пробиться дальше на юг, то по крайней мере вся эта неисследованная часть океана будет пройдена вдоль и поперек, и земли, в ней находящиеся, должны быть найдены безусловно. К концу января пошли опять на юг и с теми же трудностями достигли 70°10' широты. Сплошное ледяное поле лежало впереди, недвижимым и грозным пределом всех возможностей. Кук добился своего: если и существует Южный Материк, то далеко, покрытый льдами и неприступный кораблям. «Так как я стремился пройти дальше всех прежних мореплавателей и дальше чего не пройти человеку, то я не жалел, что встретил это препятствие. уменьшавшее опасности и усталость, неразлучную с плаванием в южнополярных областях».

Главная задача экспедиции была разрешена. Кук считал, однако, что не использует до конца всех возможностей, если при имеющихся запасах продовольствия, хорошем состоянии корабля и экипажа не исследует восточной области Тихого океана, где побывали до него другие мореплаватели, неточно и несовершенно установив местонахождение открытых ими земель. Он считал нужным исправить эти ошибки,

«продвинув успехи навигации, географии и естествознания». И он решил идти на север по сотому меридиану в поисках островов, открытых Жуаном Фернандецом, Дэвисом, Квиросом и Буганвиллем.

Исправляя неточности, допущенные на картах его предшественниками, Кук в то же время был вполне беспристрастен в оценке их работ. В своем дневнике он неоднократно отсылает читателя к сборнику путешествий в Тихий океан, изданный Дэльримплом и не один раз ссылается на ученых изыскания своего недоброжелателя. Он поистине справедлив и никогда не путает научных рассуждений с личными своими делами, касающимися только его одного. Он признавал авторитет Дэльримпля в некоторых вопросах, как и всякого другого ученого. В науке нет места личным счетам. Это правило проводилось им постоянно и тем самым делало его реплики и доклады в отличие от многих других — полноценными.

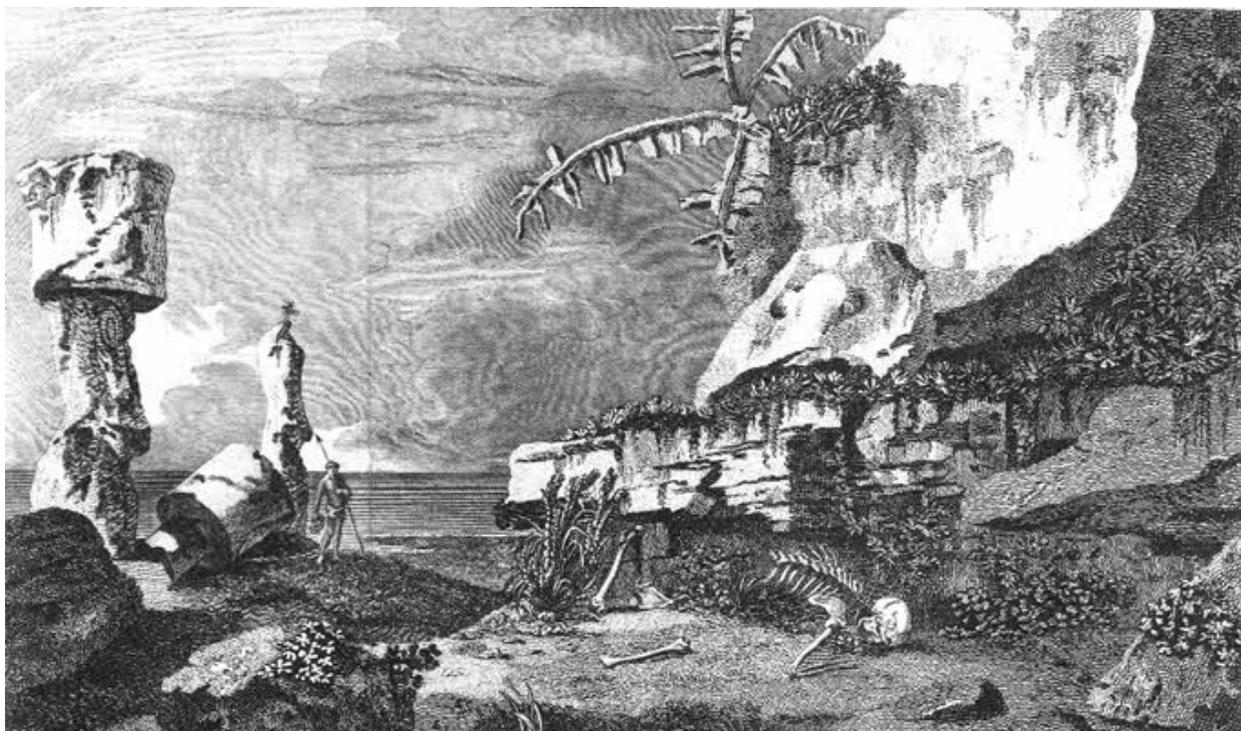
Резкий переход от холода к жаре окончательно сломил упорно сопротивляющийся организм. Начинаясь скорбут принял форму желчной болезни. Кук, конечно, хотел скрыть от всех свое недомогание, думая как и раньше побороть болезнь. Вместо того, чтобы принять необходимые меры, он делал вид, что совершенно здоров, и продолжал есть все то, что ели другие. Соленое, лежалое мясо, застоявшаяся вода, три с половиной месяца неустанной работы свалили его с ног. Пришлось лечь в постель и принимать лекарства, вызывавшие рвоту, только сильнее истощавшую. Все переполошились. «Вскоре, — пишет Форстер, — у него поднялась икота, продолжавшаяся более двадцати четырех часов и заставившая нас опасаться за его жизнь. Пробовали все лекарства, и все лекарства были напрасны. Он провел целую неделю в крайней опасности». На этот раз и сам Кук уделяет несколько строк описанию своей болезни, хотя в них он говорит о медицинских талантах корабельного хирурга Паттена, о хорошей работе старшего лейтенанта Купера, командовавшего кораблем, и, наконец, острит по поводу любимой собаки Форстера, убитой и сваренной для него: «Это кушанье, от которого заболело бы большинство европейцев, дало мне силы и ускорило мое выздоровление; столь правдиво, что нужда изменяет закон». Только в начале марта, когда «Решимость» подходила к берегам острова Пасхи, Кук и его спутники, наловив рыбы, начали восстанавливать свои силы. Вид земли и надежда запастись свежим продовольствием, как всегда, приподняли настроение. Сто дней опаснейшего плавания в открытом море без свежей пищи, в холоде и тумане, были позади.

«...Так как мы заметили его в торжественный день воскресенья

Тосподня, то назвали Пасх-эйланд, или остров Пасхи...» Кук помнил эти слова Беренса в его «Испытанном, южанине», помнил не раз прочитанные записи судового журнала голландского адмирала Роггевена, как и он искавшего в 1772 году Южный Материк и только один день проведенного на этом острове^[26].

Описания говорили правду: голые темные скалы, неприветливый берег без деревьев и кустарников, без признаков жилья, мрачное порождение подземного огня, облитый лавой хаос извергнутых вулканом камней и множество странных столбов-статуй с огромными вытянутыми лицами, длинными ушами, вогнутыми носами, с непонятными огромными цилиндрическими камнями на головах. Страшные великаны вросли в каменные плиты сооруженных под ними широких постаментов. Мертвые, пустые глазницы мудро и остро глядят на море; тонкие, сжатые губы навсегда молчаливо хранят допотопную тайну веков, неразгаданный смысл своего изваяния, имена, забытые во тьме тысячелетий. В подозрную трубу рассматривает Кук эти странные статуи и копошащиеся в их огромной тени несколько фигурок туземцев. Тщетно ищет глаз удобной бухты; скалистый берег ровной стеной окаймляет остров. Наступившая ночь освещается огнями, зажженными у подножия статуй. Приносят ли туземцы жертвы своим богам или просто готовят пищу? Загадочный остров не хочет подпускать к себе чужеземцев. Он тонет в сумраке, и только оживленные пламенем страшные лица каменных великанов торжественно стерегут вздыхающий океан.

Туземцы острова Пасхи оказались совсем не такими таинственными. Малорослые и слабые, похожие лицами и говором на таитян, с той только разницей, что мочки ушей были оттянуты до плеч. В этом они старались подражать каменным громадам из благоговейного, может быть, страха к чужим, не ими изваянным богам. Таинственным было и то, как попало на этот далекий остров родственное таитянам племя. Какая сила подземных сотрясений воздвигала или сокрушала острова Великого океана, меняла в столетиях лицо земли, губила народы, топила материки, рушила государства, пощадив на клочках уцелевшей суши жалкие остатки человечества, случайно очутившиеся на скалистых обломках посреди моря, вырождавшиеся в скудности полуживотного прозябания.

Вид острова Пасха

Сойдя на берег, спутники Кука (сам он был слишком слаб, чтоб сопровождать их) отправились на поиски воды, дров, дичи. Но мертвый остров не мог дать им ничего, кроме грязной, загнившей воды, застоявшейся в колодце, полусоленой и вонючей, и некоторого количества овощей. «Ничто не должно направлять корабли к стоянке у этого острова, — пишет Кук, — разве только если они терпят сильнейшее бедствие».

Размалеванные татуировкой туземцы — лопотали на полутаитянском наречии, меняли овощи и разные фигурки из дерева на материи и стеклянные бусы, воровали шляпы и носовые платки англичан и, спрятав, невидимому, большинство женщин, подсылали оставшихся торговать собой. Развязность этих местных куртизанок возмутила даже таитянина Оидея, сопровождавшего Кука. Молодой Форстер негодует и на матросов, и на туземных блудниц: «Была среди них женщина, тоже вплавь приблизившаяся к нам и торговавшая своими прелестями с большим бесстыдством. Она обратилась сперва к некоторым из младших офицеров, а затем к матросам: она поистине уравнила свои подвиги с знаменитыми

подвигами Мессалины».

Кук даже не смог установить настоящего имени острова. Одидей уверял, что туземцы называют его Тэапи. На карте пришлось так и оставить название, данное голландским адмиралом, исправив неточность вычисления места. Кук решил скорее покинуть этот неприветливый берег, скупко вознаградивший за все испытанные трудности, и плыть к Маркизским островам, если по дороге не встретится другая земля.

Однако он не сдал команды и вел работы по разным починкам и делал астрономические наблюдения. Неточности карты испанца Менданы, открывшего вместе с Квиросом Маркизские острова в 1595 году, принуждали заново искать кратчайшего пути и наносить новые цифры^[27]. Над книгами и картами, застилавшими стол капитанской каюты, с утра до вечера шло обсуждение с учеными, как лучше вести корабль, сличались широты и долготы. С каждым днем исправления старинной карты отодвигали острова к их истинному местоположению. «Мы проходили в течение пяти дней под ряд по различным местам, отведенным географами этим островам». Наконец, 6 апреля доброволец Гуд первый увидел остров. Это был клочок земли, незамеченный Менданой. Кук назвал его именем Гуда.

Кук не рассчитал своих сил: не прячась от солнца, он ухудшил болезнь. Все шесть дней объезда Маркизских островов он чувствовал себя плохо. Кроме того, питание все еще не было налажено. Конечной целью был все тот же Таити — испытанная база для отдыха и снабжения. Маркизские острова, как потом и Низменные, были только попутной проверкой карт и кратким знакомством с очертанием и жизнью берегов. Скверное самочувствие, в первый раз отравлявшее жизнь, мешавшее работать, позорно вылезавшее напоказ и не поддающееся никаким усилиям воли, сердило и вызывало неуместные вспышки раздражительности. Туземцы, на первой остановке съехавшиеся на пирогах, заполнили палубы. Нервничавший Кук недовольно слушал несносный галдеж. Съезжая на берег, он предупредил офицеров: «Вы должны хорошенько за ними следить, без этой предосторожности они станут воровать». Сказав это, он спустился в шлюпку, и тут же доложили ему, что один из туземцев украл со шкафута железный отвод и на пироге удирает к берегу. Кук не сдержал себя: он приказал открыть огонь, и третий выстрел уложил «вора». Запись говорит, что шум толпы помешал офицеру как следует расслышать приказание, запрещавшее убивать, но дневник Форстера как будто и на этот раз изобличает преднамеренность поступка. Он рассказывает, что Одидей заплакал, увидев, как «человек убивает другого человека из-за пустяка».

«Его соблезнование, — прибавляет он, — должно заставить покраснеть цивилизованных моряков, так часто говорящих о человечности без того, чтобы их сердца были более сострадательны».

Раздражительность капитана дошла до того, что однажды он ударил матроса, плохо исполнявшего какую-то работу, что снова вызвало удивление присутствовавших при этом туземцев. Они стали показывать друг другу на Кука и кричать: «Он бьет своего брата!» Как видно, «дикие» люди не были глупыми. И, наверно, Куку было не совсем по себе, когда таитянин перевел ему эти слова. Форстер объясняет это политическим и социальным недоразумением жителей Маркизских островов: «Не достигнув еще той степени цивилизации, которой пользуются таитяне, они совсем не знают разницы чинов, и их политическая конституция не приняла окончательной монархической формы».

Кук не говорит ничего. Да что и говорить, когда он сам считал себя в эти дни хуже всякого флибустьера, исповедовавшего пиратский закон, хуже испанского конквистадора, выжигавшего деревни индейцев. Противная болезнь мешала овладеть собой, туманила мозги, подкашивала ноги, застилала свет желтыми пятнами. Кук напрягал волю до предела. Он не позволял болезни издеваться над ним, делать из него какого-то жалкого крикуна. Этого не должно быть. Он гнал недуг всеми способами, гасил вспыльчивость, отвлекал свое внимание усиленной работой. Окружающие постепенно узнавали прежнего деятельного, спокойно строгого капитана, с утра до вечера занятого корабельным хозяйством, научными наблюдениями.

Флора, фауна, быт туземцев мало чем отличались от таитянских. Куку и его ученым спутникам не было смысла задерживаться на этих островах. Окрестив бухту последнего из них — Санта-Кристины — именем «Решимости», Кук повел корабль к Низменным островам все с той же целью уточнения карты.

Пройдя архипелаг Низменных островов, окруженных коралловыми рифами и укрепленных рощами кокосовых пальм, «Решимость» взяла курс на Таити, и 22 апреля стала на якорь в бухте Матаваи.

Опыт приручения таитянина удался Куку лишь наполовину. Одидей, за свое пребывание на корабле, усвоил некоторые правила цивилизованного поведения и вел себя благопристойно, не хуже любого европейца. Кроме того, он выказывал способности к английскому языку и счету, и проявлял любознательность ко всему, что делалось на корабле, вплоть до астрономических приборов и карт, живо интересовался невиданными явлениями природы, животными и людьми. К самому Куку он относился

даже с некоторым благоговением, понимая его положение начальника и водителя корабля. Своей понятливостью и добросердечием он завоевал симпатии всех и в свою очередь как будто привязался к капитану и его спутникам. Но природа взяла свое: как только «Решимость» остановилась у таитянского берега, Одидей тотчас же ушел с корабля к родственникам и друзьям, и никакие заманивания иноземных людей не смогли вернуть его с тем, чтобы и дальше сопровождать их в плавании. Правда, туземец попал в неблагоприятный период плавания, и резкий переход к высоким южным широтам слишком сильно повлиял на его воображение. Холод, неприветливость, страшные ледяные горы — все это могло создать впечатление безотрадности, мрачности в душе таитянина, с детства привыкшего к теплу и благостной роскоши природы. Таитянин, однако, очень трогательно простился с англичанами. «Когда нам надо было расстаться, он бегал из каюты в каюту, чтобы всех обнять», а когда «Решимость» снялась с якоря, он заплакал. «Выйдя за рифы, мы видели его, все еще простиравшего к нам руки».

Завязав сношения с местным царьком, Кук принялся за конопаченье корабля, штопку парусов, починку снастей. Свежая пища и неособенно жаркий воздух быстро восстанавливали здоровье. Туземцы на этот раз выказывали полное доверие, снабжали всем необходимым и радовали Кука усвоением его заветов — разведением овощей и домашних животных. Козы, оставленные год назад, процветали, и он решил сделать еще один диковинный подарок, отослав на берег весь кошачий приплод — двадцать штук. Чувствуя свою победу над темнотой туземного быта, так трудно дававшуюся, Кук был настороже. Он стал строже требовать от матросов правил дисциплины, к офицерам предъявлял требования безусловно мягкого обращения с таитянами и запрещал какие бы то ни было наказания без своего ведома и суда. Он всегда старался подчеркнуть перед глазами местного царька преимущество огнестрельного оружия, стрелял из пушек холостыми зарядами, пускал фейерверки. Все это делалось для предупреждения каких бы то ни было попыток со стороны туземцев к агрессивным выступлениям. «Они прекрасно чувствовали превосходство их численности и никто не может знать силу массы в гневе». Таитяне действительно показали на этот раз свою силу, но мирным по отношению к англичанам путем. Они не побоялись выставить весь свой флот, чем привели Кука в немалое удивление. Это были большие пироги, крепко сколоченные и причудливо разукрашенные пестротой резной отделки носов, развевающихся материй, яркочерных и белых одежд воинов в плетеных высоких шлемах с голубыми и зелеными перьями. Огромное

количество этих лодок, оцетинившихся копьями, предоставляло внушительное зрелище. По расчету Кука перед ним было до трехсот тридцати пирог с семью тысячами семьсот шестьюдесятью вооруженными людьми. Успокоенный царьком, что этот флот направлен не против него, а собирается в поход против другого острова, Кук хотел воспользоваться случаем и присутствовать при диковинном морском сражении, предполагая тем самым точнее установить силы островитян и изучить их военные приемы. Но таитяне оказались хитрее Кука. Они не сдвинулись с места, дождавшись отплытия «Решимости», уверяя, что ведут только приготовления и что поход начнется очень не скоро. Ясно было, что туземцы не хотят присутствия чужеземного корабля во время их домашних дел. Кто мог ручаться, чью сторону примет этот начальник в зеленом платье и треу-ухом головном уборе и на кого выбросит огонь и дым из своей огромной, крылатой пироги? В этой оценке своего заморского «друга» таитяне оказались мудрыми. Вообще Куку не удавалось проникнуть в самую суть социального строя островитян и в полной мере изучить их политическое устройство. «Обидно, — пишет он, — что мы так поверхностно знакомы с этим государственным устройством, ибо мы не знаем, в силу какой связи и какого соотношения столько разных классов, чинов, обязанностей и должностей составляют целое. Я все-таки уверен, что это — род феодального управления, и, если дозволено судить по тому, что мы видели, оно устойчиво и в форме его нет ничего порочного».

Четыре следующих месяца, заключавшие второй круг плавания по Тихому океану и приведшие экспедицию снова к берегам Новой Зеландии, были для Кука одним из счастливейших периодов его жизни. За это короткое время он открыл множество новых земель, новые народы, наблюдал целый ряд редких явлений природы и собрал ценнейший научный материал. Побывав на уже известных ему островах Гуаэне и Улиэтэ, он попал на острова Дружбы, на открытый Тасманом остров Роттердам, откуда, в день второй годовщины отъезда из Англии, в обширный архипелаг островов, названный им Новыми Гебридами. Девятнадцать островов, цветущих роскошной растительностью, гремящих красивейшими водопадами, наполненных живописной пестротой всевозможных птиц, покрытых плантациями сахарного тростника и рощами кокосовых пальм, были густо населены туземцами, отличавшимися от таитян темнотой кожи и маленьким ростом. Это был новый вид людей, не встречавшийся на других землях океана. С радостным волнением вышел Кук на этот неведомый берег с зеленой ветвью в руке к этим новым людям. В такую минуту Кук с полной, трогательной искренностью обнимал

черномазого островитянина и не удерживал слез. Кривоногий и малорослый туземец острова Маликоло ободрал свою истатуированную физиономию о медные пуговицы капитанского жилета и всю эту церемонию понял по-своему: белый начальник не будет никого убивать и можно будет выгодно променять обыкновенные плоды и воду на блестящие бусинки и яркие материи.

Благодарность высоким покровителям обуревала Кука: он давал гаваням, бухтам и островам имена лордов Адмиралтейства и ученых Кембриджа. Гавань на Маликоло и одни из островов приобрели громкое имя графа Сэндвича. Этому имени Кук был обязан многим. Не в последний раз приходилось ему называть им вновь открываемую землю, и причуднице-судьбе захотелось роковым узлом связать фамилию знатного аристократа с жизнью и смертью сына йоркширского батрака.

Не в пример другим европейцам, Кук не был злопамятлив, прощая островитянам их враждебные выступления. Он не мстил. Даже когда на одном из островов туземцы ранили его в шею, а профессора Форстера — в ногу, он предпочел просто оставить остров. Правда, в большинстве случаев виновниками столкновений были англичане. Не связанный официальным положением Георг Форстер не боится откровенно заявить: «Пусть читатель заметит, что эти индейцы имели большое основание жаловаться на беззаконие и несправедливость наших людей и были вооружены чувством мести и злобой». Удача открытий затмила все остальное. Несмотря на ежеминутно грозившую гибель, Кук упорно лавировал между рифами, умышленно не выводя корабля из архипелага. Несколько ночей подряд он не уходил спать, руководя опаснейшим из плаваний. Остров Танна дал богатый материал для наблюдения вулканической деятельности. Гора извергала огонь, лаву, пепел и камни. Температура почвы и воды поднималась выше двухсот градусов. Серебряная монета, брошенная в кипящий источник, становилась блестящей, как новая. Форстеры лазили на вулкан, собирали растения и слова туземцев. Знакомство с жителями Танны началось не совсем обычно. Островитяне сразу стали выказывать все признаки недоброжелательства: поворачивались спиной к подъезжавшим на шлюпках чужеземцам и били себя по заду пятками, что служило традиционным вызовом к бою. На этот раз Кук поступил чрезвычайно остроумно. Приказав сперва дать холостой залп всеми орудиями, разогнавший толпу, он провел по земле черту и дал понять туземцам, что запрещает ее переходить. Эта своеобразная демаркационная линия позволила англичанам сойти на берег и постепенно завязать мирную торговлю. Удачное изобретение капитана пошло в ход, и лейтенанты

начали успешно оперировать магической чертой, когда требовалось предупредить агрессивность туземцев. Но островитяне перехитрили европейцев: один из лейтенантов требовал у туземца кокосовых орехов, от чего тот упорно отказывался. Офицер прибегнул к черте и строго потребовал обмена. Тогда туземец уселся на землю и обведя черту вокруг себя, показал, что за нее переступать запрещается. Сконфуженному европейцу пришлось уступить.

Когда Кук покинул, наконец, архипелаг Новых Гебрид и шел прямо к Новой Зеландии, он совершенно неожиданно увидел новую землю. Вид ее напомнил ему угрюмые берега Шотландии, и он дал ей древнее имя северной Англии — Каледония. Громада голого горного кряжа тянулась вдоль страны. Став на якорь, экспедиция начала готовиться к наблюдению солнечного затмения. Кук руководил установкой обсерватории. Туземцы оказались приветливыми и гостеприимными, но время года было неблагоприятно для обмена, и туземцы неохотно отдавали плоды. Кук снова заболел, отравившись рыбой. Рыбный яд атрофировал осязание и вызвал лихорадку. К счастью, болезнь быстро прошла, волнение оказалось напрасным. Астрономические наблюдения дали прекрасные результаты. Когда же Кук повел корабль вдоль берега, чтобы подробнее изучить страну, множество островков поймало «Решимость» в путанный лабиринт опасных рифов, и капитану снова пришлось напрячь все силы, отказаться от сна, чтобы благополучно вывести корабль. Желание двоилось: хотелось как можно лучше исследовать берег Новой Каледонии, так неожиданно обогатившей предполагаемый научный запас, и в то же время надо было торопиться на Новую Зеландию для пополнения запасов и завершения поставленной задачи наступавшим летом. Как всегда в таких случаях, Кук обращался к общему мнению и большинством голосов решал свои сомнения. Офицеры высказались за немедленное отправление к Новой Зеландии. В душе Куку жалко было оставить неизвестный берег, не побывав в глубине страны, не изучив быта новых племен. Но благоразумие внушало внять совету большинства, да и главная цель экспедиции все еще мучила незавершенностью: огромное пространство океана до Южного мыса Америки и от него до мыса Доброй Надежды оставалось неисследованным. Тайна Южного Материка продолжала занимать воображение, и если северные оконечности этой земли и впрямь не подходят к средним широтам, то надо в этом убедиться и раз навсегда покончить с фантастической сказкой и неточностью карты. «Решимость» вышла из опасного лабиринта и взяла курс на юго-восток.

Около месяца чинились и грузили продовольствие в гавани пролива

королевы Шарлотты. По сбивчивым показаниям новозеландцев узнали, что какой-то корабль, похожий на «Предприятие», приходил в декабре прошлого года и будто бы погиб, разбившись о скалы. Трудно было установить правдивость этих рассказов. Бутылка, закопанная Куком, исчезла, но ее могли взять и сами туземцы. Сходил ли капитан Фюрно на берег Новой Зеландии, погиб ли его корабль или благополучно ушел в Англию и не было ли это вообще какое-нибудь другое судно? Как найти правду в путанных и скупых словах островитян? Кук был встревожен, хотелось не верить в гибель товарищей. Впереди намечался последний этап путешествия. Все люди на корабле были здоровы. Неужели несчастная судьба «Предприятия» омрачит радость успеха? Кук старался отогнать эти мысли и внушить всем, что он первый не верит рассказам туземцев, что скоро, придя к мысу Доброй Надежды, они наверное узнают, что «Предприятие» благополучно ушло в Англию, — Фюрно слишком опытный капитан; но все это было только для окружающих, для матросов. Внешне спокойный Кук вовсе не был уверен в благополучии «Предприятия».

Дальнейший путь всем казался только завершением путешествия. Утомление и нетерпеливое ожидание сперва берегов Южной Америки, а затем мыса Доброй Надежды, хотя и далеко отстоящего от родины, но неизменно возвещающего поворот к Англии, а главное встречу с другими кораблями, везущими последние известия. Приятные или грустные будут они, все равно они снова вернут к настоящей жизни и придадут сил пройти остаток пути. Всем мерещился гостеприимный дом Брандта, сберегавший письма от родных и друзей. Увидать европейца, услышать родную речь казалось уже верхом счастья.

Вот почему, когда после сорокадневного плавания с «Решимости» увидели угрюмый, гранитный берег Огненной Земли, горы, покрытые снегом, обрадовались им больше, чем цветущей приветливости Таити, а краснокожие, молчаливые, зашитые в тюленьи кожи, грязные и скверно пахнущие туземцы — милее всяких жизнерадостных островитян. Остановка у Огненной Земли совпала с праздником рождества, и радость близкого возвращения, близкого только потому, что следующий переход был к мысу Доброй Надежды, вылилась в буйное пьянство, уничтожившее остатки водки и вина. Охота на уток и сорокапудовых сивачей утолила аппетиты. Решение Кука идти в пролив Лемера (между Землей Штатов и Огненной Землей) для поисков «Предприятия» было встречено сочувственно. Мысль о возможности найти товарищей только прибавляла сил.

Но разыскивания оказались безрезультатными и снова понизили настроение. Кук, читая мысли матросов и офицеров, знал, что только он один в состоянии продолжить путешествие на год или два. Перед ним лежало слишком огромное, неизведанное пространство моря, искушавшее тайной. Он знал, что может еще раз повернуть на юг и еще раз броситься навстречу неизвестному. Запасы, сделанные на Огненной Земле, и хорошее здоровье матросов позволяли решиться на такой шаг. Когда еще представится случай очутиться в этих широтах, при столь благоприятных обстоятельствах? Начало лета открывало все возможности, корабль стойко вынес бы еще многие месяцы плавания. Вспоминая о настроении экипажа, Кук благоразумно отгонял назойливую мысль. Отдых на Огненной Земле, поиски «Предприятия» и благополучный выход в Атлантический океан отвлекали общее внимание. Матросы молчали в надежде на переход к Африке. Кук использовал эти настроения и повернул от Земли Штатов на юго-восток, в последний раз пытаясь подойти к полярному кругу. Даже своим ученым спутникам он не сознался в своей затаенной мысли, объявив, что хочет воспользоваться случаем и по пути проверить существование земель, нанесенных на карту Дэльримпля на 53°.

Неукротимому мореходу повезло и на этот раз. Через несколько дней в туманной дали океана показался ледяной берег. В первые часы неожиданное появление этой белой земли охватило всех радостным волнением. Неужели в конце путешествия, у самой границы давно известного пути, окажется разыскиваемая северная оконечность неведомого Южного Материка? Сойдя на неприветливый берег, Кук водрузил британский флаг и назвал землю Южной Георгией. Карта менялась, земли, нанесенные Дэльримплом, не были найдены, вместо них тянулся новый гористый берег, уходящий на юг в туман, может быть за полярный круг, к полюсу. Гут нечего было раздумывать, решение было одно: итти на юг вдоль этой земли.

В холодном тумане бухты и мысы отходили на восток. Земля оказалась большим островом. К шестидесятой параллели подступили пловучие льды. Призраками тяжелых минувших дней надвигались ледяные горы, в последний раз став преградой окрылившейся надежде. Природа победила упорную волю человека. Кук сдался без позора, в сознании исполненного долга, правильности своих утверждений. Он окончательно повернул на север и, пройдя, не останавливаясь, много небольших островов, названных им снова именем Сэндвича, он с удовольствием зачеркнул на карте воображаемый белый берег от Америки до Африки, нанесенный фантазировавшим Дэльримплом. Задача была решена: есть Южный

Материк, но подступы к нему заграждены льдом.

Четырнадцатого февраля «Решимость» прошла Гринвичский меридиан, замкнув свой кругосветный путь.

Началась обыкновенная жизнь. Кук принялся за исполнение секретных предписаний Адмиралтейства: он отобрал у офицеров их дневники, у астрономов записи их наблюдений и вместе с судовым журналом запечатал для скорейшей отправки в Англию. Форстерам и доктору Спарману было запрещено говорить и писать о сделанных открытиях впредь до особого разрешения Адмиралтейства. Капитан превратился в обыкновенного государственного чиновника. Путешествие становилось скучным. У берегов Африки встретился шедший из Бенгалии корабль голландской Ост-индской компании. Матросы-англичане рассказали, что видели «Предприятие» в прошлом году в гавани мыса Доброй Надежды, что капитан Фюрно недосчитывался нескольких человек, убитых и съеденных людоедами на Новой Зеландии.

Кук вспомнил запутанность показаний туземцев. С голландцем разошлись с робкой надеждой на ложность первых сведений. Следующей встречей был английский корабль «Трю-Брайтон». Его капитан Бродли взошел на «Решимость» и подтвердил грустную новость. Он рассказал, что «Предприятие» с больными людьми и небольшим запасом воды пришло в пролив королевы Шарлотты через пять дней после ухода «Решимости», что капитан Фюрно нашел бутылку с запиской Кука и послал боцмана Роу с несколькими людьми в лес за водой и продовольствием. Боцман не вернулся. Посланный его искать вооруженный отряд обнаружил башмаки моряков и двадцать корзин с человеческим мясом. В одной из корзин узнали руку матроса Томаса Гилля по вытутаированным на ней буквам. Потом нашли головы и сердца десяти человек. В апреле «Предприятие» ушло в Англию, пройдя мимо Огненной Земли.

Высадка на острове Танне

Молча выслушал Кук ужасный рассказ. «Разве моряк может знать, где его похоронят?» Капитану Бродли он передал пакет для Адмиралтейства с реляцией и дневниками. «Трю-Брайтон» шел прямо в Англию.

Газеты, переданные Бродли, жадно читались вслух. От них повеяло мелкой суетою Лондона, продолжавшейся политической склокой, забытой копотью тумана и уютом старых каминов. Вид Столовой горы мыса Доброй Надежды напомнил о существовании Брандта, хранящего письма. Грустная судьба «Предприятия» затягивалась эгоистичным блеском собственного успеха и сентиментальной занавесочкой личного мещанского счастья. Двадцать первого марта по дневнику, двадцатого по календарю, бросили якорь в гавани Капштадта. Время подарило одни сутки счастливым мореплавателям: «Решимость» шла навстречу солнцу.

Трогательный Брандт встретил Кука несколькими пакетами с письмами, говорившими о любви жены, ее беспокойстве, здоровья детей, привязанности друзей. Месяц в Капштадте пролетел в заботах о починке корабля и закупках продовольствия.

Оставив доктора Спармана на африканском берегу, экспедиция двинулась в Англию вместе с английским судном «Дюттон» до острова святой Елены, где в необычайной обстановке чествований, обедов и ужинов прошла неделя.

Кук был спокоен и бодр. Все казалось успешно исполненным, известия из дому говорили о благополучии семьи, люди и сам он были здоровы, корабль, поистрепавшись порядком, мог еще выдержать не одну бурю. Зачем так спешить, если можно использовать время для лишних наблюдений и исследований? Он решил по дороге в Англию Зайти на острова Вознесения, оттуда на остров Фернандо Норонья. Неточность карты должна быть исправлена. Кто может помешать ему в этом?

Не помешал никто. По крайней мере так казалось. В официальных реляциях говорится о заходе на эти острова и на остров Файал в архипелаге Азорских. Только штиль на экваторе задержал корабль на целые шесть дней. Но в «коварных» записях Форстера проскальзывает еле приметное сообщение о недовольстве, охватившем матросов, усталых, измученных трехлетним плаванием, начавших ворчать на безудержного капитана, затягивающего путешествие. Полезность, астрономических наблюдений и опытов опреснения соленой воды не могла уже оправдать его в глазах подчиненных. Сам Кук об этом не говорит ни слова, но краткость его пребывания на Азорских островах кажется недвусмысленной. Так или иначе, но тридцатого июля 1775 года он сошел победителем и героем на набережную Портсмута.

Огромный успех путешествия и заслуги Кука были несомненны. Он скромно признается в них в своей реляции Королевскому обществу: «Каково бы ни было суждение общества о наших работах и их успехах, я кончаю эту реляцию, замечая с действительным удовлетворением, что имел преимущества найти возможным сохранить в течение долгого времени здоровье многочисленного экипажа в различных климатах, среди усталостей и опасностей; таким образом это одно сделает мое путешествие ценным в глазах людей благодетельных и в то же время споры о Южном Материке перестанут занимать общее внимание и разделять философов».

ЗОЛОТОЙ КОРАБЛИК

В АНГЛИИ все было по-старому: «благополучно» царствующий Георг III, не желавший «править в кандалах», все более смело нарушал конституционные традиции. Будущий вождь контрреволюционных армий, сражавшихся за восстановление французской монархии, первый враг революции, упорно вмешивался в политическую жизнь континента, запутывая свое государство в сети сумасшедших авантюр. Лорд Норт помогал своему покровителю: борясь с растущей оппозицией, всеми средствами подавлял восстания, туша вспышки народного гнева оружием, опираясь на парламентское большинство — земельных аристократов. «Друзья короля» лихо справлялись с ворчащей интеллигенцией и круто правили английским народом, забитым пошლიной, работой на помещика и страхом королевских карательных отрядов.

Английский торговый капитал, окрепший в колониальных завоеваниях, рос, расширяя из года в год сферу своего влияния в Африке, Индии, Америке, на вновь открытых островах. Промышленность обогащалась за счет дешевой рабочей силы, хитро организуя торговлю рабами, выгодно рассчитав прибыльный обмен. В круг торговых операций английских купцов входила покупка негров в Африке или малайцев на Мадагаскаре, обмен их в Америке на серебро, уплата им за индийские ткани и их обмен на пряности Молуккских островов. Ост-индская компания — фактический хозяин всей английской торговли— неограниченно управляла Бенгалией, с 1765 года получив право сбора податей и строя под высоким покровительством метрополии новое индийское королевство. Уже в 1773 году издается закон, учреждающий должность генерал-губернатора и совет по делам Индии, члены которого утверждаются английским королем.

Иначе обстояло дело в Америке. Колонисты, выросшие в крупных промышленников и фермеров, не хотели мириться с монополиста чешкой политикой английских капиталистов. Новый Альбион все чаще заявлял о своем недовольстве мерами правительства. Новорожденные короли железной промышленности и кораблестроения всячески противились законам министерства Норта, эксплуатировавшим их в финансовом и торговом отношениях. Туземный капитал желал быть самостоятельным. Пенсильванские купцы роптали, и следующие один за другим законы о повышении пошлин и налогов вызывали бурю негодования.

Конец столетия ознаменовался восстанием американских колонистов и знаменитой войной за независимость Соединенных Штатов. В течение семи лет Англия безустанно дралась с американцами, втянув всю Европу в новый конфликт и поплатившись потерей американских колоний, островов Табаго, Сен-Пьер, и Мигелон, отданных Франции, Флориды и Минорки — Испании. Версальский мир 1763 года увенчал нелепость внешней политики, а восстания в Ирландии в 79 году и в Лондоне — в 78 характеризовали внутренние политические настроения. Ища сначала спасения в коалиционном министерстве Фокса и Норта, король назначил премьером Вильяма Питта младшего, ставшего автором знаменитого «Индийского билля» и создателем тройственного согласия для борьбы с революционной Францией, разорившего английский народ расходами на поддержку европейской войны и доведшего страну до ужасного кризиса.

До этих событий лондонское общество вертелось в кругу развлечений, в обманчивом блеске внешнего благополучия. Леди и джентльмены, финансовые тузы и модные франты, аристократы и политики-карьеристы, ростовщики и публицисты, члены парламента и мелкие буржуа, авантюристы и темные дельцы, ловящие рыбку в мутной воде коммерческих спекуляций, продолжали свое беспечное существование, не предчувствуя грядущих печалей. Мирная жизнь в знакомых парках и зелени лондонских предместий, уют семейной жизни нарушался только изредка какой-нибудь политической сплетней или очередным скандалом в парламенте. Уютные, как жизнь, романы Фильдинга наполняли дремотный досуг. Все еще гремела литературная слава любимца Дидеро — Самуэля Ричардсона, и образцовый джентльмен граф Честерфильд, бывший посол, вице-король, друг Вольтера и Монтескье, преподавал в своих письмах к сыну правила хорошего тона. Старый Лондон веселился, как юноша, глядя на сцену «Дрюри-Лена», с которой талантливый директор театра Бриндслей Шеридан со всем блеском ирландского юмора осмеивал лондонцев в лицо в своих комедиях, нимало не смущая их, так же как впоследствии не смутят романы Теккерея, комедии Оскара Уайльда, Шоу. Пудренные парики доморощенных философов глубокомысленно наклонялись над кожей переплетов «Истории Англии» Давида Юма, введшего в их дома Жан-Жака Руссо, убежавшего из Швейцарии от соотечественников, сжегших его философский роман рукой палача. На клавишах модных салонов все еще валялись томики «английского Рабле» с историями о стране лилипутов, и дерзкий сын мясника, посмеявшийся когда-то осмеять англиканскую церковь, все еще пленял умы чувствительных леди, с мушками на улыбках, трогательной дружбой Робинзона и Пятницы.

В Англии все было по-старому. Оказалось даже, что «почтенный» доктор Дэльримпль не прекращал войны с Хауксвортом, продолжая упорствовать в своих умозаключениях о Южном Материке и настаивать на возможности организации там образцового государства, упрекая Кука в неточности наблюдений и плохом водительстве корабля. Ученый мир продолжал жужжать в апартаментах Королевского общества, гордясь созданием отечественной энциклопедии и блестящими коллекциями Британского музея, тайной сокровищницы, доступной лишь истинным ценителям искусства и науки. Либералы отбивали кулаки об стол, защищая конституционные прерогативы парламента, цитировали французских просветителей, обогнавших на столетие хромоногую английскую свободу, и добродушные политиканы, за кружками пива, дымя трубочками, ворча на дороговизну, деловито шуршали газетами в кабачках предместий.

Только не было тумана, рассеянного летним солнцем, ласковым английским солнцем, ничего общего не имеющим с злым, тропическим чудищем, разящим своими лучами, низвергающим на головы людей удушающий зной и болезни. Кусты шиповника и вьющиеся розы все так же, как три года назад, окружали скамейку в глубине сада, охраняемые бережными заботами ласковой жены, верной Пенелопы, годами с трепетной терпеливостью ждущей возвращения своего мужа.

Первые дни прошли, как обычно, в тесном кругу семьи. Станным, обновленным казалось окружающее. Комнаты, вещи, мелочи обстановки казались лучше и удобнее. Старая книга, тетрадь, карта, камзол, медный умывальник, песочница, связка гусиных перьев, ножницы для свечей, все давным-давно знакомые предметы приятно утверждали незыблемость домашнего уюта. По утрам Кук уходил в сад, обрезал сухие ветки, подвязывал розы, окапывал деревья, копался в земле, вырывал сорную траву с грядок огорода, орудовал граблями и лопатой, ходил с лейкой к бочке, прятанной в заросли плюща на кирпичной стене. Дети прыгали вокруг, смеясь. Кук сажал их себе на плечи, бегал по дорожкам, то фыркая, как лошадь, то крича, как кучер почтового дилижанса. Каждый вечер собирались друзья, говорившие о тех же давно знакомых вещах и людях. Щелкали табакерки, звенели стаканы, потрескивали свечи, шуршало шелком платье жены, хлопотавшей по хозяйству, и хитрое время, мерно покачиваясь на маятнике за стеклом высоких деревянных часов, обманывало неподвижностью.

Начальство на этот раз отнеслось благосклоннее. Граф Сэндвич, от которого, в конце концов, и зависели все награды, исходившие якобы непосредственно от самого короля, был в полном восторге. Кук развозил по

всем морям мира его славное имя, оно красовалось теперь на картах, в книгах, громко звучащее на всех языках в залах ученых обществ, во дворцах и модных салонах Европы. Слава Великобритании, затмившая славу других государств, стоила Адмиралтейству всего-навсего двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, а это доказывало ловкость и хозяйственность первого лорда. Распечатав пакет с реляцией Кука, рассмотрев карты, рисунки и дневники, граф бросился с докладом к королю, получив от восхищенного государя разрешение не скупиться на милости отважному мореплавателю. 9-го августа Кук был произведен в капитаны Королевского флота, а 12-го получил место в администрации Гринвичского госпиталя. Лорд держался в строгих рамках законности, не превышая бюрократических традиций. «Все, что было в его силах», он сделал для Кука, недаром сльвя его благодетелем и покровителем наук.

Королевское общество отнеслось к путешественнику с искренним вниманием. Президент Джон Прингль, дружественно относясь к Куку, способствовал его принятию в члены Общества, после того как осенью капитан выставил свою кандидатуру. Доклад, сделанный в Обществе, и ходатайство Прингля принесли Куку единогласное избрание. Торжественный прием совершился 7-го марта 1776 года, когда Кук подал записку о методах сохранения здоровья судового экипажа. В апреле же Прингль предложил ему составить записку о приливах и отливах Южного моря, наблюдениях, произведенных на берегах Новой Голландии. Совет Общества наградил эту работу золотой медалью, врученной по традиции в день святого Андрея. Это было уже тогда, когда Кук снова оставил Англию, и торжественное заседание Королевского общества чествовало в его лице, мистрис Кук, со слезами на глазах выслушивавшую речь президента. «Мы не видим, — говорил Прингль, — тщетной власти, коей хвалится эмпиризм, не видим изобретательных и обманчивых теорий системы, но сжатое, неоспоримое детализирование средств, использованных капитаном Куком с помощью святого провидения для совершения путешествия, продолжавшегося три года и восемь дней во всех климатах от пятидесяти второго градуса северной до семьдесят первого градуса южной широты, при коем был потерян всего лишь один матрос на сто восемнадцать человек, имевшихся на его корабле».

Старый друг Хьюг Палиссер хлопотал в Адмиралтействе, согласившемся напечатать за свой счет описание путешествия профессора Форстера с тем, однако, условием, что цензура пройдет по записям, сократив все, что она сочтет лишним. Доход с издания делится пополам между Форстером и Куком. Роскошное издание, украшенное рисунками

Ходжса, на гравирование которых было затрачено две тысячи фунтов стерлингов, с картами и таблицами, переизданное полностью на французском языке в 1778 году, было закреплено договором, подписанным Куком и Форстером в присутствии графа Сэндвича^[28].

Ловкие борзописцы из литературных спекулянтов сумели до этого выпустить два анонимных дневника путешествия, составленных, безграмотно и суматошливо. Георг Форстер, возмущенный ограничительными условиями, поставленными отцу, и по заслугам ценя выдуманные дневники («Европа слишком образована, чтобы считаться с этим безобразным ералашем»), решил издать свое собственное описание, где, не боясь говорить правду, чего капитан Кук и отец не могли делать по своему положению, он не утаит ничего. Исполняя свое намерение он в предисловии пишет, что в описании первого путешествия Кука не говорится об обстреле «Усердием» португальского форта на Мадейре за оскорбление британского флага и о целом ряде вещей, нежелательных Адмиралтейству. «Я придаю своим замечаниям, — заканчивает он, — более моральную и точную цель».

Во Франции, куда не распространялись строгости английского Адмиралтейства, одно за другим выходили издания переводов первого и второго путешествий, перепечатывались иллюстрации, карты, писались обширные предисловия, примечания. Интерес к путешествиям Кука объяснялся царившей в образованном обществе того времени склонностью к естествознанию. На ряду с утонченной скабрёзностью галантных повестей — любимой литературой дворянства и появлением бытового буржуазного романа множилось тома географических, ботанических и других исследований, снабженных подробными описаниями вновь посещаемых стран, быта туземцев с перечнем местных изделий и цен на продукты. Америка, Япония, Китай, Индия и Африка, Россия и Скандинавия имели своих исследователей и бытописателей. Находились издательства, работавшие исключительно на эту область литературы и достигавшие совершенства в искусстве гравирования и печатания карт, ботанических и зоологических таблиц.

Роман, заставляющий чувствительную маркизу ронять слезу на розу его виньетки, галантная повесть, бесстыдной гравюркой бросающая в жар увядшего до времени аристократа, и солидные in-quarto «Путешествия» со страницами, похожими на приходо-расходные книги, тешащие глаз купца, мечтающего о новых головокружительных операциях, — были ходким товаром, угождающим вкусу читателей и карману книгопродавцев.

Куку не нравилась эта кутерьма с изданием его дневников, его сердило

появление легкомысленных подделок, умалявших серьезное, научное значение его работы. Он горячился, резко отказывая назойливым издателям, и только своим близким друзьям — докторам Хауксвоту и Дугласу доверял редакцию своих записей.

Не успели еще почернеть кресты, водруженные Магелланом во имя славы христианской веры на пепелищах сожженных им туземных поселений на Филиппинах, не успели еще испанские и португальские каравеллы разыскать открытые им острова Тихого океана, торговые компании не достроили своих контор в Батавии и на Малабарском берегу, как уже щупальцы торгового капитала жадно направились к Северу, ища кратчайших путей в Индию и Китай. Вторая половина XVI века — время открытий в Белом, Карском, Баренцовом морях. Ченслер, Берроу и Баренц один за другим исследуют возможность пройти мимо северных берегов Евразии, северо-восточным проходом соединить Европу с Америкой. В своих попытках Баренц открывает Шпицберген и Новую Землю. Отпугнутые льдами корабли уходят обратно. Другие мореходы устремляются на поиски северо-западного прохода, вдоль берегов Северной Америки, Фробишер и Дэвис в конце столетия, Баффий и Гудсон в начале следующего безуспешно пытаются обнаружить пролив, пересекающий якобы Северную Америку. В течение XVII века голландские и английские капитаны тщетно разыскивали воображаемый пролив, обследуя западный берег Северной Америки.

Вуд в 1676 году замкнул длинную вереницу неудачных путешествий, и вопрос о северо-западном проходе был забыт на несколько десятков лет. В середине XVIII века Доббс, утверждавший, что пролив может быть найден в Гудсоновом заливе, заставил английское правительство задуматься над скорейшим разрешением этого вопроса, сулящим тьму выгод. В 1741 году был послан капитан Миддлтон, которого постигла участь его предшественников. Зашевелились торговые компании и, поощряемые парламентским актом о денежной награде частным судам в случае обнаружения пролива, снарядили в 1746 году экспедицию под командой капитана Смита и Мура, снова ни к чему не приведшую.

Георг III, подбиваемый графом Сэндвичем, избалованный победами британского флага в Тихом океане, отправив Кука разыскивать Южный Материк, решил возобновить поиски северного прохода из Атлантического океана в Тихий и отдал приказ о снаряжении экспедиции, «чтобы определить, доколе возможна навигация в сторону северного полюса». Капитан Фиппс довел два корабля до льдов восьмидесятого градуса северной широты и вернулся ни с чем. Адмиралтейство не унималось и

провело в парламенте в начале 1776 года акт, расширявший и дополнявший акт сорок пятого года:

«... И так как можно надеяться на многие выгоды для торговли и наук от открытия прохода на север по морю между Атлантическим океаном и Тихим морем, решено, ежели какое-либо из судов, принадлежащих подданным его величества или его величеству откроет морской путь и пройдет им из Атлантического океана в Тихое море, в каком бы это ни было направлении северного полушария к северу от пятьдесят второго градуса северной широты, владельцы этих судов, если они принадлежат кому-либо из подданных его величества, или командир, офицеры и матросы этих судов, если они принадлежат его величеству, получают двадцать тысяч фунтов стерлингов в награду...»

Вопрос о проливе между Америкой и Азией был так же туманен, как и вопрос о Южном Материке до путешествия Кука. Многие видные ученые не допускали существования пролива, относясь с недоверием к открытиям Беринга. Как знаменитый французский геометр Мопертюи уверял Фридриха II о десяти миллионах квадратных лье Южного Материка, населенных людьми и животными, так и доктор Кэмбелл, говоря о путешествиях Беринга в 1741 году, утверждал, что «...несомненно, Берингово открытие не позволяет думать, что берег, которого он достиг, был бы частью западного американского материка».

Однако к концу XVIII века европейские ученые были хорошо осведомлены о путешествиях русских и их торговле в Сибири, по Амуру и на Камчатке. Целый ряд книг был издан по этому вопросу в Амстердаме, Париже и Лондоне. Книга Кокса «Новые открытия русских между Азией и Америкой» подробнейшим образом перечисляет имена русских охотников, военных и купцов, ходивших на Камчатку, открывших Алеутские острова и плававших в Беринговом проливе. Забытые нами имена Неводчикова, Серебряникова. Трапезникова, Глотова, Соловьева, Криницына и Левашева и многих других упоминаются на ряду с Дежневым, Берингом и Чириковым. Кокс в специальной главе доказывает, что Беринг побывал на американском берегу. Авторитет автора, солидность труда и имя издателя говорили сами за себя. Но, тем не менее, упорно раздавались голоса, не принимавшие этих доказательств. Одни упрямо утверждали, что азиатский материк соединяется с американским, другие, что огромное водное пространство в восемьсот лье разделяет их.

В русских изданиях приводились достаточно ясные записи наших путешественников о противоположащем берегу Америки:

«... Против Чукотского носу с обеих сторон с Ковымского и

Анадырского моря значится земля, которую чукчи называют большою землею, объявляя, что живут там люди, кои различаются от них, чукчей, обычаем и всяким поведением и говорят особливым языком. Из давних лет у тех новых чукчей с теми на большой земле живущими людьми немирно; ходят друг на друга с боем, а бой у тех людей лучной и копьями, вострее же как у стрел, так и у копьев из хрусталя, которые соком жестокой и ядовитой травы, называемой *лютикой*, намазывают, и ежели кого ранят и не высосут того же часа из раны кровь, раненый не может более одних суток прожить, но умирает.

Из того Чукотского носу на оную большую землю летним временем перегребают в байдарах веслами одним днем. На Чукотском носу, кроме лисиц красных и волков, никакого зверя не имеется, да и того мало, для того что нет там никакого лесу, а напротив того, на одной большой земле имеются всякие звери, как-то: соболи, куницы, песцы белые и голубые, росомахи, медведи и морские бобры, и имеют тамошние жители у себя великие табуны оленей, кормятся морскими же зверями и земными овощами, также есть там всякий лес, кедровник, сосняк, ельник, пихтовник и лиственник и той земли лес виден у них, чукчей, в байдарах и юртах; из сей же земли впали в море великие реки; и народ там жилища имеет укрепленные валами земляными и поставлены на башнях стражи с их орудиями, то есть копьями, и в таковых укреплениях они защищаются от неприятелей».

Но что значили для «просвещенного» европейца свидетельства малограмотных полуазиатов, варваров, только что начавших принимать человеческий образ? Если избранные и читали «Санктпетербургские ведомости», труды и реляции наших ученых и путешественников, считались с Петербургской академией, то для большинства английских ученых вопрос о действительности пролива и серьезности сведений Беринга оставался открытым и во многих случаях спорным. Такова была точка зрения большинства, а интересы правительства требовали точного решения, что и вызвало опубликование парламентского акта и шаги, предпринятые графом Сэндвичем к снаряжению новой экспедиции на этот раз вдоль западных берегов Северной Америки.

Короткие зимние дни были еще короче от тумана. Мокрый снег тяжелыми хлопьями устилал крыши, одевал деревья, обращаясь на

мостовой в серую, хлюпкую грязь. Иногда показывалось красное, беспомощное солнце, оно кралось низко и пряталось за крыши домов. В комнатах рано зажигали свечи, и камин потрескивал с утра до вечера, обволакивая дремотным теплом, баюкая колеблющимся светом.

Протягивая ноги к решетке камина, Кук сидел в кресле. Рука опускала книгу на колени, и взгляд следил за игравшим между поленьями пламенем. Жена уводила детей спать. Становилось тихо, и сразу слышались маятник и сверчок, каждый, по своему размеренно отсчитывающие время. На стене колыхалась тень от взъерошенного перьями таитянского щита, странного в этой комнате. Образы далеких островов реяли в неясности полусна. Тени покачивались мерным танцем таитянок. В такт танцу унывно звучала песнь: «В луне туман. Этот туман я люблю...». Книга сползала с колена и, тяжело падая на пол, будила. Кук сердился, вставал, начинал ходить по комнате, звал жену, говорил, что уходит к Хауксворту или Палиссеру.

Настроение мужа пугало добрую мистрис Кук, она угадывала наступление рокового дня. Кук становился молчаливым и вспыльчивым, подымался внутренний спор с самим собою. Моряк начинал скучать в однообразной тишине семьи, как скучал о ней в далеких морях, утомленный работой. Мысли беспокойно строили планы новых плаваний. Книжки и карты постепенно переползали с полок на стол и стулья, наполняя комнату суматошным беспорядком. Моряк властно требовал работы, прогоняя трогательного и ленивого семьянина, жавшегося в темных углах, в страхе от своего грозного соперника, всегда побеждавшего в этом неравном бою.

Когда в Адмиралтействе пошли разговоры о северной экспедиции и Палиссер в беседе с Сэндвичем сказал о настроении Кура, хитрый сановник тотчас ухватился за мысль, давно его беспокоившую и не находившую нужного оправдания. Он мог, конечно, просто предложить Куку начальство над экспедицией, но боялся получить отказ. Ему казалось, что награжденный сверх меры, обласканный королем и высшим обществом человек «темного происхождения», выдвинувшийся, в конце концов, не столько своими талантами, сколько благодаря счастливому стечению обстоятельств, благосклонности адмиралов, ученых и его самого — первого лорда Адмиралтейства, человек, достигший спокойной, прибыльной, почетной должности, завидной для любого джентльмена, не может снова бросить все и променять законное утвердившееся благополучие на шаткие мостки неверной и загадочной судьбы. Кроме того, он боялся мнения общества: отказ Кука мог вызвать ненужные сплетни и

нападки на первого лорда, благоприятные его политическим врагам, которые сумеют сыграть на патриотических чувствах и повернуть против него общественное мнение, и так уже достаточно неустойчивое за последнее время. Был еще способ — приказ короля. Но смешно было играть в страуса, пряча голову под собственное крыло. Обманывать можно только простой народ. Все знали, как пишутся королевские приказы. Вот почему он цепко ухватился за слова Палиссера и повел тонкую игру, вспомнив испытанные приемы дипломата.

Исстари дипломатический ход, как и торговая сделка, вернее выигрывался за завтраком или обедом, чем за столами конгрессов. Хороший дипломат не щадит своего желудка, нарушая расписание еды в зависимости от дел. Недаром французы говорят: «Он ест, как дипломат».

Заручившись словами своего помощника сохранить тайну, граф поручил ему пригласить от своего имени Кука на обед в один из ближайших дней и приехать вместе с ним. Палиссер согласился с радостью. Если Сэндвич боялся обидеть его своим предложением, то Палиссер, напротив, боялся жестоко оскорбить друга назначением другого капитана. Он помнил лицо Джемса, когда на-днях тот вспоминал свое последнее путешествие, помнил, как углями горели глаза, как огромный человек, увлекаясь рассказом, широко шагал из угла в угол своей комнаты, словно зверь, запертый в тесную клетку.

Через несколько дней Кук, Палиссер и Стефенс, секретарь Адмиралтейства, сидели за обеденным столом графа Сэндвича. Хозяин был очаровательно любезен. Он угощал изысканными блюдами и мило шутил, рассказывая последние придворные сплетни. Торжественные лакеи, в пудренных париках и красных камзолах, расшитых золотом, бесшумно приходили и уходили по паркетной дорожке куда-то далеко в золото и шелк анфилады комнат. У стены, на фоне огромного гобелена с фигурами античных героев, в шлемах с перьями, порхающих амура и пляшущих граций, переливался под стеклянным колпаком цветами перламутровых парусов золотой кораблик. Напротив в огромной раме чернел прадед-адмирал, любимец Кромвеля.

Кук чувствовал себя всегда немного неловко за таким столом, словно эта роскошь связывала его движения, мешала откинуться на спин-;ку кресла, положить ногу на ногу, заставляла думать, как держать руки и в чью сторону поворачиваться.

Разговор естественно коснулся адмиралтейских дел, кораблестроения; граф жаловался на неаккуратность поставщиков, на алчность купцов, лишенных всякого патриотического духа, вскользь коснулся неудач

северных экспедиций, и когда Стефенс, подхватив его слова, начал было развивать мысль о скорейшем снаряжении новой экспедиции, он умело отвел разговор на постороннюю тему. Дипломат выжидал удобной минуты. Когда обед приходил к концу и на столе появилась ваза с фруктами и в хрустале рюмок засветился расплавленным изумрудом душистый ликер, когда заметно покрасневшие лица собеседников свидетельствовали о благодушии легкого опьянения, Сэндвич как бы невзначай вспомнил слова Стефенса и обратился к Куку с просьбой дать совет для лучшего направления экспедиции. Кому же как не ему, столь опытному водителю кораблей, всемирно прославленному мореплавателю и исследователю, знать лучше всех способ достичь высоких северных широт и проверить сбивчивые сведения о проливе между Азией и Америкой? Граф осторожно намекнул на награду, обещанную парламентским актом, и начал говорить о том огромном научном значении, какое имело бы это открытие, и тех широких возможностях которые принесло бы оно военной и торговой навигации. На этот раз Палиссер и Стефенс оба наперебой стали горячо доказывать необходимость экспедиции, и Кук, постепенно втянутый в разговор, увлекался все больше и больше и наконец, позабыв правила светского этикета, вскочил с кресла, заходил по комнате и, размахивая рукой, убеждал в правоте своего мнения, хотя никто этого мнения и не собирался оспаривать. Кончилось тем, что он сам предложил графу свои услуги в качестве начальника экспедиции. Дипломат продолжал свою линию. Он притворился удивленным. «Помилуйте! Капитан только что вернулся из такого утомительного путешествия» Кук — настаивал. Стефенс стал на его сторону. Палиссер сказал, что посылать другого равносильно отмене всякой экспедиции вообще. Граф сдался.

В этот вечер Кук вернулся домой в прекрасном настроении. Он расхваливал жене повара первого лорда, а на вопрос о цели приглашения ответил, что граф интересовался делами гринвичского госпиталя.

Мистрис Кук не поверила мужу.

На следующий же день Сэндвич приехал в Сен-Джемский дворец и доложил королю о согласии Кука взять на себя начальствование экспедицией. Приказ был заготовлен заранее, и Георг, не задумываясь, написал свое имя на бумаге, ловким движением подsunутой ему под руку. Осыпав позолоченным песком «священные» буквы, лорд умчался в своей карете в Адмиралтейство, где, швырнув бумагу на стол секретаря, приказал немедленно исполнить все формальности. Десятого февраля 1776 года Кук был назначен командиром королевского корвета «Решимость» и начальником северной экспедиции.

Адмиралтейство решило организовать на этот раз экспедицию как можно лучше, предусмотрев все возможности. В мае: им был направлен королевский бриг «Лев» под командой лейтенанта Пикерсгиля в пролив Дэвиса, якобы для охраны английских китобойных судов. Секретный приказ говорил о продвижении как можно дальше в Баффинов залив с разведкой берегов и возвращении к концу года. Таким образом Кук, идущий с другой стороны Америки, сможет обследовать одновременно западный берег и, поднявшись к северу, соединить пути.

В экспедицию шли два корабля: «Решимость» и трехсоттонный шлюп «Открытие», купленный для этой цели Адмиралтейством в доках Дептфорда. Капитаном «Открытия» был назначен Клэрк, второй лейтенант Кука в его путешествии к Южному полюсу.

Приготовления длились пять месяцев. Кук жил то в Лондоне, то в Дептфорде, на корабле, С юношеским пылом взялся он за работу. Дома, где снова наступало тревожное ожидание разлуки, он был весел и всячески старался успокоить жену, уверяя в краткости путешествия, расписывал крепость кораблей, опытность офицеров и матросов и изобилие лучшего продовольствия. В начале марта «Решимость» прошла в Темзу и начала грузиться.

Последние дни домашней жизни осветились рождением сына. Кук назвал его Хьюгом в честь Палиссера. Ласковый май был в полном разгаре. Цвел сад. Солнце звало из города, на взморье дул солоноватый, теплый бриз, мешавшийся с запахом земли, водорослей, смолы и дерева.

В конце месяца «Решимость» перешла в Лонг-Рич, где погрузили быка, двух коров с телятами и овец для Таити, семена овощей, хозяйственные орудия и безделушки для обмена. Матросы были снабжены теплой одеждой. Адмиралтейство постаралось доставить кораблям лучшие астрономические и навигационные приборы, причем отказалось от посылки специалиста-агронома, поручив наблюдения Куку и его помощнику лейтенанту Кингу. На «Открытии» это дело поручили Вильяму Бейли, ездившему на «Предприятии». Работа по ботанике, минералогии и зоологии была поручена хирургу «Решимости» Андерсону, занимавшемуся во время второго путешествия составлением шайтяиского словаря. Художник Веббер тоже ехал на «Решимости». Куку было поручено также отвезти таитянина О-Маи на его родину.

Лонг-Рич стал местом паломничества лондонского общества. Целыми компаниями леди и джентльмены посещали «Решимость», знакомились с Куком, осматривали корабль, задавали глупые вопросы матросам, мешали работать. Граф Сэндвич поощрял эти увеселительные поездки, гордясь

«своим» капитаном и «своим» кораблем. Он сам приезжал в Лонг-Рич, окруженный лордами, чинами Адмиралтейства с женами и детьми. Кук принужден был устроить обед в честь своих покровителей, и нарядная толпа шумела на борту до позднего вечера, обратив кают-компанию в светский салон. Гостеприимство и вежливость — первый закон моряка. Кук угостил веселых аристократов и проводил их семнадцатью выстрелами из пушек. Матросам приказал крикнуть «ура!» Довольное собою начальство жало руку капитана и в наилучшем настроении отбыло на берег.

Когда «Решимость», погрузив пушки, ядра и порох, вместе с «Открытием» ушла в Плимут, Кук уехал на неделю в Лондон. Последние дни в кругу семьи и друзей шли, казалось, в обычном спокойствии. Корабль и капитан были собраны в дальний путь. На короткий срок Кук снова отдавался семье. Целыми днями он возился с детьми, строил из дощечек и палочек корабли и расстилал перед ними карту, силясь понятнее растолковать смысл географических обозначений. Тихие беседы с женой и друзьями — последний отдых, когда неловко стараешься говорить о разных пустяках, думая в то же время всегда о предстоящей разлуке, о капризных выдумках судьбы, и знаешь, что и все другие думают о том же, и только делаешь вид, что веришь искренности их слов. Эта обязательная игра в прятки чувств кончается всегда тем, что кого-нибудь поймают, всегда кто-нибудь нарушит ритуал замалчивания. Об уезжающем в далекое и опасное путешествие в доме не говорят, как о покойнике, и вдруг прорвется неудержанный плач, раскрывающий обязательный обман. Кук не любил, когда жена плакала. Это кроткое существо твердо держалось до последней минуты.

Судьба этой женщины трогательна. Замки предрассудков, религии, классовых традиций заперли ее в четырех тесных стенах дома, окружили непроницаемой оградой семейного круга. И она, беззаветно преданная мать и жена, всю свою молодую жизнь посвятила семье. Годами тревожно и трогательно ждала она мужа, чтобы снова проводить его и снова ждать, ждала счастья, чтобы снова заплакать в пустой комнате, самой себе жаловаться на судьбу и снова ждать. Так и в это последнее, раннее и опять ясное, летнее утро она обняла своего огромного Джемса и улыбалась ему сквозь слезы и, не зная, что сказать, снова долго смотрела в пустую даль, в солнечный день ее большого горя.

Когда Кук в сопровождении О-Маи покинул Лондон и в Норе взошел на борт «Решимости» и, проведя ее каналом к Дюнам, через несколько дней бросил якорь в Плимуте, где его ждало «Открытие», у входа в канал сгрудились военные корабли: «Океан», с поднятым на нем адмиральским

флагом, «Бриллиант», «Засада» и «Единорог» и шестьдесят два транспорта с кавалерией и гессенскими пехотинцами. Из-за сильного северо-западного ветра они не могли выйти в море и толпились в беспорядке, загромождая порт.

Оторванные от земли, английские крестьяне, набранные насильно, опоенные и обманутые королевскими вербовщиками, подкупавшими их неправдоподобными обещаниями небывалого жалованья и наград, как стадо овец, толпились во мраке и смраде трюмов военных кораблей, везущих их в какие-то неведомые, чужие страны, за океан, убивать неизвестных людей, неизвестно зачем. «Да здравствует Британия! Да здравствует король!» вопят осипшими голосами вербовщики по придорожным харчевням. «Да здравствует!..» кричат пьяные рекруты, пока их связывают для отправки в казармы.

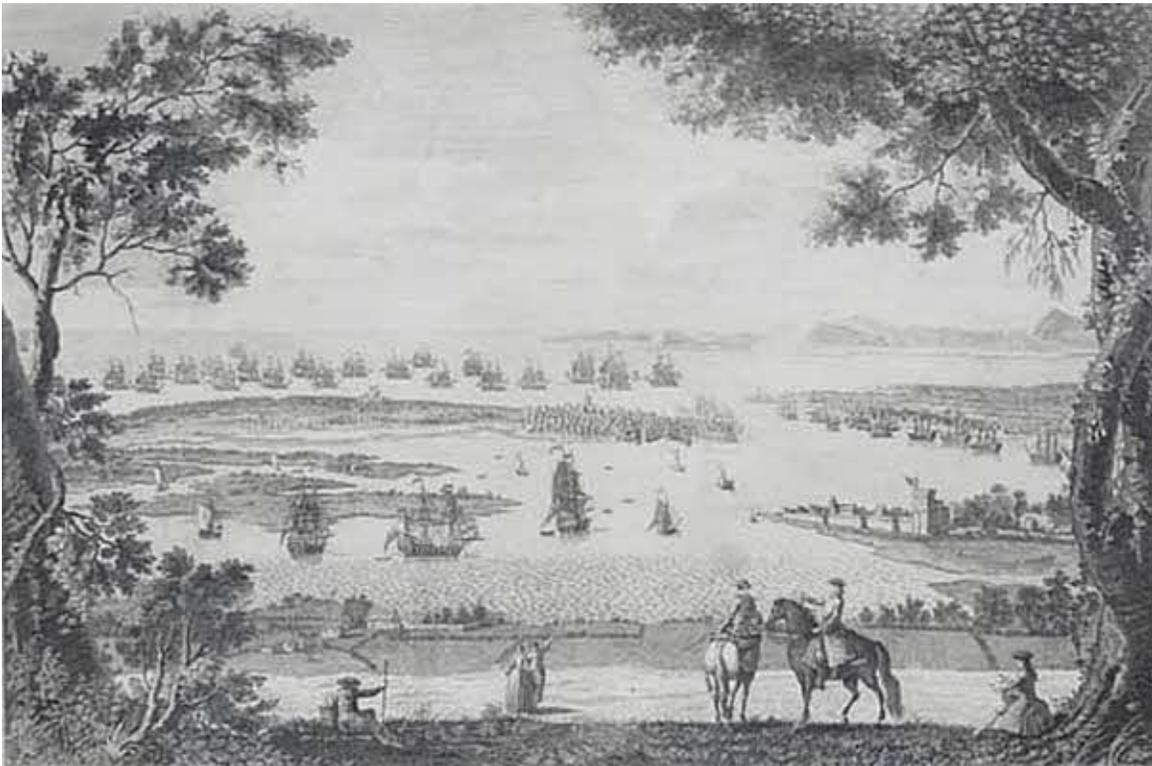
«В то время, когда мы начинали путешествие, имеющее целью совершить новые открытия на западных берегах северной Америки, Англия находилась в злосчастной необходимости посылать эскадры и многочисленные сухопутные войска против восточной части этого материка, найденного и населенного нашими соотечественниками в прошлом веке. *Это довольно странное обстоятельство навело меня на тягостные размышления*».

Нам кажутся слишком понятными теперь те мысли, какие могли возникнуть в голове Кука при виде военных транспортов, направляемых для подавления «восставших» американцев. Но для него, человека XVIII столетия, английского офицера, проникнутого патриотизмом, водружающего королевские флаги на открываемых землях, такие мысли были уже бунтом, протестом против существующего порядка.

Это было 6 июля, а 4-го американские колонисты подняли восстание сбросив иго английских королей. В Англии об этом знали мало. Правительство тщательно скрывало получаемые сведения: в самой метрополии было слишком тревожно. В Ирландии накопал мятеж, в Лондоне бродили зловещие слухи, угрожавшие католикам. Окрепшая Россия плела коварные сети Северного союза держав. Франция неуклонно шла к революции. Отправка войск за океан ослабляла силы. Англия была накануне серьезных потрясений. Полусумасшедший король беспомощно хватался то за возможность примирения партий и создания коалиционного министерства, то за назначение человека, из-за его спины сумеющего неограниченно править государством.

Хищная эксплуатация колоний привела к неизбежному. Джордж Вашингтон громил своей милицией наемные британские войска. Бойкот

английских товаров сорвал торговый баланс английских фирм. Штемпельный сбор, введенный парламентом в шестьдесят пятом году для поправки дел, только усугубил недовольство и послужил главным поводом к восстанию. Американская печать кричала о «правах колонистов». В законодательных собраниях и на конгрессах декларировались права колоний. Отмена через год «штемпельного акта» не могла помочь, тем более, что английский парламент оставил за собой право регулировать жизнь колоний по своему усмотрению. С семьдесят пятого года начались вооруженные столкновения в Лексингтоне, Бостоне, Квебеке. Через год законодательное собрание в Виргинии выработало «билль прав». Виргинские делегаты предложили конгрессу опубликовать декларацию независимости Соединенных Штатов Америки. Слабые попытки южных рабовладельцев — лоялистов, приверженцев Англии, потерпели поражение. С Великобританией было порвано окончательно.

Английский военный флот на рейде Портсмута

С гравюры, хранящейся в Музее изящных искусств в Москве

Кук получил пакет с инструкциями Адмиралтейства вместе с приказом немедленно выйти в море. Капитан Клэрк задерживался в Лондоне. Экипаж «Решимости» пополнился солдатами морской пехоты, доведя свой состав до ста двенадцати человек. (На «Открытии» было восемьдесят восемь.) Комиссар и казначей роздали жалованье, уплатив матросам вперед за два месяца. Кук передал приказ капитану Клэрку выходить немедленно в море и идти следом за ним. Копия была передана командующему флотом в Плимуте.

Двенадцатого вечером вышли из канала, отсалютовав адмиральскому флагу, и когда Эдистонский маяк скрылся за горизонтом и «Решимость» вышла в открытое море, подняв все паруса, Кук ушел в свою каюту, зажег фонарь и, сев за стол, сломал сургучные печати адмиралтейского пакета.

***От имени лордов-комиссаров
Адмиралтейства Великобритании,
Ирландии и проч.***

Секретные инструкции Капитану Джемсу Куку, командиру корабля его величества «Решимость».

По объявлении нам графом Сэндвичем решения его величества, приказывающего отправить экспедицию для розыска в море, на севере, прохода из Тихого моря в Атлантический океан, мы, во исполнение сего приказа, вооружили и снарядили должным образом корабли «Решимость» и «Открытие»; и узнав, благодаря вашим последним путешествиям, ваши способности и ваше хорошее поведение, мы сочли должным поручить вам и это...

После вашего прибытия на о. Таити или на острова Товарищества, вы высадите О-Маи на одну из этих земель, какую он выберет, и оставите его там.

Вам строжайше предписывается во время пути к берегам Нового Альбиона не приставать ни к какой части испанских владений, расположенных в восточной части Америки, если только вы не будете заброшены туда неизбежным происшествием. В таком случае вы не остановитесь там более нужного времени и будете остерегаться вызвать хоть тень жалобы или предлог к одной со стороны жителей страны или подданных его католического величества. Если в течение последующего вашего пути на север, каковой будет вам указан ниже, вы встретите подданных государя или государства европейского на берегах, кои посетите, вы не должны их беспокоить или вызывать предлог к жалобе, но,

наоборот, обходиться с ними с учтивостью в дружелюбием...

Ежели вы сумеете убедиться, что невозможно проникнуть по воде в залив Гудзонов или Баффинов или этот проход недостаточен для навигации, то вы пойдете в благоприятное для сего время в порт св. Петра и с[®]. Павла на Камчатке или в любые другие места, ежели найдете лучшими для снабжения экипажей свежей пищей и зимовки. Вы уйдете оттуда весною 1778 года и подниметесь к северу так далеко, как то подскажет ваше благоразумие, чтобы снова искать с севера на запад или с севера на восток прохода из Тихого моря в Атлантический океан или Северное море; и ежели, согласно вашим личным наблюдениям, или сведениям, кои вы сможете получить, усмотрите вероятность такого прохода, вы последуете инструкциям предыдущего параграфа. Откроете ли вы проход, останутся ли попытки ваши по этому поводу безуспешными, вы поспешите вернуться в Англию, путем, который вы сочтете наиболее полезным к успехам географии и навигации, и приведете обратно оба корабля в Спитгед, где они будут ждать последующих приказаний...

Во всех местах, кои вы будете иметь случай обозревать во время путешествия и где такого рода наблюдения, какие будут вам указаны, еще не производились, вы старательно изучите, сколь то позволит время, действительную широту и долготу оных мест, отклонение магнитной стрелки, расположение и направление мысов и кос, высоту, направление и силу прилива и отлива и течений, глубину моря, мели, скалы; вы нанесете и отметите на картах расположение и вид заливов, гаваней и различных частей берега и сделаете, к тому же, все примечания, могущие быть полезными навигации или торговле. Вы тщательно будете наблюдать природу и произведения земли, четвероногих, насекомых или птиц, кои их населяют или посещают; рыб, коих находят в реках или у берегов; укажете многочисленны ли там эти животные, и в случае ежели обнаружите особенных, то опишете их и нарисуете по возможности точно, ежели найдете металлы, минералы или новые ископаемые, привезете образчики каждого из сих веществ, так же как и отростки дерев и кустарников, и семян растений и плоды, особенные для тех областей, ежели сможете их добыть и передадите их нашему секретарю, чтобы произведены были пробы и опыты, кои сочтут нужными. Вы будете наблюдать, кроме того, способности, телосложение, характер и количество туземцев и иностранцев на землях обитаемых и постараетесь всеми позволенными способами сохранить их дружбу: вы раздарите им безделушки, какие будут на корабле, выбирая те, кои окажутся более по их вкусу, предложите совершать обмен с вашими людьми и будете обходиться с ними с большой вежливостью и

вниманием. Тем не менее, вы будете следить, чтобы они не застали вас врасплох и не преминете быть настороже на случай всяких происшествий.

Вы завладеете также с согласия туземцев, именем короля Великобритании, несколькими прибыльными округами в странах, не открытых или не посещавшихся еще другими европейскими державами, и оставите жителям вещи, свидетельствующие ваше пребывание. Но ежели откроете страны необитаемые, вы завладеете ими именем его величества и поставите памятники и надписи о том, что мы открыли эти области и завладели ими первые...

Как в предприятиях сего рода происходят многие непредвиденные обстоятельства, о коих невозможно дать особых инструкций, то вы поступите тогда так, как сочтете наилучшим во исполнение службы, на вас возложенной.

Вы воспользуетесь всеми случаями, вам представившимися, чтобы посылать нам через нашего секретаря подробности ваших операций и копии карт и рисунков, вами сделанных, и немедленно по возвращении своем в Англию вы явитесь в сие управление, дабы предъявить рассмотрению нашему подробный дневник вашего путешествия. Вы озаботитесь, прежде чем покинуть корабль, спросить у офицеров и унтер-офицеров судовые журналы и дневники, кои они могли вести; вы предпишете им, так же как и всему экипажу, не говорить, где они были, впредь до разрешения им того: вы прикажите капитану Клэрку отдать подобное же распоряжение офицерам, унтер-офицерам и экипажу «Открытия».

Ежели случится с «Решимостью» в течение похода какое-либо несчастье, кое лишит ее возможности итти дальше, вы перейдете с вашим экипажем на «Открытие» и будете (Продолжать путь на оном корабле. Мы сим предписываем командиру принять вас на борт и повиноваться вашим приказаниям, как бы вы были еще на «Решимости»). В случае если болезнь или другая причина не позволит вам исполнить этих инструкций, вы озаботитесь поручить их офицеру, командующему после вас и коему мы приказываем исполнять их, сколь лучше ему то возможно будет.

Подписано нами 6 июля 1776 года

Сэндвич

Спенсер

Х. Палиссер По приказу их милостей

Ф. Стэфенс

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«В НАЧАЛЕ 1776 года повелел великобританский король изготовить два военные судна для учинения новых открытий, кои в непродолжительном времени и были изготовлены, одно именуемое «Резолюшен» или «Отважность» о шестнадцати, а другое «Дисковери» или «Открытие» о двенадцати пушках. На первом, где было сто двенадцать человек служителей, определен от Адмиралтейства начальником славный мореходец капитан *Джемс Кук*, а на втором, на коем посажено было семьдесят два человека, *Карл Клэрк*.

Двенадцатого мая оба сии судна отправились в море из Девфорда и в Волвиче, запасшись воинским снарядам, а в Плимуте съестными припасами, предприняли благополучно назначенный путь. Судно *Резолюшен* пришло скоро к мысу *Доброй Надежды*. *Дисковери*, где я служил, не прежде как 1-го числа августа туда прибыло. Главный предмет сего странствия состоял в том, чтоб искать прохода между Азией и Америкой с северо-восточной или с северо-западной стороны. В награждение нам обещано было тысячу фунтов стерлингов и 5000 сверх того, ежели приблизимся на пять степеней к Арктическому полюсу. При сем случае должны мы еще были возвратить индейца О-Мая в его отечество».

Так начинается книга «Последнее путешествие около света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти», изданная «В Санкт-Петербурге с дозволения указного 1778 года».

Интерес к путешествиям Кука дошел и до русских читателей, и ловкие «делатели» книг выпустили краткие, неточные, нахватанные из таких же французских изданий описания, где из-под пера таинственных незнакомцев, якобы служивших на куковых кораблях, выходили путанные сведения о знаменитом капитане, отнюдь не способствующие уяснению «обстоятельств его жизни и смерти». Появившиеся и при жизни Кука такие «Описания» очень сердили добросовестного путешественника, строго и бережно относившегося к своим дневникам, точным и правдивым записям его жизни, посвященным наукам и мореплавателям, которые поведут корабли по путям «Усердия» и «Решимости».

Объемистый дневник третьего путешествия все так же подробно, из часа в час, описывает ход корабля, научные наблюдения, море и землю, животных и людей, жизнь матросов и офицеров, заполняется градусами

широт, температур, астрономическими таблицами и словарями туземных наречий.

Форстеров заменил хирург Андерсон. Всесторонне образованный, он занимается ботаническими и другими наблюдениями и составляет словари. Кук пользуется его указаниями и помещает часть его записей в свой дневник. На первой же остановке, на Тенерифе, Андерсон отправляется в экскурсию, и пока Кук хлопочет о доставке корма скоту, вина, занимается с матросами и пехотинцами, производя учебную стрельбу, он собирает подробнейшие сведения о флоре и фауне острова.

Кук шел в Порто-Прайю. Туда, может быть, уже пришло «Открытие». Но корабля там не оказалось, и «Решимость» пошла к экватору. Дожди и жара насыщали корабль нездоровой сыростью. Кук был занят ежедневным окуриванием и проветриванием всех помещений. Прохождение экватора сопровождалось традиционным (ритуалом переодевания матросов в Нептуна и других мифических существ, окунания новичков в воду, выкупом себя водкой, нелепым обрядом, сохранившимся со времени Васко-де-Гамы. Кук относился безразлично к такого рода суевериям, молчаливо предоставляя матросам право этого безобидного развлечения. Он не считал нужным упомянуть об этом даже в судовом журнале.

В Капштадте встретил все тот же гостеприимный и ловкий Брандт, тотчас занявшийся поставкой продовольствия обоим экипажам. «Открытие» пришло тоже. Французский корабль увез письма в Англию. Кук, сделав визиты официальным лицам, занялся хозяйством. Вывел на берег коров и овец и с помощью Брандта купил лошадей, баранов, коз, кроликов и кур. С овцами произошел трагикомический случай, типичный для «счастливой» колонии. Собаки выгнали их ночью из-за изгороди и спасшиеся от собачьих зубов овцы разбежались. Кук обратился к начальнику полиции. Тот уверял, что его люди живо найдут овец, что ни один самый ловкий беглый раб, знающий наизусть дороги, не в состоянии скрыться от опытного полицейского глаза. Но овец <не нашли, они оказались хитрее рабов или полицейских офицеров. Кук нашел способ: он обратился к подонкам, к выброшенному на улицы города сброду нищих воров и наемных убийц, к «презренной каналье колонии», и через несколько дней овцы были найдены. (Посрамленный вице-губернатор рассыпался в извинениях.

Кук передал Клэрку копию секретных инструкций Адмиралтейства, и 3 декабря оба корабля ушли от мыса Доброй Надежды.

Холодная буря встретила ледяным дождем и воплем ветра. Скот дох от качки и холода. На 48° юж. ш. подошли к (островам, открытым

французом Кергеленом. Кук сошел на берег, покрытый пингвинами, альбатросами и множеством других птиц. Началась охота на тюленей. Их жир шел (для ламп. На праздник рождества Кук распустил матросов, и они разбрелись по берегу. Один из них, вернувшись, принес бутылку, Найденную привязанной проволокой к скале. Кук откупорил ее и вытащил трубку пергамента. Развернув ее, прочитал:

«Ludovico XV Galliarum Rege et D. de Boynes, Regi a secretis ad Res Maritimas annis 1772 et 1773»^[29].

В таких случаях Кук никогда не оставался в долгу. Он любил вести эту традиционную переписку моряков.

На обратной стороне пергамента Кук написал:

«Naves «Resolution» et «Discovery» de Rege Magnae Britanniae. Decembris 1776»^[30].

Спрятав пергамент обратно и бросив в бутылку серебряную монетку, он приказал сложить на холме горку из камней и в ней закопать бутылку. У горки он водрузил британский флаг и назвал это место гаванью Рождества.

С обычной точностью Кук изучил контуры берегов, исправил карту, нанес новые бухты. Объехав остров, проверил данные судового журнала капитана Фюрно, проходившего здесь в семьдесят третьем году, дал новые названия: одну из гаваней назвал именем Палиссера. Открывшие землю французы думали, что это одна из оконечностей Южного Материка, но Кук не хотел лишать их права первенства: «Я мог бы из-за его бесплодности дать ему очень подходящее название острова Опустошения; но чтобы не лишать господина де-Кергелена славы его открытия, я назвал его Землей Кергелена».

Пустота острова заставляла торопиться итти дальше к Новой Зеландии. Скорей надо было выбраться из густого тумана, убивавшего скот в темноте и сырости. Погода не дала дойти до Новой Зеландии: налетевшим шквалом сломало марс и брамстенюгу. Запасных мачт не было и пришлось бросить якорь у земли Ван-Диемена. Кук сошел на берег и следил за работой плотников.

Вынужденная остановка на земле Ван-Диемена была краткой. Установка новых мачт и запас травы для скота — вот все, что задерживало дальнейший путь. Кук не отходил от плотников и фуражиров, торопил

работу. В свободное время он занимался составлением таблицы координат. Пять точек земли Ван-Диемена получили свои точные места на карте. Была установлена и высота прилива.

После земли Кергелена, Таити был второй целью путешествия, а Новая Зеландия была лишь одним из кратковременных этапов длительного и трудного пути. Люди и скот хирели без свежей пищи. Кук честно признается, что именно у него на «Решимости» было двое больных, третьего он еще из Капштадта отправил обратно в Англию.

На Новой Зеландии расположились, как дома. Привычная стоянка в проливе королевы Шарлотты была знакома, как Плимутский порт. На берег тотчас были снесены палатки обсерватории, сведен скот и разбит лагерь для починки парусов и других работ.

Туземцы, узнавшие О-Маи, в страхе смотрели издали, боясь мести за убийство моряков с «Предприятия». Кук повел себя иначе.

Он всячески давал понять туземцам свои мирные намерения, и когда некоторые из них рискнули приблизиться, он начал осторожно расспрашивать об убийстве И виновниках. Поняв, что им не грозит ожидаемое наказание, новозеландцы охотно рассказали все подробности, назвали главного убийцу и усиленно просили убить его. Проверив показания, Кук убедился, что ужасное происшествие было вызвано несдержанностью людей Фюрно, и, как всегда, европейцы поплатились за собственную беспечность. Спор, не к месту затеянный боцманом, стоил жизни ему и его товарищам. Успокоенные туземцы, получив стекляшки и топоры, целой деревней расположились на берегу, в один миг вырвав кусты и настроив хижин. Начался обычный обмен, и берег обратился в ярмарку. Продавали рыбу, плоды, всякие изделия и женщин. Кук был в восторге, что матросы воздерживались от покупки этого последнего соблазнительного «товара». Они не отрывались от работы и не рисковали здоровьем.

«Белый начальник» однако был предусмотрителен и по-своему оценивал расположение новозеландцев. Он сходил на берег, всегда окруженный несколькими вооруженными солдатами, и приказал другим офицерам делать то же. Туземцы, очевидно, туго поддавались цивилизации. Огороды, посаженные Куком, погибли, лишены ухода. Скот, поставленный три года назад, исчез, вероятно убитый. Островитяне упорно держались своих привычек и обычаев, не усваивая уроков европейцев. Дневник Кука полон рассуждениями о людоедстве, его причинах и грустном состоянии умов новозеландцев, лишенных любознательности и желания «расширить свои знания»... «Согласно их религиозной системе душа человека, тело коего съедено врагом, обречена на вечный огонь, тогда

как души тех, тела коих были вырваны из рук убийц, а также умерших естественной смертью, отправляются жить с богами. Я спрашивал их, едят ли они своих товарищей, убитых на войне, но тела коих не достались врагам? Они казались удивленными моим вопросом, отвечали, что не едят, даже выказывали род ужаса при этой мысли. Они обыкновенно хоронят своих умерших, но если они убили врагов больше, чем могут съесть, то бросают их в море». Приходившие на корабль туземцы нисколько не отличались от прежних знакомцев и вели себя так же примитивно, как и три года назад. Продолжали красть все, что попадалось им под руку, и выпивали из ламп тюлений жир, с удовольствием закусывая фителем.

Две Недели, проведенные на Новой Зеландии, не прошли даром: более ста наблюдений обогатили астрономические и навигационные записи. Андерсон и художник Веббер удесятирили свою «добычу».

Андерсон скромнее, но точнее Форстера, его стиль не блещет лирическими отступлениями, он не цитирует античных поэтов и не вдаётся в решение социальных проблем или критику мероприятий Кука, но подробно и тщательно описывает природу и людей, обходясь иногда тяжелым, но простым и понятным словом.

Постоянная забота о свежей пище принуждала останавливаться чаще у разных островов, лавировать между скал и коралловых рифов, а штили и противные ветры заставляли терять время, и путь к Таити удлинялся сам собой. Кук понял, что в этом году ему не удастся дойти до главной цели путешествия. Бессмысленно было рисковать здоровьем людей, и, кроме того, надо было исполнить инструкции и во что бы то ни стало побывать на Таити. Поэтому экспедиция, дойдя до архипелага островов Дружбы, оставалась там три месяца, переходя с одного острова на другой, пользуясь каждым случаем, чтобы запастись дровами, водой и продовольствием, а вместе с тем новыми сведениями о этих землях.

Кук пользовался услугами О-Маи не только как переводчика. Таитянин нашел соотечественников, заброшенных бурей и поселившихся здесь навсегда, знающих местные обычаи и нравы, указывающих ему, где и как можно раздобыть продовольствие и пресную воду, кого из туземцев считать вождями или наиболее уважаемыми лицами племен. Островитяне, в свою очередь, относились к О-Маи, как к своему с большим доверием, расспрашивали его об англичанах, а главное, верили всей той чепухе, какую нес гордый своей судьбой таитянин. Кук ценил ловкое вранье, рассчитанное на примитивное восприятие дикарей. Могущественные чужестранцы вырастали в их глазах чуть ли не до степени богов. «Он говорил им, например, что на нашей родине есть Корабли, величиной с их

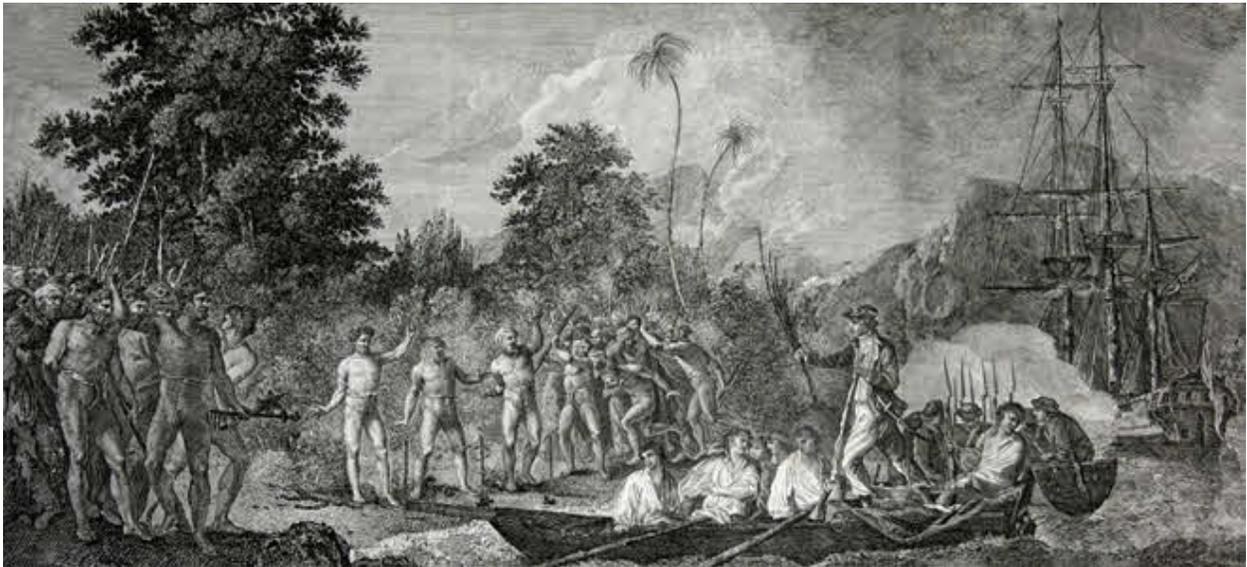
остров, что на этих судах есть орудия для войны (он хотел сказать о наших пушках), такие большие, что несколько человек могут в них поместиться и что одного орудия достаточно, чтобы обратить в порошок целый остров. Согласно этому внушительному описанию, они захотели узнать, какого рода пушки были у нас на борту. О-Маи ответил, что эти маленькие в 'сравнении с теми, о которых он им только что рассказал, что, тем не менее, зависело только от нас с расстояния, где находились корабли, уничтожить остров и убить каждого из его жителей. Затем они спросили его о средствах, производящих столь ужасное действие, и он попытался им Это объяснить. У него было, к счастью, в карманах несколько ружейных патронов, он дал рассмотреть островитянам пули и Порох и, чтобы представить им более поразительное доказательство, придумал сделать их свидетелями взрыва... Он разложил на земле и в центре круга то незначительное количество пороха, какое извлек из патронов, и поджог его горячей головней, которую взял из печи, где готовился обед. Быстрота действия, громкий звук, пламя и дым наполнили всех зрителей удивлением, они не сомневались более в неопреодолимой силе нашего оружия, и они вполне уверовали всему, что, рассказал им О-Маи».

Нетрудно было обмануть доверчивых островитян, принимавших коз и овец за невиданных птиц. Кук, повидимому, бросил на этот раз, свои филантропические опыты, разочаровавшись в них раз и навсегда. С каждым новым путешествием он убеждался, что нести свет цивилизации этим людям — задача вовсе не такая простая, что, видимо, нужны совсем иные способы просвещения, до которых не додумались еще европейцы. Самое большое зло, огорчавшее Кука, это была склонность туземцев к воровству. Он пробовал наказывать плетями, стрелять холостыми патронами, запирает в трюме — ничего не помогало. И только остроумное средство, придуманное капитаном Клэрком, немного умерило прыткость воров: он предложил брить голову пойманному на месте преступления, и это позорное, с точки зрения туземцев, оголение головы и их примерность в толпе помогло лучше всех средств Кука.

Около сотни островов архипелага Дружбы путали опасным лабиринтом коралловых рифов, скал и песчаных отмелей. То и дело наступавшие штили или налетающие шквалы увеличивали трудность плавания. После острова Мангеа корабли бросили якорь у большого острова Аппаз, где и начали запасаться травой и водой, сведя лошадей и больных животных на берег.

Кук терпеливо подчинялся скучному этикету приемов туземных царьков, то и дело изъявлявших желание посетить его или ирис латавших к

себе на обед и празднества. Кулачные бои и танцы, с чем-то, похожим на пение, исчерпывали весь репертуар островитян. Правда, ловкости борцов мужчин и женщин и прекрасно выдержанному ритму своеобразных балетов на берегу моря при свете луны и факелов могли позавидовать лондонские театры, но когда эти представления длились часами и повторялись почти ежедневно, то начинали надоедать и тоже обращались в обязательную повинность, которую приходилось нести из дипломатических видов.

Высадка на острове Эрманга (Новые Гебриды)

Кук не оставался в долгу. Он показывал царькам маршировку солдат, стрельбу из ружей и пушек и жег фейерверки, потрясающие туземцев. Он наделял царьков и их приближенных стеклянными бусами, топорами и материями и оставил на Аннаможе быка, корову, жеребца, кобылу и барана с овцой. О-Маи кое-как втолкнул толстяку-царьку, дремавшему в кругу слуг, обмахивающих его банановыми листьями, для чего нужны эти животные и как за ними надо ухаживать.

Научные работы тли успешно, и сведения об островах Дружбы были собраны самым точным и подробным образом. Кроме того, корабли были полны запасов, а люди и животные хорошо отдохнули. Кук был доволен, что вынужденная задержка все-таки окупилась некоторым успехом и

давала возможность смело идти дальше. «...Одним словом, мы извлекли массу выгод из нашего пребывания на островах Дружбы»...

ОСТРОВА ТОВАРИЩЕСТВА

К ОСТРОВАМ Товарищества пришли в первых числах августа и стали на якорь в бухте Матаваи на Таити.

Кук нашел дом, построенный испанцами. Около дома стоял деревянный крест. На поперечной перекладине было написано, «CRISTUS VINCIT»^[31]. На продольной — «Carolus III, Imperator. 1774»^[32]. Кук написал на обратной стороне: «Georgius tertius, Rex, annis 1767, 1769, 1773, 1774 et 1777»^[33].

Два испанских священника, Их слуга и еще один человек прожили здесь десять месяцев, потом пришел корабль и увез их. Судя по словам туземцев, священники не пытались перевести их в свою веру. А человек объезжал остров, рассказывал, что Претанэ (так таитяне называли Британию) — маленький остров, завоеванный испанцами и не имеющий уже никакого собственного управления, что корабль Кука был потоплен со всеми людьми испанскими пушками. Уезжая, он говорил, что вернется скоро с другими соотечественниками, с их женами и детьми, с разным скотом, и они, настроив домов, будут постоянно жить здесь на острове.

Кук не верил в возможность основания колонии на Таити. Он слишком хорошо знал, чем руководятся европейские правительства при устройстве колоний, и считал рассказ испанца сплошным вымыслом. «Я не мог поверить, чтобы европейские нации серьезно думали об устройстве здесь колонии, ибо о. Таити не представляет ничего соблазнительного для честолюбия держав или корыстолюбия частных лиц, и я посмею предсказать, что без этих побуждений они этого не предпримут». Он не знал, что хотели предпринять испанцы, но считал гибельной для островитян чью бы то ни было колонизацию. «Наши временные остановки, может быть, улучшили в некоторых отношениях судьбу жителей, но колония среди них, управляемая по плану, которому, к сожалению, следовали в большинстве европейских учреждений, дала бы им скоро повод пожалеть, что узнали нас». Кук не мог примириться с варварскими приемами «мирного завоевания» и колонизаторской политики английских торговых компаний. Он был слишком большим идеалистом, чтобы сознавать что сам прокладывал пути этой политике и что его научные и либеральные идеи воплотятся со временем все в те же торговые конторы и военные базы и жестокостью и кровью на долгие времена поработят свободу открытых народов.

Изобилие свежих продуктов и сока кокосовых орехов заставило Кука подумать о сокращении обычного судового рациона для экономии засоленного мяса и крепких напитков, которые понадобятся в плавании на севере. Такая мера требовала осторожности: лишить матросов привычной порции их любимого грога значило непременно вызвать неудовольствие. Такие вопросы он считал неосторожным решать единолично. Он собрал матросов и напомнил им о предстоявшем путешествии, объяснил цель их плавания, его продолжительность и условия климата северных широт. Он не забыл упомянуть о наградах, обещанных парламентом в случае открытия северного прохода или достижения 89° сев. ш. Сказал, что не сомневается в их готовности заслужить обе эти награды и что для этого-то и надо экономить продовольственные и всякие другие запасы, так как после островов Товарищества их больше нигде будет пополнить. Сказал, что в настоящем году уже поздно идти на крайний север и потому путешествие затянется и что надо подумать, как будет им тяжело, если сокращение порций произойдет в холодном климате. Не лучше ли заранее быть осторожным, чем рисковать отсутствием крепких напитков, когда они будут действительно необходимы? Он просил их хорошенько обдумать все это и высказать свое мнение, так как он предоставляет им полное право решать этот вопрос по-своему.

Матросы, видимо, не нуждались в столь длительном увещевании, они прекрасно понимали справедливую необходимость такой меры и единогласно одобрили капитана. Жаловаться же им вообще не приходилось. Плавать на кораблях Кука было куда приятнее, чем на военных или торговых судах, где тебя неизвестно за что утопит неприятельское ядро или жадный хозяин будет удерживать жалованье и морить голодом после хорошей порки.

Кук радовался согласию матросов, это льстило его капитанскому самолюбию. «...Они одобрили мой план в один голос и не сделал ни одного возражения». Грог стали выдавать только по субботам.

На Таити началась обычная жизнь: ремонт кораблей, торговля, обмен визитами и подарки царьку коров, лошадей, овец, разведение огородов, посадка фруктовых деревьев. Павлин, «милостиво пожертвованный милордом Бесбороу», украсил хозяйство царька.

Вторая задача, заданная адмиралтейскими инструкциями, была бы разрешена, если бы не О-Маи, который не хотел так скоро расставаться с англичанами и Куку не удавалось уговорить его основаться на Таити. Видимо, О-Маи нравилось беспечное житье на «Решимости», с которой он сходил на берег, как представитель Кука, защищенный им от всевозможных

покушений вороватых соотечественников на его неисчислимые богатства, привезенные из-за моря. Шутка сказать! Один ящик с игрушками или музыкальная шкатулка могли стать причиной его смерти, не говоря уже о красных перьях, приобретенных на Новой Зеландии: это было богатство, о котором не смел мечтать даже сам О-Ту — царь Таити.

Здесь же появился и Оидей, не забывший еще говорить: «Yes sir», «if you please sir»^[34] — и вставать при разговоре. В остальном он ничем не отличался от своих соплеменников и об европейской одежде не было и помину.

Кук и Клэрк проехали верхом на глазах у восхищенной толпы. Таитяне не подозревали возможности ездить на этих удивительных животных. «Это зрелище дало им более высокое понятие о величии других наций, чем все вместе взятые новости, предлагаемые их взорам европейскими мореплавателями».

Эти мирные занятия были нарушены волнением, возникшим среди островитян и поставившим Кука перед лицом не совсем легкой задачи, разрешение которой связывалось самым тесным образом с отношением туземцев к нему, к его людям и вообще к дальнейшему его пребыванию на Таити. Дело в том, что таитяне, были в состоянии войны с жителями острова Еимео, той самой войны, которая началась во время последнего посещения Куком островов Товарищества. Войско Еимео одерживало верх и теперь грозило таитянскому флоту и самому острову. Совет вождей собрался у царька, и Кук был приглашен на нем присутствовать. Было совершенно ясно, что, приглашая Кука, таитянские вожди хотели использовать его дружбу и склонить к поддержке своими кораблями их вооруженных пирог. Кук был этим поставлен в очень неприятное положение: в его планы никак не входило вмешиваться в политические дела островитян, а вместе с тем надо было во что бы то ни стало сохранить с таким трудом налаженные отношения. И Кук должен был в первый раз выступить в сложной роли дипломата.

Совет действительно просил помощи. «Полномочный министр» — О-Маи — куда-то исчез, и Куку пришлось обойтись без переводчика. Он сказал совету, что не знает точно причин войны и не имеет права предпринять что бы то ни было против жителей Еимео, не сделавших ему никакого вреда. Члены совета, казалось, удовлетворились этим Заявлением, но О-Ту пригласил Кука к себе на следующий день, прося привести с собой О-Маи. Там пришлось снова выслушать настоятельную просьбу царька о Помощи, но Кук остался непреклонен и сказал, что никакого участия в войне не примет.

Такая твердость Кука не поколебала хороших отношений, наоборот, неискушенным в политике таитянам понятен был такой бесхитростный отказ, подкрепленный простой и естественной причиной. Когда через месяц они снаряжали свой флот, Кук был приглашен посмотреть на маневры и вместе с царьком, на пироге, испытал примерную атаку неприятельской лодки. Когда же вождь Еимео прислал сказать, что заключает временный мир, Кук торжественно заявил посланцу, что он защищает интересы своего друга О-Ту и будет помогать ему в случае нападения, что он вернется на остров и без пощады отмстит всякому, кто посмеет участвовать в этом нападении. Это заявление возымело действие. По крайней мере, пока Кук оставался на островах Товарищества, он не слышал больше разговоров о войне, а О-Ту и его присные устраивали благодарственные моления своему богу за дарование мира.

В разгар приготовлений к войне Кук узнал, что в одном из храмов готовится человеческое жертвоприношение для умилоствления бога и победы над Еимео. Он решил лично убедиться в действительности существования этого ужасного обычая, «чтобы рассеять все сомнения», и вместе с О-Ту, Андерсоном и Вебером отправился к месту жертвоприношения.

Все оказалось не только так, но еще гораздо хуже, чем ему рассказывали. Труп человека, убитого по указанию старшего вождя, лежал на берегу моря, покрытый банановыми листьями. Четыре жреца сидели вокруг, произнося молитвы. Толпа туземцев-мужчин довольно равнодушно глазела вокруг. Затем, прервав молитву, жрецы вырвали несколько пучков волос из головы убитого и его левый глаз, завернули в лист банана и преподнесли О-Ту. Главный жрец взял вырванный глаз и поднес его к открытому рту царька. «Они называют эту часть церемонии «свести человека» или «угощение вождя»; это, может быть, остаток обычая тех времен, когда царь действительно съедал тело жертвы». После этого начались бесконечные переносы трупа с места на место, произнесение молитв, развертывание и свертывание всякого рода материй, заключающих в себе какие-то непонятные предметы дикого культа, и наконец после нескольких выдираний волос труп был оттащен в храм, где его бросили в яму и закидали камнями. Этим дело не кончилось. Служители развели огонь и задушили собаку. Опалив ей шерсть, вырвали внутренности и, бросив их в огонь, поджарили сердце, почки и печень на горячих камнях, вымазали собаку кровью, собранной в скорлупу кокосового ореха, и положили все это перед жрецами, продолжавшими молиться под звуки двух барабанов. Мальчик, стоявший рядом, кричал время от времени: он

звал бога откусать свежего блюда. Потом собачий труп был водружен на высокие мостки, где лежали оставшиеся от прежних жертвоприношений убитые свиньи и поросята, издававшие невыносимый запах гниения. Церемония закончилась дружным воплем жрецов. На следующий день продолжались бесконечные молитвы и приношения в жертву свиней и поросят.

Кук был потрясен. Сдерживая свое возмущение, он пытался сперва разубедить туземцев в их диком веровании, он говорил им, что их бог не съедает жертв, раз они его никогда не видят, что трупы животных остаются слишком долго нетронутыми, что, закапывая трупы людей, они не дают ему возможности их есть. Жрецы ответили ему, что их бог приходит ночью, невидимо и что питается он душами жертв, обитающими вокруг храма до полного разложения тел. Но когда, запросив помощи в войне, вожди спросили Кука, что он думает о жертвоприношении и поможет ли оно победе над врагами, он не выдержал и, вспыхнув, высказал все, что думал об их отвратительном и ужасном обычае. Он кричал на О-Ту и его приближенных, упрекал их в жестокости и дикости, говорил, что такой способ молиться будет иметь совсем обратное действие, что он вызовет месть бога и их полное поражение. О-Маи поддерживал Кука и старательно переводил его горячую речь. «Скажи ему, — кричал Кук, тыча пальцем в лицо старшего из вождей, — что если бы он так убил человека в Англии, достоинство его положения не спасло бы его от веревки!». Обиженный вождь схватился за голову и, вопя проклятия, быстро ушел, не желая выслушивать таких кощунственных упреков. Кук тоже ушел, взволнованный и сердитый. «Полномочный министр», увлеченный своим красноречием, продолжал кричать обступившим его слугам и приближенным вождя. Он кричал, что в Англии вешают самых родовитых и самых важных людей, — если они убивают даже самого последнего из своих слуг. Толпа со вниманием слушала О-Маи, и казалось, что им понутру приходились эти слова. «Кажется, действительно они имели на этот счет иное мнение, чем их господин».

Однако этот случай не нарушил хороших отношений с туземцами. Крик Кука был так похож на их собственные споры, что они, вероятно, сочли, его вполне естественным, в своей примитивности не придали ему никакого значения, так же как и не были разубеждены в своих религиозных верованиях.

В тот же вечер Кук мирно сидел в гостях у О-Ту, угощавшего его представлением с участием его дочерей, плясавших в пестрых нарядах из материй и перьев. Эти пляски таитянок носили характер

пантомим, где движения и мимика изображали любовную страсть с самым откровенным бесстыдством. Это не лишало «балета-пантомимы» его своеобразной пластической красоты и прекрасно выдержанной строгости ритма.

Дружба с таитянами, ничем не нарушенная, продолжалась до последнего дня. Когда в конце сентября Кук заболел невралгией, и сильная боль в ноге заставила его оставаться на корабле, то мать О-Ту, ее три сестры и другие восемь женщин объявили, что останутся с ним на ночь, чтобы вылечить его. Кук согласился и приказал устроить им постели на полу своей каюты. «Они встали вокруг меня и начали тискать меня обеими руками от головы до ног и особенно там, где у меня болело; они месили меня так, что хрустели кости и усталость охватывала, будто меня исколотили; после того как я в течение четверти часа подвергался такого рода пытке, мне было очень приятно от нее избавиться. Тем не менее, эта операция сразу облегчила боль, и я решился позволить ее продолжение перед сном. Во второй раз она имела такой успех, что я прекрасно провел ночь». На следующее утро двенадцать массажисток продолжили лечение, потом повторили его еще вечером, и через день Кук был совершенно здоров. Это лечение, практикующееся на островах Товарищества, по мнению Кука, было куда действительней всех втираний и лекарств европейских врачей.

Таити оправдал себя. Матросы отдохнули, починка кораблей была закончена и все необходимое было припасено. После трогательного прощания, когда «Решимость» стала отходить от острова, Кук приказал дать семь пушечных выстрелов в честь О-Ту. Царек захотел видеть маневр корабля, и Кук отошел в море, вернулся и, сделав поворот, повел фрегат к острову Еимео, где была хорошая гавань, Подпускавшая корабли вплотную к берегу, и много ручьев светлой воды.

Туземцы отнеслись сперва недоверчиво к англичанам, зная, что они друзья таитян, но местный царек все же рискнул взойти на «Решимость», и обращение Кука сразу его успокоило, и торговля пошла своим порядком. Корабли запаслись дровами и водой. На берег были спущены козы.

Благодушное настроение Кука было неожиданно испорчено самым неприятным образом. Туземцы ухитрились украсть несколько коз, охраняемых людьми с «Решимости». Куку пришлось наказать матросов, а главное, пуститься на поиски пропавших животных. К несчастью, островитяне не только скрылись в глубь страны, не только всячески обманывали, наводя посланных людей на ложный след, врали, что нигде не видели коз, но и забросали солдат камнями. В таких случаях Кук выходил

из себя. Он сам отправился с вооруженным отрядом в деревни за береговые холмы и, убедившись в нежелании туземцев выдать воров и вернуть украденное, уверившись, что они бесстыдно обманывали его, он сжег несколько деревень и несколько пирог.

«Так кончилось это тяжелое и неприятное дело; последствия, им вызванные, причинили мне не менее огорчений, чем островитянам. Не сдавшись на упрасивания наших друзей с о. Таити, уговаривавших меня способствовать их нападению на Еимео, я был очень огорчен так скоро быть принужденным объявить жителям этого острова нечто, вроде войны, повредившей им, быть может, более, чем поход таитян».

Через день корабли подошли к острову Гуаэну, где Кук должен был, наконец, водворить на жительство О-Маи, Кук приказал построить дом, обнести его изгородью, за которой посадить сад и огород. Затем он наделил О-Маи ружьями и пистолетами, оставил ему лошадей, козу и свиней. Над входом в дом написал:

«Georgius tertius, Rex, 2 Novembris, 1777.

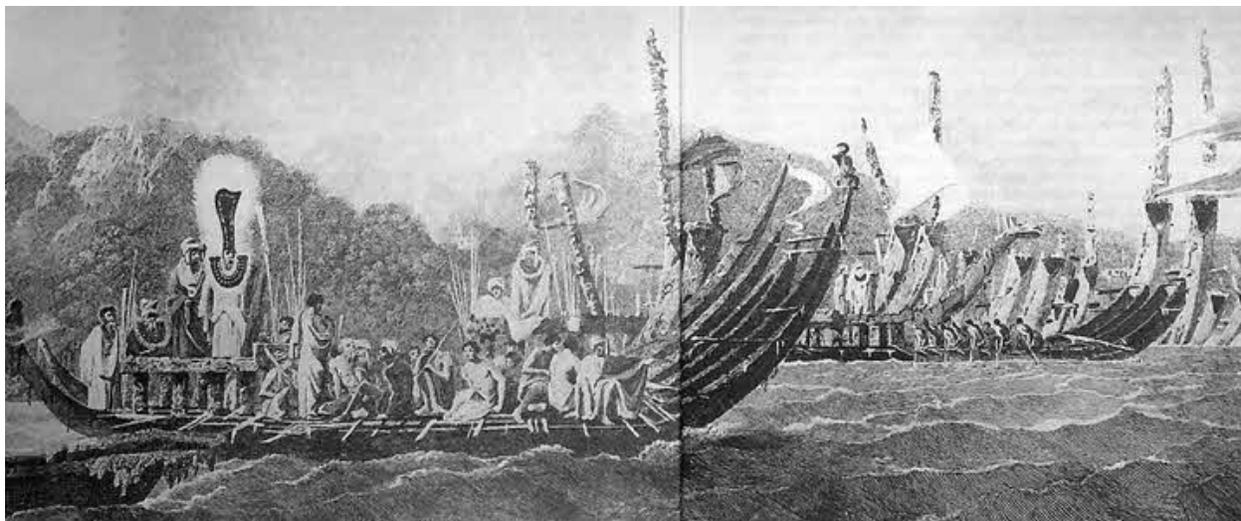
Naves:

«Resolution», Jac Cook, pr.

«Discovery», Car. Clerke, pr. [\[35\]](#)

О-Маи справил новоселье обедами, а через несколько дней с плачем обнимал уезжавшего Кука и его спутников. Кук понимал то ложное положение, в каком очутится О-Маи среди соотечественников после его отъезда. Небывалое накопление богатств в руках выходца из низшего класса покажется туземцам слишком-необычным и даже несправедливым. Родовой порядок туземного быта нарушится самым резким образом. Будут поколеблены древние прерогативы царских семей. Так или иначе, судьба О-Маи должна вызвать зависть в туземцах и причинить ему немало неприятностей. Вся затея путешествия островитянина в Англию и обратно была ошибочна с начала до конца.

Кук утешал себя тем, что О-Маи разведет лошадей и других животных и этим, безусловно, поднимет благосостояние островов Товарищества, чем и оправдает свою поездку в Англию.

Военный флот таитян

Следующей остановкой был остров Улиэтеа, где Кука встретил старый знакомец О-Рео, тотчас пославший навстречу несколько пирога с продовольствием. Как всегда, были расставлены на берегу астрономические приборы и в ночь с восьмое на девятое ноября Кук и его спутники наблюдали прохождение за луной одной из звезд созвездия Козерога. Месяц, проведенный на Улиэтее, омрачился двумя случаями дезертирства. Сперва ушел солдат с «Решимости». Кук разыскал его сам, бросившись с вооруженным отрядом в глубь острова. Солдат свалил вину на двух женщин, будто бы соблаздивших его, и Кук ему поверил. Потом убежали мичман и матрос с «Открытия», и беда была в том, что мичман был сыном друга Кука. Погоня не удалась, и Куку пришлось принять крайние меры: он запер на «Решимости» сына, дочь и мужа дочери О-Рео, объявив, что не отпустит их, пока дезертиры не будут найдены. «Эти два человека были из наших экипажей не единственными, которые хотели поселиться на этих счастливых островах, и чтобы предотвратить подобные дезертирства, становилось необходимым употребить все способы, мне доступные».

Эта крутая мера чуть было не послужила началом нового крупного недоразумения, так как туземцы замыслили заговор против англичан. Они начали с ареста Клэрка и старшего лейтенанта «Решимости» Гора. Но предупрежденный Кук послал лейтенанта Кинга с сильным отрядом, а

Клэрк сам выстрелил из пистолета, после чего туземцы разбежались. Заговор был направлен и против Кука. Его хотели подстеречь у купанья в ручье, куда он ходил всегда один и без оружия. Все это рассказала девушка, привезенная одним из офицеров с Гуаэна, и заговор был, к счастью, раскрыт. После этого О-Рео поехал сам искать дезертиров, перебравшихся на другой остров, и привез их. Как поступил Кук с провинившимися, неизвестно. Запись дневника об этом умалчивает. Каковы же были условия службы в королевском флоте, если даже мичман предпочитал жизнь среди диких островитян цивилизованной жизни Англии? Дезертирство матросов в то время было обычным явлением во всех военных и торговых флотах европейских держав. Невероятно тяжелые условия службы, жестокие телесные наказания, плохое питание и грошевое жалование заставляли матросов бежать без оглядки, скрываться в неведомых дебрях лесов и гор, на неизвестные острова, за тысячи километров от европейских берегов, навстречу какой угодно судьбе, лишь бы не оставаться в ненавистной обстановке судовой службы, в гнетущей атмосфере нищенского существования на родине.

Объезд островов Товарищества приходил к концу. Кук думал уже о предстоящем походе на север и трудностях зимнего плавания. Бури и туманы могут разлучить корабли, как тогда у южного полярного круга. Он написал подробную инструкцию капитану Клэрку, где указал места ожидания, даты и градусы широт, и что надлежало делать капитану шлюпа «Открытие» в случае Потери корвета «Решимость» и как ему идти до «порта святого Петра и святого Павла» на Камчатке и ждать там до весны 1779 года.

Девятого декабря «Решимость» и «Открытие» взяли курс на север. Медленно тонули в солнечном океане коралловые рифы, зелень хлебных деревьев и кокосовых пальм, медленно уходил последний из «счастливых» островов с двурогой вершиной гор, последний знакомый клочок земли. Начинался новый, никому неизвестный путь, быть может, долгой водной пустыней.

Кук покидал острова Товарищества с чувством искреннего сожаления

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

«... Мы ПЕРЕСЕКЛИ экватор на 203°15' зап. в ночь с 22 на 23...».

Прошло семнадцать месяцев, как корабли ушли от берегов Англии, а главная цель экспедиции все еще не была достигнута. Самая трудная и тяжелая часть путешествия начиналась только теперь... «Я счел своим долгом удвоить силы и внимание ко всему, что могло бы обеспечить нашу безопасность и успех нашего предприятия». Кук тщательно проверил состояние запасов, инвентарь корабля, требуя бережливости и ответственности каждого за вверенную ему часть.

Низменные острова дали запасы рыбы и черепах. Кук сам охотился за ними, уезжая на пинке к берегу. Там же, вместе со своим лейтенантом Кингом и астрономом Бейли, он наблюдал солнечное затмение. Невыносимая жара и облачность мешали наблюдателям, записавшим лишь конец затмения. На этом маленьком необитаемом острове Кук посадил семена кокосовой пальмы, дыни и оставил бутылку с обычной запиской с именами короля, кораблей и капитанов и с датой: 31 декабря 1777 года. Погрузив до трехсот черепах и много рыбы, отпраздновав рождество и новый год, пошли дальше. Кук пометил на карте этот островок: Остров Рождества.

Записи прерываются на целых семнадцать дней. В однообразии времени острее чувствуется оторванность, скорее надоедает повторение все тех же бесед с теми же людьми. Матросы неизменно начинают ворчать, путешествие кажется им затянувшимся, чаще начинают вспоминать родные берега и нехотя выходить на работу. В душной затхлости трюма слышно попискивание крыс, нагло разгуливающих по бочкам и тюкам. Раскаленные солнцем стены шуршат тараканами. Из духоты, пропитанной табачным дымом, копотью масляных ламп, кислым запахом грязного белья, матросы поднимаются на палубу, в невыносимо слепящую, солнечную печь, обжигающую горячим ветром, мутящую сознание.

Кук боялся этих однообразных, жарких и тихих дней. Нечем было занять матросов. Их изможденные жарой лица, вялая походка, потухшее глаза говорили об утомлении, о перерасходованной силе, еще нужной ему. От этих людей зависел успех его путешествия. Чем занять, как разбудить эту полусонную толпу, без дела слоняющуюся с одного конца корабля на другой? Опять он приказывал вытаскивать постели на палубу и проветривать помещения, старался придать себе бодрый вид, будто все

обстоит совсем благополучно.

Но как он был обрадован, когда в этой безнадежно тройной, раскаленной океанской дали показалась еле заметная темная полоска. Она росла с каждым часом, вытянулась, закруглилась холмами, оделась зеленью и, выбросив в море песчаные отмели и скалистые выступы, разорвалась на острова. «... Общий вид этой земли совсем не похож на острова, виденные нами в тропиках, к югу от экватора...». Очертания островов хотя и напоминали Таити, берега отличались скалистостью и мало было кокосовых пальм и хлебных деревьев, типичных для островов Товарищества.

Корабли бросили якорь у одного из островов и тотчас были окружены пирóгами с туземцами, любопытно разглядывавшими невиданные суда. «Я никогда не видел во время моих путешествий людей, столь удивленных при виде корабля; их глаза непрерывно перебегали с одного предмета на другой».. Это первое впечатление обрадовало Кука: приятно было сознавать первенство открытия. Первое приказание, отданное им, было запрещение матросам сходить на берег, а туземным женщинам всходить на корабль. Это мерой он думал уберечь открытую землю от венерических заболеваний. Туземцы острова Атуи напоминали и новозеландцев и таитян. Их язык был схож с жителями островов Товарищества.

За две недели, проведенные здесь, корабли запаслись водой, свининой и другими припасами. Кук каждый день съезжал на берег, руководил работами, изучал страну, осматривал темные селения и кладбище, производил наблюдения прилива.

Нанеся на карту открытые земли, Кук написал: «Острова Сэндвича». На этот раз роковой узел имен Кука и первого лорда Адмиралтейства был связан навсегда.»

Путь от Сэндвичевых островов до Америки длился больше месяца. На редкость теплая зима спасла от резкого перехода к холоду. Седьмого марта показались на северо-востоке лесистые холмы Нового Альбциона. Налетавшие шквалы с дождем и снегом в продолжение двух Недель не подпускали к берегу. Корабли медленно двигались на север. Кук работал над картой, подробно нанося все бухты и мысы, давая им имена и исправляя многочисленные неточности своих предшественников. Только 29 марта утихшая буря позволила разыскать подходящую бухту и стать на якорь.

Берег оказался населенным. Люди «Нового Света» никак не походили на тихоокеанских островитян. Они были рослы, с правильными чертами лица, выкрашенными красной, черной и белой краской, с перьями,

вплетенными в волосы. Смуглое, красноватое тело было прикрыто мехами. Они не испугались чужеземцев и тотчас вошли в переговоры и начали обмен. Приносили медвежьи, волчьи, лисьи, оленьи, кроличьи, и норковые шкуры и меняли их на железо и медь, которых предпочитали всему. Запасы ее на корабле были невелики. Пришлось отдавать им пуговицы от мундиров, отделки столов, жаровни, чайники, подсвечники. Большой улов сардин отдавался ими охотно за медную вещь. «... Черепа и человеческие руки, с несодранным еще мясом, поражали нас более всего из всех вещей, которые они нам предлагали. Они ясно дали нам понять, что съели людей, и мы действительно убедились, что эти черепа и руки побывали на огне. К несчастью, многие причины заставили нас думать, что эти племена едят своих врагов по обычаю жителей Новой Зеландии и некоторых других островов Южного моря».

Кук приказал снести на берег поврежденные мачты, кузницу, установил палатку с астрономическими приборами, разослал отряды на рубку деревьев для новых мачт, за запасом воды, за дровами и травой.

Изучая быт туземцев, Кук подходил не только с точки зрения натуралиста. Он вникал глубже, стараясь выявить социальную структуру этого быта, сложное соотношение высших и низших классов, старался разобраться в иерархической системе племен, во влияниях, оказанных на него европейской цивилизацией. В дневнике то и дело встречаются рассуждения на политические темы, отмечаются черты развития первобытных социальных форм. «Я должен заметить, что из всех мало цивилизованных народов или племен, среди коих я останавливался в течение своих путешествий, жители этого залива, кажется мне, обладают наиболее точным и наиболее строгим понятием о праве собственности на все произведения их страны...»

Он торопился к главной цели путешествия, пренебрегая иногда явной опасностью.

«...Ртуть барометра сильно упала, и все, кроме того, предвещало бурю, которая, казалось, собиралась на юге. Так как наступила ночь, я одну минуту рассуждал, буду ли иметь смелость поднять паруса или подожду до следующего дня; нетерпение продолжать путешествие и опасение потерять случай выйти из залива, произвели на меня большее впечатление, чем опасность, и я решил выйти в море, что бы ни произошло».

Ночь была страшная. Буря трепала корабль в грохоте волн, грома, в свисте ветра, в полнейшей тьме. Капитан не видел всего корабля, вслепую ведя его в атаку на море. На следующий день шли в тумане, продолжая борьбу с налетавшими шквалами. «Решимость» дала течь. До поздней ночи

выкачивали воду, забивали щель. Кук жалел, что не мог подойти к видневшемуся берегу и точнее исправить карту. «...Мы проходили тогда место, на котором географы поместили мнимый пролив адмирала де-Фонте».

На 57° сев. ш. снова подошли ближе к земле. Высокие горы и холмы были покрыты снегом, у самого берега зеленели леса.

Кук узнал очертания этих берегов: он видел, их на карте русского мореплавателя. Вычисления координат совпадали. Не было никакого сомнения, что это было то самое место, где высадился Беринг. Обозначив на своей карте залив, Кук назвал его именем Беринга. По мере того как корабли двигались, Кук исправлял карту, давая новые названия мысам, бухтам, высотам. Подойдя к острову, он съехал на берег и оставил там бутылку с традиционной запиской и двумя монетами, полученными им от королевского капеллана доктора Код. Его именем он и назвал остров.

Продвигаясь на север, Кук руководствовался картами Беринга, оказавшимися точнее других. Описание берегов и туземцев почти совпадали. Но лондонское издание книги Мюллера^[36] было так сокращено, карты исполнены так небрежно, что доверять им вполне было нельзя, и приходилось идти наугад. Все говорило о полном незнании современных географов, о грубейших ошибках и совершенно ложном представлении расположения северо-западных берегов Америки. «...Мы убедились, что северо-американский материк простирается гораздо дальше на запад, чем это указывают наиболее принятые из современных карт. Все это уменьшало возможность существования прохода в Баффинов или Гудзонов залив»...

Исследовав открытую реку^[37], Кук вспоминает европейских ученых так легко строящих свои «научные» теории на непроверенных данных:

«Я все-таки с удовольствием думал, — что если бы я не исследовал подробно этот значительный «в-ход», писатели, занимающиеся географией в своих кабинетах, установили бы как истину, что он сообщается на севере с Северным морем или на востоке с Баффиновым или Гудзоновым заливом, и даже, может быть, нанесли бы его когда-нибудь на карты с большой точностью и с более верными указаниями, чем проливы де-Фука и де-Фонте, невидимые, потому, что они воображаемые». Закрепив открытие реки британским флагом, корабли двинулись дальше, попав в архипелаг островов. Приходилось пользоваться проливом, выносившим суда с мелких мест. Пройдя между берегом материка и островом Кодьяком, подошли к полуострову Аляска.

Проходя островами, «Открытие» дало три пушечных выстрела, легло в

дрейф и сигнализировало на переговоры. Кук послал шлюпку. Он боялся несчастного случая, повреждения корабля. Приехавший капитан Клэрк рассеял страхи. Оказалось, что туземцы, подойдя на пироге к «Открытию», передали коробочку, в которой оказался аккуратно сложенный лист бумаги, исписанный непонятными буквами. В начале стояла цифра 1778, а на обороте 1776. Кук и Клэрк решили, что бумага была написана по-русски и что они скоро встретятся с русскими промышленниками, пришедшими сюда за пушниной. Говорило об этом и то, что передававший коробочку туземец снимал шапку и кланялся на европейский манер: очевидно, общаясь с русскими, местные жители переняли их манеры. Может быть, русские мореплаватели потерпели крушение и просили помощи? Клэрк отпустил туземца, не расспросив как следует. Вот почему капитан и решил сигнализировать Куку и посоветоваться с ним. Кук не верил в кораблекрушение: тогда русские послали бы кого-либо из своих. Просто письмо было оставлено промышленниками для передачи другим русским, а туземцы приняли английские корабли за русские и неудачно исполнили поручение. Останавливаться было незачем. Туземец, встретившийся на следующей остановке, тоже кланялся, снимая шапку, и, кроме того, на нем были штаны зеленого сукна. Все говорило за то, что русские побывали здесь. Туземец плыл на маленькой лодке и греб одним веслом с двумя лопастями. Его плоское с узкими глазами и выдающимися скулами лицо не было раскрашено, как у жителей западно-американского берега, и он не понимал их слов. Кук боялся делать слишком поспешные выводы... «Может быть, надо приписать это нашему плохому произношению, а не незнанию их наречия?»

Неделя прошла в медленной лавировке среди густого тумана. Рассеявшаяся мгла открыла новые острова, цепь гор. Туземцы тащили убитого кита. Между островами виднелся проход на север. Корабли стали на якорь у острова Уналашки. Туземец опять принес письмо, написанное, невидимому, по-русски. Кук отдал его обратно.

Пройдя архипелагом Алеутских островов, корабли вышли в большой залив, названный Куком Бристоль.

Записи дневника за месяц после ухода от Уналашки однообразно отмечают переменный курс корабля, астрономические наблюдения. Обычное молчание Кука о себе, о личной жизни создает впечатление полного благополучия и, как всегда в дневниках, быстро пролетевшего времени. На самом деле было иначе. На «Решимости» был тяжело больной, близкий Куку человек. Уже два месяца, как Андерсон лежал. Чихотка медленно убивала молодого человека. В продолжение года жаловался он на

свое недомогание, щадившее его в редкие дни. Климат тропиков особенно худо подействовал на состояние больного. Когда корабли подошли к берегам Америки, Андерсон почувствовал себя лучше, принялся с прежним увлечением за свои ботанические исследования и коллекции. Куку казалось, что хирург начинает поправляться. Андерсон, как в свое время Георг Форстер, был Куку ближе остальных спутников. Талантливый врач и хороший ботаник, Андерсон был прекрасным человеком и товарищем. В нем не было юношеской пылкости Форстера, он был уравновешен и скромен. В совместной жизни и работе Кук чувствовал подле себя верного помощника и, может быть, единственного человека на корабле, разделявшего целиком его взгляды. В монотонности плавания в открытом море беседы с Андерсоном сокращали время, не надоедая однообразием. Болезнь накладывала свою роковую печать на худое и тихое лицо, синевой окружала глаза, румянцем вспыхивала на скулах, глухим кашлем душила голос. И вот два месяца, как Андерсону стало хуже: его лихорадило и он кашлял и выплевывал кровь. Он чаще и чаще стал оставаться у себя в каюте, трудно было выходить даже на палубу. Кук навещал его по несколько раз в день, рассказывал ему корабельные новости, сообщал о виденном на берегах. Когда туман у островов чуть было не погубил «Решимость», Кук скрыл это от него. О болезни он говорил, что она скоро пройдет, и как добрая нянька, разбалтывал микстуру, поправлял подушки, не веря уже в целительность лекарства. В солнечные, тихие дни больного выносили на палубу, и он поворачивал свое восковое лицо к солнцу, смотря на небо и волны, и, оживляясь, строил планы на будущее.

Но болезнь принялась за последнюю попытку. Андерсон слег окончательно. Он сказал Куку: «Мне трудно писать... вот мой дневник... может быть, я не поправлюсь... вот другие бумаги... вы, капитан, возьмите все это... а когда вернетесь в Англию, передайте сэру Джозефу Бэнксу... в Королевском обществе может пригодиться и моя небольшая работа... я очень устаю... вот я тут написал...» Он протянул Куку листок бумаги — завещание. Кук обещал исполнить просьбу и замолчал. Как он мог утешить умирающего? Врать, как врут всегда в таких случаях, он считал глупым и оскорбительным. В Такие минуты надо молчать. Худая рука больного легла на его руку.

«Господин Андерсон, мой хирург, страдавший чахоткой более года, умер между тремя и четырьмя часами вечера. Это был молодой человек, полный благородных чувств, ума и приятной общительности; он хорошо знал свое искусство и достиг многих знаний в других областях. Читатели заметят, несомненно, сколь он — был мне полезен в течение путешествия и

если бы смерть не убила его, общество, я уверен, получило бы от него записки по естественной истории стран, к которым мы приставали, доказавшие бы наглядно, насколько он был достоин высказанных мною здесь ему похвал. Вскоре после того, как он испустил последний вздох, мы увидали на западе землю в двенадцати лье: мы предполагали, что это остров, и я назвал его островом Андерсона, чтобы увековечить память человека, которого я любил и очень уважал».

Куку не суждено было исполнить последнюю волю своего друга, и бумаги Андерсона, переданные с книгами и другими документами Адмиралтейству, не все попали в руки Бэнкса. Лорды сочли нужным, по соображениям политического характера, удержать большую часть бумаг в своем министерстве, уступив лишь то, что касалось естественной истории.

В эти дни корабли достигли на 65° сев. ш. западного мыса Америки, где не бывал еще ни один из европейских мореплавателей. И Кук первым точно установил степень сближения Азиатского и Американского материков. До сих пор можно было ссылаться лишь на сбивчивые указания русских мореходов. На противоположном берегу Кук увидел туземцев, резко отличавшихся от жителей Америки и высоким ростом, и продолговатостью лица, и скудостью украшений, и меховой одеждой, закрывавшей голову, и круглыми, островерхими хижинами из тюленьих шкур.

«Мы предполагали сначала, что земля составляет часть острова Аляска, указанного на карте господином Штелина, о коем я говорил выше. Но судя по очертанию берега, по расположению противолежащего берега Америки и по долготе, мы тотчас подумали, что это был «Чутский край» или восточная оконечность Азии, виденная Берингом в 1728 году»^[38].

Беринговым проливом прошли на север. На 70°44' сев. ш. ледяное поле остановило корабли. Кук пытался обойти лед с юго-запада, потом снова повернул на север до 70°. Но ледяная преграда окружила их с трех сторон, и выход был только на юг. «Я думал найти место, где мы могли бы запастись дровами и водой, и меня заботило особенно то, как провести зиму, принеся пользу географии и навигации и быть готовым вернуться на север следующим летом, чтобы снова начать поиски прохода». В начале сентября корабли стали на якорь в бухте св. Лаврентия.

«Я должен отдать справедливость памяти Беринга и удостоверить, что он прекрасно снял берег и определил точки широт и долгот гораздо лучше, чем того можно было ожидать при способах, коими он пользовался».

Кук достиг всего, что можно было сделать до наступления зимы. Он не хотел идти в Петропавловск на Камчатке не только потому, что этот порт

был неудобен, но и потому, что не хотел оставаться без дела. «Я укажу на крайнее отвращение оставаться в течение шести или семи месяцев в бездействии; я не мог сделать ничего полезного, если бы провел зиму в этой северной стране». Он решил идти обратно к Сэндвичевым островам, зайдя на Уналашку, чтобы там запастись водой.

Читая «Философические записки», книги Мюллера и Робертсона о путешествиях русских мореплавателей к берегам Америки, Кук знал о русских больше, чем многие из его соотечественников, пренебрегавших в большинстве случаев этой далекой «полуварварской» страной. Интерес широкой публики к открытиям между Азией и Америкой возник только в конце XVIII века, когда последнее путешествие Кука вызвало столько толков. Тогда же и начали появляться, главным образом, на немецком языке, более подробные описания и солидные труды об открытиях русских. Кук высоко ставил Заслуги Беринга, и Чирикова, и теперь, убедившись в правдивости их сведений, еще больше заинтересовался всем, что касалось плавания, русских мореходов. О русских людях знали вообще так мало, что считали их чуть ли не такой же редкостью, как «индейцы».

Когда 3 октября корабли бросили якорь в бухте Самганутки и рабочие принялись за починку обшивок, а матросы разбрелись в поисках воды и продовольствия, туземцы начали торговлю камбалой и с утра до вечера шныряли вокруг на лодках. Через пять дней один из них потребовал свидания с капитаном «Решимости». «...Один из туземцев Уналашки, по имени Деррамушк, преподнес мне 8-го числа очень странный подарок, принимая во внимание место, где я находился. Это был ржаной хлеб или, вернее, пирог, имеющий форму хлеба, ибо в нем была семга, сильно приправленная перцем. Этот человек принес подобный же подарок капитану Клэрку с письмом и второе письмо мне. Оба письма были написаны на языке, который никто из экипажей не понимал. Мы справедливо предполагали, что это подарки от каких-либо русских, бывших по соседству с нами; мы послали им с тем же посланцем небольшое количество бутылок рома, вина и род пива, называющегося портер. Мы думали, что ничего лучшего не могли им предложить, и мы скоро узнали, что не ошиблись...»

Капрал, посланный с подарками, вернулся через два дня с тремя русскими промышленниками, скупавшими пушнину, имевшими на Уналашке дом, склад и тридцатитонный шлюп. Русские оказались грамотными, знали арабские цифры, и Кук был приятно удивлен, что они не только были умны, но и умели себя прилично держать. Горе было в том, что они не знали английского языка, а переводить было некому. Тем не

менее, Куку удалось понять, что они знают о Беринге, и о других мореходах, и о попытке найти выход в Северное полярное море. Знали они и о плавании русского лейтенанта Синда, дошедшего в 1766 году от Охотска до берега Америки на 66° сев. ш. Странно было, однако, что Камчатка и берега Америки, кроме противоположащего их стране, были им совсем незнакомы, и, рассматривая карту Кука, они сказали, что не могли разыскать, нанесенные на ней острова. Куку приятно было, что русские с большим почтением относились к памяти Беринга и прекрасно сознавали, что своим богатством они обязаны этому отважному моряку, пожертвовавшему жизнью. Переночевав на «Решимости», русские ушли, обещав принести свои карты.

«Четырнадцатого вечером, когда господин Веббер и я были в одной деревне недалеко от Самганутки, мы увидели русского, высаживающегося на берег. Как я узнал после, это было главное лицо на этом и соседних островах. Звали его Эрафим Грегориов Син Исмилов»^[39].

Русский с несколькими своими товарищами расположился лагерем неподалеку от стоянки англичан, и обоюдные визиты закрепили знакомство. Измайлов потчевал Кука семгой и ягодами, капитан угощал русских портером и ромом. Немые разговоры удовлетворяли обе стороны, и Кук узнал, что Измайлов знает географию, осведомлен о всех путешествиях русских и что он вместе с Синдом ходил к Чукотскому носу. Кроме того, он говорил, что никто из русских еще не бывал на американском берегу против Чукотского носа и что эта земля называется Аляской, а вовсе не «Сташтан нитада», как это написано на английских картах. Говорил он и об экспедиции русских в Ледовитый океан в 1773 году на санях по льду до островов, лежащих у устья Колымы. Сам же Измайлов ходил в 1771 году из Большерецка на Курильские острова, оттуда в Японию, затем в Кантон и оттуда во Францию и Петербург. Кук так и не добился, куда девался русский корабль, совершивший это путешествие, и какова была цель экспедиции.

В одно из своих посещений Измайлов принес Куку две рукописные карты. На одной была начерчена Камчатка, и берег от Охотска до Японии. Карта была исправлена Измайловым, и Кук понял, что русский пользовался при измерениях теодолитом. Камчатка была известна ему очень подробно, и там было много русских промышленников, торгующих мехами. Вторая карта была для Кука интереснее. На ней изображались острова, лежащие между Азией и Америкой, и западная оконечность американского материка. Кук нашел на ней много ошибок и неточностей, но, сравнивая ее с картой, приложенной к книге Мюллера, не мог решить, которая из них вернее.

Измайлов доказывал правильность своих измерений, исправлявших обе карты, Кук делал свои предположения и должен был сознаться, что его вычисления, может быть, не были еще вполне точны. Местоположение одной Уналашки не вызывало никаких сомнений, ее координаты были вычислены Куком совершенно правильно.

«Вот все, что я мог узнать у русских о географии этой части земного шара, и я смею думать, что они больше ничего не знали, ибо они несколько раз уверяли меня, что не знают других островов кроме тех, что указаны на их карте и что ни одно судно их нации не видело части американского материка, расположенной далее к северу, исключая находящейся против края Чутского».

Кук дружески распротился с Измайловым, поручив ему письмо к лордам Адмиралтейства, к которому приложил карту берегов Америки и открытых островов. Измайлов обещал отправить его весной в Охотск с тем, что через год оно будет в Петербурге. В свою очередь, он снабдил Кука письмами к майору Бэму, губернатору Камчатки и к начальнику порта Петропавловска. Кук подарил Измайлову октант, объяснив его применение^[40].

Другим русским, с которым познакомился Кук, был Яков Иванович Сапожников, командир небольшого судна, стоявшего в бухте острова Уманока. «Он был очень скромный и не захотел попробовать наших крепких напитков, которые большинство его соотечественников, встреченных нами здесь, любили страстно». Сапожников оказался тем самым человеком, который должен был передать Бэму письмо Кука.

Англичане в свою очередь посещали дома русских. Кук считал нужным подробнее описать еду и одежду невиданных людей. «Русские умеют придать приятный вкус самым обыкновенным вещам. Я ел китовое мясо, приготовленное ими, и нашел его очень вкусным. Они делают род пудинга из семговой икры, протертой и жареной, который заменяет им хлеб, и не так плох... На них брюки, меховая шапка, высокие сапоги с подошвой и верхом из русской кожи, а голенища из очень плотной кишки. Оба начальника Исмилов и Иванович носили миткалевые кафтаны и имели, как и другие, шелковые рубахи... Эти торговцы мехами сменяются время от времени другими. Те, которых мы видели, приехали из Охотска в 1776 и должны были вернуться туда в 1781...»

Кук явно симпатизировал русским промышленникам и оправдывал распоряжения «Петербургского кабинета», диктовавшего суровые меры по отношению к туземцам. Разнузданность купцов, толковавших царские указы на свой лад, жестоко обрушивалась на поработанных. Сидящие за

тридцать земель от столицы, окраинные правители покрывали грешки промышленников, плативших крупную дань за их благосклонность. Кук оправдывал и купцов, видя в их поступках единственный способ исправления дурных наклонностей туземцев. Трудно было узнать прежнего либерала, мечтавшего о свободе и братстве, филантропа, проповедывавшего ласковое и бережное отношение к «диким». Видимо, неудачи его собственных опытов принесли разочарование, и с годами эти взгляды уступили место если не обычному, грубому произволу других «открывателей», то, во всяком случае, более обыкновенному и легкому способу воздействия, принятому европейцами, позволявшему применять силу, действовать на слабую сторону полуживотного инстинкта первобытного человека.

Уже с начала этого последнего путешествия Кук заметно меняет тактику своих отношений с туземцами, он все реже и реже сдерживает себя, и многие из его поступков не могут уже быть приписаны исключительно вспыльчивости: они совершаются обдуманно, без прежней горячности и носят характер системы. Ни ум, ни доброта не помогли ему перешагнуть через ворох влияний, взглядов, традиций его среды. Во всех отношениях стоя выше очень многих своих современников, он не мог прорваться на иную дорогу и окончательно освободиться от связывающих пут. Поэтому, быть может, эта невольная ошибка, нежелание сдержаться, найти иные, благополучные пути к разрешению возникающего конфликта и была причиной трагической развязки его счастливой жизни.

От Уналашки решено было идти прямо к Сэндвичевым островам где пробыть несколько зимних месяцев, запастись всем необходимым и идти обратно к Камчатке, с расчетом прибыть туда в середине мая.

Первый день нового 1779 года начался в густом тумане и дожде у одного из Сэндвичевых островов. Истрепанные бурей корабли, теряя друг друга, в тумане лавировали в течение двух месяцев у берегов, ища удобной бухты, осторожно держась подальше от рифов, кипевших сильным прибоем.

Наконец, 16 января 1779 года на рассвете показалась бухта, по виду удобная для остановки. Кук послал на разведку лейтенанта. В это время корабли были окружены массой пирогов, полных народом, свиньями, фруктами. Эта тысячная флотилия крутилась и галдела целый день. Никто из туземцев не был вооружен, и их мирное настроение было для Кука ясно. Как всегда, в такой толпе оказался вор; украв руль от одной из лодок «Решимости», он пустился наутек, и Кук решил воспользоваться этим случаем и показать туземцам действие огнестрельного оружия. Он

приказал дать поверх удиравшей пироги три выстрела из ружья и три из мортиры. От этого никто не пострадал, но ошеломленные островитяне ринулись к берегу, и их добродушное миролюбие уступило место тревожной настороженности. Они не поняли значения выстрелов, не увидав ни раненых ни убитых, скоро успокоились и на следующий день, когда корабли вошли в бухту, громадной и мирной любопытной толпой встречали чужеземцев.

Кук был доволен таким приемом: ему казалось, что он достиг наконец желанного признания среди туземцев. В этот день он написал последнюю страницу своего дневника, прекрасно заключившую запись его жизни, целиком отданной заветной цели:

«В одиннадцать часов утра мы стали на якорь в бухте (которую туземцы называют *Каракакуа*), на тринадцати саженьях с песчаным дном, около четверти мили от северо-восточного берега... Я никогда не видел, в течение моих путешествий, столь многочисленную толпу, собравшуюся на одном месте, ибо независимо от тех, кои приехали в лодках, берег бухты был покрыт зрителями, другие плавали вокруг нас группами в несколько сотен человек, и их можно было принять за плоты из рыб. Необычайность этой сцены нас очень поражала, и на борту нашлось мало людей, кои сожалели бы, что видели мою неудачу в попытках найти проход на Севере, ибо если бы они удались, мы не имели бы случая остановиться второй раз на Сэндвичевых островах и обогатить наше путешествие открытием, которое, повидимому, во многих отношениях должно быть самым значительным из сделанных до сих пор европейцами на обширном пространстве Тихого океана».

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

ОУГИГЕЙ (Owhyhee) — один из больших островов архипелага Сэндвичевых. Глубоким полукругом врезалась бухта Каракакуа. С двух концов низкие мысы. Северный — плоский и голый. На нем хижины туземцев. Поселение Коуроуа. Дальше в бухте за высокими скалами, недоступными с моря, роща кокосовых пальм, рядом с ней другое большое селение Какуа. Южный мыс поднимается возделанными полями и пальмовыми рощами в глубь острова. В рощах — хижины туземцев. Рифы черного коралла тянутся по краю всего берега бухты. В сильный прибой не подойти. Только против Какуа берег плоский, песчаный. На нем с одной стороны Мораи — кладбище, с другой — колодезь с пресной водой.

Корабли стали против северного мыса. Вожди туземцев явились на «Решимость» и оставались около Кука, выражая ему знаки всяческого уважения. Они привезли с собой старого жреца Коаа, маленького и худого, со слезящимися, больными глазами и сморщенным телом, покрытым нарывами и гноящимися язвами. Старикашка, согнувшись в почтительном поклоне, подошел к Куку и набросил ему на плечи красную материю, потом, бормоча молитву, положил к его ногам поросенка. Эта церемония удивила Кука: красная материя и поросенок подносились туземцами изображениям богов. Когда вечером Кук с Кингом и Бейли сошли на берег, впереди них шли четыре человека, державшие в руках палочки с пучками собачьей шерсти и выкрикивавшие одну и ту же фразу, где слово «Ороно» звучало громче других. Толпа туземцев быстро рассеивалась, и только несколько человек у хижин падали ничком на землю и лежали, неподвижно распростершись. Выдумка старого жреца, по каким-то непонятным соображениям обожествившего Кука, окрестившего его именем бога, была принята туземцами всерьез. Ороно — высшее существо, приплывшее на таинственных, крылатых пирогах из страны богов, торжественно шествовало по их земле, предшествуемое слугами мораи. Священные палочки, знак табу — строгого запрета богов, преступить который значит умереть. Табу закрывает вход к алтарям мораи, запрещает, пищу, окружает море и землю, и тогда ни один человек не может оставаться на этом месте. Табу — древний закон богов, ведомый только жрецам, говорящим с богами.

Коаа встретил Кука и повел его в мораи. Там другие жрецы окружили их и запели хором. В глубине полукругом стояли двенадцать деревянных чурбанов. Грубо высеченные человеческие лица скалились кривыми

улыбками. Перед ними высокий помост, как в таитянских храмах. Как и там, на нем разложившаяся свиная туша, прикрытая сахарным тростником, и кокосовые орехи, бананы и плоды хлебного дерева. Коаа подвел Кука под помост и снова долго шамкал беззубым ртом слова непонятной молитвы. Потом предложил Куку вместе с ним и другим жрецом войти на помост. Там жрецы долго пели то вместе, то каждый отдельно.

Странно было глядеть спутникам Кука на своего капитана, завернутого в красную материю, стоявшего на этом полусгнившем эшафоте между двумя полуголыми дикими людьми, тянувшими хриплый словно похоронный напев. Кук терпеливо и послушно исполнял ритуал и, сойдя с помоста по указанию Коаа, лег лицом к земле перед средним истуканом и затем, поднявшись, поцеловал его. Началось угощение. Также покорно Кук позволил жрецу тереть себе лицо, затылок, руки и плечи косточкой кокосового ореха, разжеванной стариком и завернутой в тряпочку. И только, когда Коаа протянул к нему свою грязную, покрытую язвами руку, чтобы положить ему в рот кусочек жареной свинины, Кук не мог превозмочь отвращения. Взглянув на протянутые к нему сальные пальцы, за полчаса до этого касавшиеся помоста с гнилой тушей, он отказывался есть. Коаа, истолковав это по-своему, взял кусок в рот и, разжевав, предложил снова. Кук не вытерпел и под всякими предлогами дал понять, что ему надо скорей вернуться к себе на корабль. С теми же почестями его проводили до лодки. Эта странная и мучительная прогулка радовала Кука одним: туземцы были настроены дружелюбно.

Несомненно, что жрецы и вожди, встретившие Кука с таким почетом, даже если это имело какой-нибудь скрытый политический смысл в связи с их местными делами и какими-то выгодами, то все равно, был ли Кук для них действительно полубог, обещанный преданиями, или просто удобное лицо для обманывания толпы, он был нужен им в обоих случаях и лично против него они ничего не должны были иметь и не имели, как показало все дальнейшее их поведение.

Довольный приемом, «бог» занялся своими обычными домашними работами, починкой мачт и парусов и новым способом засола свинины.

Туземцы, с утра до вечера вертевшиеся вокруг корабля, торгуя и просто глаза, не раз видели Кука за самыми обыкновенными делами, но это не мешало им благоговейно бросать весла и падать на дно пирога, когда он ехал в сопровождении жреца, или к его ногам каждый раз, как он проходил по берегу. Жрецы наложили табу на лагерь англичан, расположившийся рядом с кладбищем и домом жрецов, и любопытные только из-за изгороди с воткнутыми на ней священными палочками

разглядывали астрономические приборы, палатки солдат и работавших плотников. Жрецы приглашали Кука к себе в дам и угощали, вожди подносили свиней, кокосы, бананы... «В этих случаях, — пишет Кинг, ведший дневник после Кука, низшие вожди часто спрашивали у нас позволения принести дар Ороно; когда они получали разрешение на это, то подносили свинью с видом, изъясляющим застенчивость и страх»...

Через несколько дней бухта внезапно опустела, и корабли оказались без обычного продовольствия. Оказалось, что на нее наложен табу в виду приезда царя. Некоторые из туземцев пытались нарушить запрет. С «Решимости» было видно, как один из вождей возвращал отплывавших. С корабля дали выстрел из ружья, и тотчас положение было восстановлено: туземцы привезли продовольствие. Вслед за ними явился и сам царь Терреобу, скромно подплывший на пироге с женой и детьми. Осмотрев корабли, он вернулся на берег в селение Коуроуа.

Но на следующий день начались очередные церемонии. Терреобу выехал в торжественном сопровождении разукрашенных пирог. На первой ехал он сам с вождями. На всех были высокие каски и плащи из перьев. В руках — длинные копья и кинжалы. На второй — жрецы, окруженные гигантскими, сплетенными из прутьев, идолами, завернутыми в красные материи и утыканными разноцветными перышками. Сверкали на солнце глаза — перламутровые круги с черным орехом посередине, и гримасничали огромные рты двумя рядами собачьих зубов. Третья пирога была завалена грудой свинных туш и плодов. Жрецы торжественно пели. Объехав вокруг кораблей, процессия направилась к берегу, где был лагерь англичан.

Кук поехал вслед за ними и пригласил царя в палатку. Там начался обряд встречи, и Куку снова пришлось подвергнуться длиннейшему ритуалу. Терреобу надел на него свой плащ, каску из перьев и в руки дал причудливый, пестрый веер. По земле у ног капитана протянулись дорогие плащи и легли четыре свиньи, сахарный тростник, кокосовые орехи и плоды хлебных деревьев. Царь обменялся с ним именем — знак самой верной дружбы у островитян Тихого океана. Затем длинной вереницей шли жрецы. За ними слуги вели живых свиней, несли бананы и другие фрукты. Главный жрец окутал тело Кука красной материей и преподнес поросенка. Начались молитвы то порознь, то хором, скучные и длинные.

Куку было приятно лишний раз убедиться в хорошем расположении к нему туземцев. За много лет путешествий первый раз он испытывал такое спокойствие и уверенность в мирных намерениях островитян.

Все последующие дни поведение островитян оставалось тем же. Они гостеприимно принимали офицеров, сходявших на берег, угощали их и

развлекали, как могли. Капитан Клэрк был принят царем с не меньшей торжественностью, чем Кук. Туземцы устроили даже в честь англичан большое празднество. Кулачные бои длились целый вечер в присутствии громадной толпы.

Кук старался, как мог не оставаться в долгу. Он делал всяческие подарки Терреобу и его приближенным и приказывал пускать фейерверки для развлечения туземцев.

Не перечислить всех мелких услуг, оказанных Куку и его спутникам жрецами и (вождями острова... В последний день, когда капитан объявил о своем отъезде, пироги с ворохами продовольствия окружили корабли, и казалось, что туземцы решили отдать все, что у них было, лишь бы удовлетворить своих гостей. Терреобу от себя безвозмездно подарил Куку целую уйму свиней, плодов и материй и жрецы устроили торжественные проводы Ороно с разукрашенными пирогами, пением и подношениями.

Шестнадцать дней, проведенных в бухте Каракакуа заканчивались, как и начались, полным успехом многолетней работы, неопровержимым доказательством всех утверждений. Куку казалось, что он отплывает от Оугигея победителем не только над дикими племенами туземцев, но и над своими лондонскими врагами, точившими перья у письменных столов, чтобы в тупых трактатах оспаривать и осмеивать «выскочку-капитана».

Стоянка в Каракакуа затянулась. Кук не хотел терять времени: надо было объехать и исследовать другие острова архипелага и найти другую бухту, лучше защищенную, которая могла бы служить надежной, основной базой мореплавателям. При всех своих достоинствах остров Оугигей не обладал достаточным количеством леса для заготовки дров, и маленький колодезь не мог, как следует, снабдить пресной водой. За день до отъезда пришлось снять на дрова изгородь кладбища, и хорошо, что ни жрецы, ни народ не препятствовали этому. Они могли счесть это за кощунство, за оскорбление святыни, и тогда сразу нарушились бы хорошие отношения. Пожалуй, только на Оугигее и можно было позволить себе эту неосторожность. Да и запасы жителей не были так велики. Не даром они в последние дни похлопывали по растолстевшим животам матросов и недвусмысленно намекали, что хорошо откормили чужеземцев и не пора ли им ехать к себе домой. По тому, что смогли понять англичане, островитяне были убеждены, что корабли приплыли из страны, пораженной голодом, чем и объясняли худобу матросов. Вообще, трудно было решить, что делалось в этих первобытных головах и какая путаница понятий крутилась в их сознании, одурманенном религиозными верованиями и одураченном политическими ухищрениями высшего класса правителей.

Выход в море оказался неудачным. Сперва наступил штиль, задержавший корабли на двое суток. Затем показавшаяся на следующем день бухта, прельщавшая виднеющимися ручьями и хорошо защищенная, оказалась непригодной для стоянки. Сильнейший ветер с берега заставил лечь в дрейф и раскидал провожавшие пироги. Шли тучи, надвигалась гроза. Ночью разразилась буря. На «Решимости» затрещали мачты, наскоро поставленные в Америке. Брамстеньга рухнула, и надо было во что бы то ни стало скорей искать место, чтоб стать на якорь и чиниться. Итти в таком виде дальше было невозможно.

Кук должен был немедленно решиться на одно из двух: или продолжать путь с риском не найти бухты, или вернуться в Каракаса.

Все говорило за возвращение, и Куку не оставалось ничего больше, как вести корабли обратно в Каракакуа. Сильное течение относило к северу. Двое суток «Решимость» лавировала, рискуя налететь на рифы, то приближаясь, то отходя от берега. Буря угнала «Открытие». Раскаты грома и вой бури заглушали пушки. Только на третий день небо очистилось, ветер утих и корабли, найдя друг друга, вошли в бухту и стали на якорь почти на прежнем месте.

Поврежденную мачту и паруса свезли на берег, где при помощи всё тех же жрецов с их магическими палочками запретили вход за изгородь лагеря, и лейтенант Кинг с капралом и шестью солдатами разбили лагерь и стали охранять рабочих.

Первое, что бросилось в глаза англичанам, это была полнейшая пустота бухты. Изредка вдоль берега пробиралась одна или две пироги от одного селения к другому. Ни прежней встречи, ни восторженной толпы, никакой радости увидеть вернувшихся. Жрецы объяснили это отъездом царя, наложившего табу на бухту. Почему? Ни Кук, ни его спутники не верили в искренность этих объяснений. Некоторые из офицеров с первого же дня отнеслись подозрительно к такому поведению туземцев. Кук не хотел верить их опасениям, хотя сам видел, что произошла какая-то перемена, но в чем она заключалась и почему островитяне не встретили его, как раньше, он не понимал. Те немногие люди, с которыми удалось разговаривать, выказывали удивление по поводу возвращения кораблей и никакие разъяснения англичан не могли убедить их в вынужденной остановке снова в Каракакуа. Однако все эти тревожные признаки рассеялись на следующий же день, когда вернулся Терреобу и опять разрешил обмен... «Сколь трудно, — пишет Кинг, — делать бесспорные выводы из действий племени, обычаи и наречие коих известны несовершенно... Затруднения, может быть, мало заметные на первый

взгляд, встречаемые теми, кои должны определять шаги свои в положении, подобному нашему, в коем ошибка самая малая может повлечь за собою последствия самые роковые...»

Офицер, посланный с отрядом, чтобы запастись водой, пришел к Кингу с просьбой помочь ему, так как у колодца собралось несколько человек вождей, запрещающих нанятым им туземцам помогать матросам катить бочки. Офицер уверял, что поведение вождей Чрезвычайно подозрительно, и ему кажется, что они могут насильно не позволить брать воду. Кинг отправил с офицером одного солдата с ружьем и шпагой. Вскоре офицер вернулся снова и рассказал, что туземцы вооружились камнями и держат себя вызывающе. Тогда Кинг решил сам отправиться к колодцу, захватив с собой еще одного солдата. Завидев его, туземцы тотчас побросали камни и после переговоров Кинга с одним из вождей разошлись. Работа возобновилась.

В это время Кук съехал на берег и, узнав от Кинга о случившемся, приказал стрелять во всякого, препятствующего работам. Лейтенант тотчас приказал капралу зарядить пулями ружья часовых.

Наступил вечер. Пустая бухта и пустой берег притаились в тревожном молчании. Набегавший прибой тихо плескался о скалы. Силуэты кораблей покачивались на стали воды. От кладбища долетали удары топоров. Кук и Кинг шли молча к лагерю. Лейтенант хорошо знал командира. За годы плаваний изучил малейшие признаки недовольства, беспокойства, приступы вспыльчивости. По вдруг засутулившейся спине, по сдвинутым густым бровям, по неуловимой на первый взгляд резкости движений этого широкоплечего, всегда спокойного человека он угадывал тщательно скрываемое волнение. По всему было видно, что капитан сильно обеспокоен происходящим, и какая-то тревожная мысль теревит его, не давая покоя. Резкость приказа о стрельбе подтверждала предположения. Кук проверил работу плотников, зашел в дом, где чинили паруса, повторил приказ о перезарядке ружей.

Прошло не более получаса, как со стороны моря послышалась трескотня мушкетов. Стреляли с «Открытия». От корабля быстро уходила пирога. Огонь был по ней. За пирогой шла лодка с корабля, явно догоняла воров. Кук быстро зашагал к берегу. Лейтенанту приказал выслать вооруженных людей в лодке наперерез пироге. Через полминуты Кук и Кинг бежали по берегу, торопясь к месту высадки туземцев. Приходилось бежать, огибая прибрежные камни, теряя время. Туземцы успели удрать. Пустая пирога болталась у берега. Не зная, что лодка с «Открытия» уже отобрала украденное, Кук бросился по следам убежавших. Увлечшись

погоней, он был уже в трех милях от лагеря, когда сообразил, что наступает ночь и неосторожно бежать дальше. Попадавшиеся туземцы указывали дорогу беглецов, но Кук знал, что верить им в таких случаях нельзя и вернулся на берег.

Там ожидала новая неприятность. Оказалось, что офицер с «Открытия», отобравший украденные вещи, возвращаясь к кораблю, увидел бегущего Кука и решил, что должен захватить уплывшую пирогу. Когда же он хотел исполнить, свое намерение, появился один из вождей туземцев, объявивший, что пирога принадлежит ему и что он ее не отдаст. В это время подошла посланная Кингом лодка с солдатами, и спор разгорелся. Один из солдат ударил вождя веслом по голове, свалив на землю. Сбежавшись, туземцы схватили камни и забросали солдат, которым пришлось вплавь скрыться за скалой. Туземцы бросились в лодку и начали растаскивать все, что в ней осталось. К счастью, пришедший в себя вождь прекратил воровство и вернул лодку и часть вещей, уверяя в своем миролюбии. Он казался огорченным случившимся и в испуге спрашивал, убьет ли его Ороно и может ли он завтра явиться на корабль? Его постарались уверить, что он будет прощен, и, успокоившись, он даже потерял носом о нос офицера, что по обычаям острова значило полное примирение и дружбу. Теперь он ушел обратно в селение.

Доклад расстроил Кука еще больше. Он ничего не сказал, хотя видно было, что еле сдерживал себя. Тем более при солдатах, озлобленных выходкой туземцев, не место было делать выговор не в меру прыткому офицеру. Кук со своим лейтенантом сел в лодку и приказал грести к «Решимости». Звездный шатер накрыл бухту, опрокинулся в глади воды. Змеились красноватые отсветы корабельных огней. Чернели взъерошенными чудовищами молчаливые скалы острова.

— Я очень боюсь, — тихо сказал Кук, — что островитяне принудят меня принять жестокие меры... — В голосе слышалась грусть и досада. — Но, знаете, Кинг, ведь нельзя же допустить, чтобы они думали, будто взяли верх над нами?!.. — Голос звучал увереннее.

Вернувшись на борт, Кук приказал прогнать всех оставшихся там туземцев. Лейтенант Кинг проверил часы; отдал распоряжения младшим офицерам и вернулся на берег. В лагере он удвоил караулы. Предосторожность оказалась не лишней: часов в одиннадцать один из солдат заметил пятерых туземцев, ползущих вокруг кладбища. Услышав движение солдат, они скрылись в темноте. В полночь они появились снова, и один подполз совсем близко к палатке с астрономическими приборами. Часовой выстрелил. Туземцы разбежались.

Следующий день 14 февраля начался тревожно. С «Открытия» дали знать, что ночью туземцы сняли с буйка Шлюпку и увели. Это известие вывело Кука из терпения. Надо было решительно положить конец наглости островитян. Если не принять мер тотчас, показать свою слабость, туземцы, окрыленные успехом, доведут свои выходки до вооруженного нападения и, затея настоящую войну, помешают работам, не дадут продовольствия. Надо немедленно вернуть шлюпку и строго наказать виновных. Он решился на меру, не раз испытанную им и на Новой Зеландии, и на островах Товарищества: взять заложниками царя и его сыновей. Если это удастся, шлюпка будет возвращена, воры выданы, и все быстро восстановится. Лишь бы Терреобу не удрал, напуганный происшедшим.

Клэрк продолжал болеть, и Куку одному пришлось приняться за это дело. Первым его распоряжением было задержать все пироги, которые попытаются уйти из бухты. Поперек бухты стали в ряд лодки с обеих кораблей с вооруженными командами. Артиллерии приказано стрелять по убегавшим.

Около восьми часов утра Кук, лейтенант морской пехоты Филипс и девять солдат сели в лодку. Кук держал в руках заряженное пулями ружье. Стоя в лодке, отдавал последние распоряжения оставшимся на «Решимости» и лейтенанту Кингу, приехавшему с утра. Необычное слышалось в голосе капитана, его маленькие глаза беспокойно блестели, во всех движениях угадывалось плохо сдерживаемое волнение. Торопясь, он не давал говорить, перебивая... «Последние приказания, полученные мною от него: успокоить туземцев, уверяя, что им не причинят никакого зла, не разделять мой маленький отряд и быть на чеку...» Кинг вернулся в лагерь. Лодка пошла к селению Коуроуа, где жил Терреобу.

Кук сигнализировал шлюпке «Решимости», стоявшей у северного мыса, итти за ним. Сойдя на берег вместе с Филипсом и солдатами он пошел в селение.

Встреча как будто была обычной: туземцы падали ничком на землю и подносили поросят. Значит, никто не подозревал решения Кука. Вызвав сыновей царя, Кук попросил отвести его к Терреобу. Старик дремал на циновке. Кук рассказал ему про воровство, дипломатично прибавив, что не считает его виновником кражи, и пригласил отправиться с ним на корабль. Терреобу не колебался ни минуты. Его сыновья сели в лодку и ждали отца, ковылявшего рядом с Куком. Несколько человек приближенных шли сзади. В это время в бухте раздались мушкетные выстрелы: матросы с лодок обстреливали уходившую пирогу.

Шедшая за царем старуха закричала, зовя одну из жен Терреобу —

мать его двух сыновей. Та прибежала в слезах, бросилась к ногам старика, умоляя не ехать с чужеземцами. За ней следом пришли два вождя и тоже начали уговаривать не садиться в лодку и заставили Терреобу сесть на землю? Напуганные выстрелами и расставленными в бухте вооруженными лодками, туземцы толпами стали сбегаться к царю, окружая англичан. Дело принимало неожиданный оборот.

Лейтенант Филипс спросил Кука, не лучше ли вывести солдат из толпы и расставить шагах в тридцати в боевом порядке у скал на берегу моря? Кук согласился. Толпа пропустила солдат, сомкнувшись снова вокруг Кука. Он принялся горячо уговаривать Терреобу идти за ним и даже было заставил его встать, но усиливающиеся вопли женщин, крики вождей, силой удерживающих царя, заставили Кука изменить свое решение. Он сказал Филипсу, что миром ничего не сделаешь, а проливать напрасно кровь он не хочет. Дрожащий от страха старикашка, плачущие женщины были ему жалки, а угрожающие выкрики в толпе не предвещали ничего хорошего. Он решил уйти и медленно пошел к берегу вместе с Филипсом. Толпа недовольно галдела.

Кук не оборачивался. Он не видел, как опрометью бежал с другой стороны берега туземец, как, расталкивая толпу, упал к ногам царя и рассказал, что чужеземцы с лодок только что убили одного из вождей, плывшего на пироге. Он не видел, как утащили Терреобу и в один миг все мужчины, отослав женщин и детей, оказались завернутыми в боевые цыновки и вооружились пиками и камнями. Только звук бегущих за ним шагов заставил Кука обернуться. Громадного роста туземец стоял перед ним, потрясая копьём и кинжалом. Он увидел налитые кровью глаза и рот, выплевывающий неистовые угрозы. Кук крикнул на него и выстрелил дробью, не пробившей цыновки. Камни полетели в солдат. Один из туземцев замахнулся кинжалом на Филипса, но был убит ударом ружейного приклада. Кук выстрелил и пулей свалил другого. Толпа с воплем ринулась на англичан. Солдаты и матросы с лодок встретили их залпами из мушкетов. Не испугавшись огня, озверевшая толпа набросилась на солдат, не успевших зарядить ружей. Началась общая свалка.

Кук видел, как его солдаты падали под ударами кинжалов, другие бежали с лицами, облитыми кровью, и бросались в воду к лодкам. Видел, как туземец ударил Филипса кинжалом в спину, как лейтенант, стоя по колени в воде, обернулся и выстрелом из ружья убил нападавшего.

Кук подбежал к самой воде, махал руками матросам и кричал, сиюсья остановить стрельбу. Но навстречу его крикам продолжали бить залпы, кося за его спиной туземцев. Даже в эту последнюю минуту Кук пытался

остановить кровопролитие. Один на берегу, он стоял между матросами и островитянами в беспощадной попытке примирения.

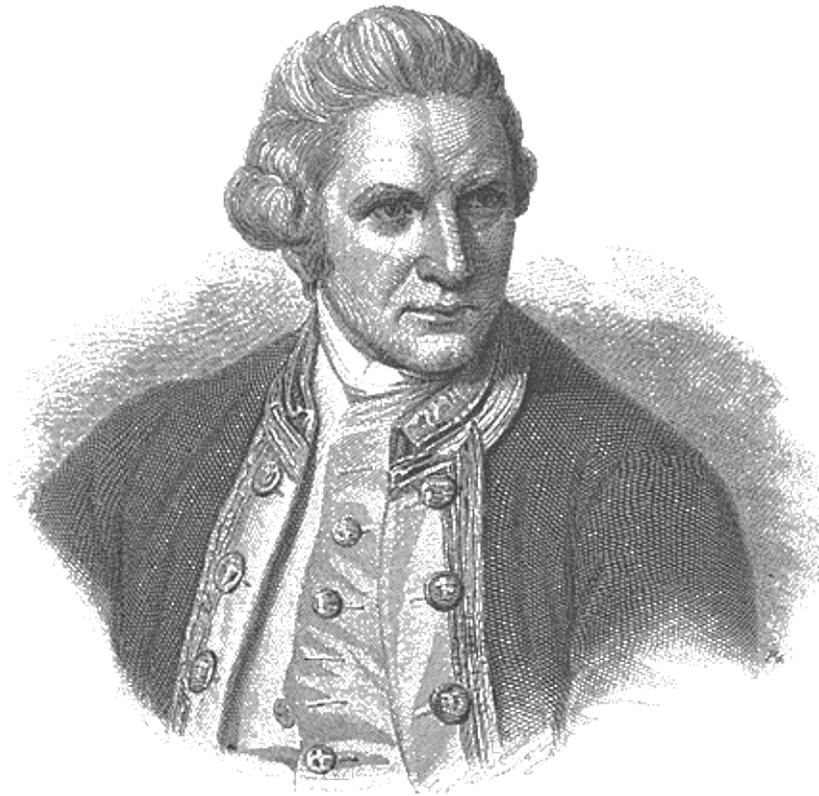
Удар в затылок, другой — в спину, третий... Рука выпустила ружье... Дикий, радостный вопль туземцев, смеющийся оскал зубов... Залп с лодок и раскат пушечного выстрела с корабля...

С лодок видели, как туземец ударил Кука копьем в голову и как капитан упал лицом в воду, как другие схватили его за ноги и поволокли к берегу, нанося удары кинжалами. Патроны были расстреляны, и лодкам пришлось отойти под прикрытием артиллерии, не подобрав убитых.

Отряд, оставшийся в лагере, кое-как отбил от нападения туземцев. Хладнокровие и умелая распорядительность Кинга, защищенность стенами кладбища спасли солдат. Пушечный выстрел с «Открытия» и ружейные залпы разогнали нападавших, ранив несколько человек.

В двенадцать часов у капитана Клэрка собрался совет офицеров. Мнения разделились. Кинг требовал немедленных строжайших мер для наказания островитян. Он горячо доказывал, что проявление слабости повлечет худшие выступления и не даст закончить работы. Ужасная судьба командира и товарища должна быть отомщена. Ему возражали. Говорили, что жестокость только озлобит туземцев, что нельзя рисковать жизнью оставшихся немногочисленных солдат, что кораблям предстоит еще далекое путешествие на север и надо всеми мерами постараться восстановить мирные отношения с островитянами как для починок и пополнения запасов, так и для получения тела капитана. Клэрк встал на сторону возражавших, и было решено послать лейтенанта Кинга для переговоров с вождями.

Кинг отправился с вооруженной командой на двух лодках. Туземцы сначала сбежали на берег с оружием и камнями, но, увидев в руке офицера белый платок, побросали пики и кинжалы и вступили в переговоры. Лейтенант объявил им, что им не сделают никакого вреда, если они немедленно вернут тело Ороно. Один из вождей ответил на это, что тело разрезано на куски и роздано царю и высшим вождям, но что он тотчас пойдет к ним и передаст просьбу. Кинг прождал больше часа и наконец послал офицера на «Открытие» спросить распоряжений. Клэрк приказал немедленно вернуться. Кинг, пригрозив туземцам уничтожением селения, вернулся на «Решимость». В тот же день туда перешел капитан Клэрр, заместивший Кука и сдавший командование «Открытием» лейтенантом Гору.

Капитан Джеймс Кук

С гравюры, хранящейся в Музее изящных искусств в Москве

Наступила ночь. На «Решимости» царило уныние. Офицеры и матросы горевали об убитых. Кто мог заменить Кука?.. На корабле удвоили вахту и поставили часовых. В глубине острова пылали костры и доносились грустные стоны женщин. Повидимому жгли трупы убитых и своих, и чужих, взывали к мести богов, приготавливали им лакомый пир. В полночь часовой с кормы обстрелял подходившую пирогу. В ней оказались жрецы, потребовавшие свидания с Кингом (туземцы считали его сыном Кука). Они сказали, что главный жрец прислал все, что осталось от убитого Ороно. Остальное у Терреобу и вождей. Жрец получил для жертвоприношения

часть тела и приказал вернуть чужеземцам. Вот она.

В тусклом свете фонаря жрец дрожащими руками развернул небольшой сверток материи. В нем лежало фунтов десять окровавленных клочков человеческого мяса... Смотревшие отпрянули в ужасе... «Возьми, — сказал жрец, протягивая сверток Кингу. Голос его дрожал. — Когда вернется Ороно? Что он сделает нам?»

Жрецы не захотели оставаться ночевать, объяснив, что приехали тайно от вождей и должны вернуться пока темно. Их успели расспросить о происходившем на берегу. Они рассказали, что в первой схватке убито семнадцать туземцев и пять вождей, а у лагеря восемь, что Терреобу спрятался в пещере высокой скалы, что вожди злоумышляют против чужеземцев.

Наследующее утро англичане тщетно ждали обещанного. Никто не явился на корабль, и только в подходивших пирогах туземцы держали себя вызывающе, потрясали оружием, выкрикивая угрозы.

Когда матросы заметили в руках одного из них шляпу Кука, которой туземец нагло размахивал, явно издеваясь, они потребовали от капитана немедленного распоряжения расправиться с обидчиком. Клэрку пришлось уступить, и пушки смели пирогу и разогнали толпу по берегу. Удержать матросов уже нельзя было. Чувство мести, накопившейся обиды требовало выхода, и когда отряд, посланный за водой, снова подвергся нападению, матросы подожгли селение, разграбили хижины, отрубили двум туземцам головы, водрузив их с торжеством на мачты. Клэрк молчал, видя свою беспомощность. Но пожар оказал неожиданное действие: царь прислал просить мира. Ему ответили, что мир будет восстановлен, как только вернут останки Кука, и в конце дня торжественная процессия потянулась к берегу. Во главе ее шел один из вождей в длинном плаще из перьев, неся что-то завернутое в материю. Он взошел на скалу и начал делать знаки, прося выслать лодку. Кинг поехал за ним. Вождь привез сверток, покрытый плащом из черных и белых перьев.

«Мы нашли в нем кисти рук господина Кука, вполне целые, мы легко узнали их по широкому шраму, разделявшему большой палец от кисти; мы нашли также голову и кость пясти со снятым мясом (волосы были отрезаны, сняты с черепа и приделаны к ушам), нижней челюсти не было; мы нашли также кости обеих рук с висящей на них кожей предплечья, кости ног, но без ступней. Связки суставов были целы. Все, казалось, побывало на огне, исключая кистей рук, сохранивших мясо, но разрезанных в нескольких местах и наполненных солью, по всей видимости, чтобы они сохранились дольше. Часть волос была вырвана

сзади, но не было заметно, чтобы череп был пробит»...

На следующее утро явился сын царя и принес оставшиеся кости, два ствола ружья, сапоги и несколько мелких вещей. Он уверял, что Терреобу хочет мира, что всему виной некоторые вожди, люди которых и увели шлюпку, и что он не может вернуть костей убитых солдат, так как они унесены туземцами в глубь страны. Клэрк отослал посланных, прося наложения табу на бухту на одни сутки.

На «Решимости» застучали топоры и молотки. Плотники сколачивали гроб. На палубах выстроились матросы и солдаты обоих кораблей. Офицеры вынесли останки убитого, закрытые британским флагом. После установленной молитвы закрыли и забили гроб. Над замершей в знойной яркости дня бухтой пронесся раскат пушечного залпа. Барабаны ударили дробь. Покачиваясь на канатах с привешенным грузом, гроб опускался к воде. Через минуту море похоронило королевского капитана Джеймса Кука.

На корабле воцарилась сосредоточенная тишина. Матросы разошлись молча, огорченные нелепой и тяжелой смертью начальника.

Офицерский совет решил немедленно уходить от острова, и в тот же день вечером (22 февраля) «Решимость» и «Открытие» вышли из бухты Каракакуа, взяв курс на север.

НАСЛЕДСТВО

ЭКСПЕДИЦИЯ продолжала свои работы. Исследовав другие острова архипелага Сэндвичевых, она двинулась к Камчатке. В Петропавловске и Большерецке, подробно ознакомилась с природой края, бытом камчадалов и русских поселенцев. Мимо острова св. Лаврентия прошла опять Беринговым проливом на север. Льды снова преградили путь, и дойдя до 70° 33' сев. ш., корабли повернули обратно. Когда в конце августа шли вдоль берегов Камчатки, умер капитан Клэрк, болевший чахоткой.

Пройдя архипелагом Курильских островов и Японии, экспедиция остановилась в Макао. Оттуда ездили в Кантон, где приобрели ряд ценнейших сведений о Китае. Затем, зайдя на Зондские острова, пошли к мысу Доброй Надежды и благополучно вернулись в Англию 4-го октября 1780 года, пробыв в путешествии четыре года два месяца и двадцать два дня.

Результаты, достигнутые Куком, были огромны. Три главных вопроса, много лет служившие предметом горячих споров ученых географов всех стран, были окончательно разрешены, фантастическое белое пятно, занимавшее на карте чуть ли не все южное полушарие, исчезло. Призрачный миф о Неведомой Южной Земле с ее богатой природой, небывалым животным миром и неограниченными возможностями развития нового государства рассеялся навсегда. Упорно снившийся делателям географии широкий судоходный пролив, разрезающий поперек Северную Америку, оказался такой же сказкой, как и толки о соединении азиатского и американского материков или, наоборот, о громадном водном пространстве, разделяющем эти два континента.

Открытие островов Товарищества, определение островного положения Новой Зеландии, исследование восточного берега Новой Голландии, открытие огромной Новой Каледонии, Георгии и Сэндвичевых островов, не считая бесчисленного числа мелких островов Тихого и Атлантического океанов, сопровождались точнейшими измерениями координат, составлением карт, уточнением и исправлением вычислений предыдущих мореплавателей и картографов. К этому присоединились богатейшие ботанические коллекции, давшие науке до полутора тысяч новых видов растений; антропология и зоология приобрели подробнейшие описания вновь открытых народностей, их вида, быта и языка; астрономия — огромное количество наблюдений, богатейший материал вычислений,

навигация — промер глубин, определение высоты и времени приливов и отливов, изучение течений и ветров, указание фарватера и условий плавания в разных широтах и в разное время года.

Кроме того, Кук был первым, обратившим внимание на сохранение здоровья моряков в различных условиях плавания. Блестящие результаты его опытов введения на кораблях антискорбутических средств открыли новые пути морской медицине^[41].

Все главнейшие отрасли знаний приобрели ценнейший и обширный материал, наука огромное поле для новых исследований. Мореплаванию были открыты новые пути, и научный и политический интерес путешествий возрос в свете новых открытий и завоеваний. Пробиваясь сквозь рутину устарелых взглядов, борясь с косностью научного консерватизма, преодолевая препятствия, расставляемые сторонниками старых традиций, и пренебрегая интересами личного благополучия, отдавшись целиком любимой работе, Кук одержал величайшую победу и встал в почетный ряд замечательных людей XVIII века.

Литература не мало черпала из путешествий знаменитого капитана. Не считая целого ряда поэм, стихотворений и похвальных слов, написанных непосредственно после его смерти, на большинстве европейских языков появились переводы его дневников и Жизнеописаний.

Спекулятивная литература, наводнившая книжные лавки, особенно после смерти капитана, на свой лад перекроила дневники, выбрала из них наиболее на свой взгляд интересные места, приправив их беззастенчивым враньем и совершенно лишив их научной ценности, скрыла самое главное: смысл путешествий автора. Особенно это касается многочисленных изданий, появившихся за границей (в Англии, видимо, испугались первых неудачных опытов, запрещенных Адмиралтейством).

Не отставали и наши отечественные издатели. В екатерининской России тоже читали о Куке и, главным образом о «диких индейцах». Ловкие составители «Описаний» наполняли объемистые книжки нелепой чепухой, нравившейся избранным читателям санкт-петербургского и московского общества. Исследования экспедиций сводились к развлекательным анекдотам, наполовину придуманным самими составителями.

Европейская литература донесла образ Кука и до позднейших своих произведений. В конце XIX века Жюль-Верн пишет о нем и его путешествиях, а в 1908 году Эдуард Пилон возвращается к нему в своей книге «Muses et bourgeois de jadis».

На фоне злейшей борьбы (классовых группировок, сложнейших

экономических сдвигов, начала грандиознейших событий и коренной перекройки Европы, разгара одной из немногих революционных, освободительных войн и, вместе с тем, на фоне решительного спора научных и философских течений, определившей резкую грань двух веков, — облик Кука, как человека, ищущего выхода из лабиринта старых традиций, преодолевшего личные интересы и выбившегося из ряда себе подобных, не мог и не может не заинтересовать писателя. Сросшись с буржуазными классами, Кук добросовестно выполнил их задания, и выдвинувшись своей крепкой волей и необычайными способностями, отдал их на служение этим классам, открыв новые пути хищническому колонизаторству Англии.

Открытые им земли стали базами капиталистической Англии, закрепившей силой оружия колониальное рабство новых народов. В 1788 году английская эскадра высадила на юго-восточном берегу Австралии восемьсот преступников. Острова Норфольк и Тасмания стали тоже местами ссылки. Английские миссионеры, тюремщики и купцы были первыми основателями новых городов и колоний. Золото, медь и уголь, шерсть и дерево, добытые принудительным трудом туземцев, дали уже к концу XIX века до ста миллионов дохода.

Золотоносные земли Новой Зеландии, занятые торговыми компаниями в тридцатых годах, упорно завоевывались крестом и оружием у непокорных островитян в течение двадцати лет, пока тоже не стали богатейшим источником золота и шерсти, не застроились фортами и портами английского капитала. Пять обширнейших австралийских колоний и острова Океании стали на ряду с Индией крупнейшей военно-морской и торговой базой Англии. «Мирные» завоевания Кука быстро претворились в хищническую политику европейских промышленников, практически, «по-деловому» взявшихся за управление и эксплуатацию новых земель и обращение туземцев в покорную рабочую силу. Та же участь постигла и Новую Гвинею с ее золотом, жемчужными раковинами, кокосовыми и сандаловыми пальмами, «по-деловому» взявшихся за управление и эксплуатацию новых земель и обращение туземцев в покорную рабочую силу. Та же участь постигла и Новую Гвинею с ее золотом, жемчужными раковинами, кокосовыми и сандаловыми пальмами.

Так, по следам Кука торговые компании добрались и до Новой Каледонии, где «усмирили» диких людоедов, настроили часовен и контор и начали разработку никеля, хрома и кобальда, разведение кофейных и сахарных плантаций, риса, бананов и кокосовых пальм. Прошло столетие, и капиталистическая Франция воздвигла на острове каторжную тюрьму и

замучила в ней героических коммунаров семьдесят первого года, дерзнувших восстать против прав капитала, в защиту угнетенного пролетариата.

Тринадцать американских штатов, восставшие в 1774 году против хищнической политики английского капитала, против торийского министерства Норта, душившего колонии налогами и пошлинами, успешно вели борьбу с британскими войсками. Взбудоражив Европу, война подняла бурю международного конфликта, раскидавшую хрупкие устои политического строя. Первоначальная победа британского оружия обратилась в поражение под натиском франко-американского союза, усилившегося в семьдесят девятом году участием Испании. Сомкнувшись в «вооруженный нейтралитет», северные морские державы, во главе с Россией, грозили новыми осложнениями. Метавшееся в беспомощности английское правительство объявило войну Голландии, примкнувшей к Северному союзу. Война с Америкой затягивала петлю. Внутри страны бушевали мятежи. Ирландцы и шотландцы подняли знамена восстания, требуя свобод, прав уничтожения наместничества, торговых льгот. В индийских колониях вспыхнула война с магаратскими и майзорскими правителями, пытавшимися сбросить ненавистное иго англичан. Парламентская оппозиция кричала о либеральных реформах, требуя отставки торийских министров. Борьба партий, громадные убытки, понесенные торговым капиталом, и пугающий призрак революции принуждали к скорейшему заключению мира какой угодно ценой.

Открытие Кука несколько уравнило баланс колониального хозяйства Англии, возместив потери в Америке. В разгаре войны раздавались голоса, напоминавшие о Путешественнике и пытавшиеся оградить экспедицию от неприятных случайностей. Пути кораблей Кука разошлись с путями военных флотилий, и неизвестно, имели ли бы силу красноречивые воззвания высоких ревнителей науки, либерально пренебрегавших дипломатическими условностями, но два официальных письма напомнили миру о двух невоюющих кораблях.

Европа не знала еще о смерти Кука, когда знаменитый ученый Веньямин Франклин, первый посол Соединенных Штатов во Франции, писал из Пасси 10 марта 1779 года:

«Всем капитанам и командирам вооруженных кораблей, по поручению Конгресса Соединенных Штатов Америки, находящейся ныне в состоянии войны с Великобританией.

Господа, Англией перед началом настоящей войны был снаряжен

корабль под водительством знаменитого капитана Кука для открытия новых земель в неизвестных морях, и как оное предприятие, само по себе похвальное, может умножить знания географические, облегчить взаимное сообщение отдаленных народов для обмена товарами, а равным образом и произведениями искусства, способствующими жизненному счастью, и, наконец, распространить успехи полезных человеческому роду наук, я очень желаю, чтобы те из вас, кои повстречают корабль капитана Кука, ныне ожидаемый в морях европейских, не считали бы его за врага и не потерпели бы разграбления вещей им везомых, ни противления его прямому возвращению в Англию, но чтобы вы, наоборот, обошлись с капитаном Куком к его спутникам учтиво и доброжелательно, оказывая, как друзьям человечества, всякую помощь, от вас зависящую. Поступая так, я уверен, вы последуете не только движению собственного великодушия вашего, но и получите одобрение Конгресса и всех американских судовладельцев.

Имею честь быть, господа, вашим нижайшим и покорным слугой

В. Франклин, полномочный министр Конгресса Соединенных Штатов Америки при Французском дворе».

Спohватившиеся министры христианнейшего короля Франции решили поддержать славу французского просвещения и через неделю после Франклина тоже составили письмо за подписью морского министра Сартина на имя всех командиров французских военных кораблей, в котором говорилось о фрегате «Решимости» и «Открытии», отправившихся делать открытия «у берегов, островов и в морях Японии и Калифорнии», о воле короля, предписывающей обращаться с капитаном Куком как с командиром нейтральной и союзной державы и при встрече с ним сообщать ему о приказании короля на его счет с оговоркой, чтобы и он воздержался от каких бы то ни было неприязненных действий.

Франклин действовал на свой риск. Он не упомянул даже о капитане Клэрке. Конгресс же, узнав о содержании письма, выразил неудовольствие своим послом, поставившим интерес науки (выше интересов политики). Самочинное распоряжение было тотчас же отменено, и Конгресс издал приказ, вменявший в обязанность командиров американских судов захватить корабль капитана Кука. Путешествие англичан вдоль западных берегов Америки не нравилось правительству Штатов. Так же повела себя и Испания, боявшаяся открытия северного прохода англичанами, успешность которого грозила ее американским колониям. Морской министр отклонил все попытки ученых составить письмо в духе

Франклина.

Когда наконец печальное известие дошло до Англии, лондонское общество захлебнулось в похвальных словах, речах, некрологах. В парламенте и салонах говорили только о Куке. Именитые лорды произносили выпренные речи, доходя до цитат из Библии, сравнивавших отважного капитана чуть ли не с самим богом, модные поэты, декламируя оды в честь Кука, называли его «Нежный». Анна Мор, Фиц-Джеральд Грэсинн, Елена Вильямс, Сэвард посвящали ему сотни стихов. Королевское общество отчеканило золотые и серебряные медали с профилем капитана. Медали были преподнесены французскому и польскому королям и русской царице^[42]. Жена Кука и Франклин тоже получили медали. Не забыли и первого лорда Адмиралтейства, с полным сознанием своего достоинства милостиво принявшего «заслуженную» награду. Семью капитана обеспечили пожизненной пенсией и половиной дохода с издания последнего путешествия. Сэр Хьюг Палиссер трогательно воздвиг в саду своего Букингемширского поместья колонну с высеченным на Ней похвальным словом другу. Французские и итальянские академики сказали блестящие речи.

Все официальные приличия были соблюдены. Национальная гордость леди и джентльменов была удовлетворена. В тревожную пору войны и надвигавшихся туч из Франции внимание общества не могло быть долго занято судьбой Кука. И так, оно сделало все, что могло для увековечения его памяти. Несмотря на все его заслуги и полную самоотверженность, делу буржуазии, оно не могло забыть его «темного происхождения» и «лучшие люди» государства снизошли к «сыну батрака» только потому, что он всю свою жизнь служил их интересам.

Грянувшая французская революция не на шутку перепугала английскую буржуазию. Либералы оппозиции наскоро запрятали проекты реформ и протянули руку «друзьям короля». Аристократы и купцы, интеллигенты и чиновники заключили оборонительный союз. Споры партий были забыты в страхе надвигавшейся опасности. Тори и виги трогательно братались. Настал долгожданный час короля Георга.

Казнь Людовика XVI вывела Англию из нейтральной позиции. Французский посланник был удален из Лондона. Парижский Конвент объявил войну.

Англия была верна себе. Она побеждала на море, устремив удары на французские колонии Ост-и Вест-Индии. Внутри страны шипела ненависть народа, задавленного голодом и дороговизной, и тщетно выплескивалась восстаниями, приглушаемыми жестокими расправами, Парламент принимал один за другим исключительные законы. Поворот дел во Франции, египетский поход Бонапарта ухудшили положение, а восстание «соединенных ирландцев» зажгло гражданскую войну. Королевское правительство кровью загасило революционное пламя и купило ирландскую буржуазию, предавшую народ.

На континенте гремело имя Наполеона. В новый век Англия вступила под грохот пушек, оглашавший Европу. Неудачные договоры отнимали колонии в пользу Франции, Испании и Голландии. Французская империя грозила закрыть европейские гавани. В 1803 году Англия снова объявляет войну Франции. Неудачный премьер Аддингтон уступает свое место Питту, ушедшему в отставку два года назад. Буржуазная Англия видит в нем своего спасителя. Питт объявляет войну Испании и заключает союз с Россией. Адмирал Нельсон топит испанско-французский флот при Трафальгаре. Но Бонапарт бьет союзников на континенте и объявляет блокаду европейских гаваней и все английские суда и товары — общей добычей. Тильзитский мир и неожиданная дружба России с Францией снова изолируют Англию и министерство Фокса и Гренвилля, заменившее умершего Питта, неумело лавирует между гибельными рифами политики.

Торговый капитал терпел громадные убытки, и правительство ввязывалось в войну, чтобы поддерживать хоть контрабандную торговлю. Чтобы удержаться на море, оно выжимало из страны последние соки, душа народ всевозможными налогами и пошлинами.

Венский мир был началом победы. Моря и гавани открылись. Англия выдвинулась снова в первый ряд европейских держав. Огромные колониальные приобретения, закрепленные окончательным разгромом Франции при Ватерлоо и общим миром, восстановили могущество Великобритании. Главный конкурент был побежден. Канада, Южная Африка, Индия и Австралия становятся богатейшими базами английского промышленного капитала. Техническое превосходство над другими странами вытесняет конкурентов. Английские товары забивают мировой рынок. К середине XIX века колониальная экспансия Англии достигла своего полного расцвета. Промышленный капитал занял господствующее положение. Дешевизна колониального сырья и ввоз продовольствия значительно снизили цены. За счет громадных грабительских барышей промышленников и даровых рабочих рук тысяч колониальных рабов

несколько повысился уровень жизни рабочего класса Англии. Революционные движения потухали, затоптанные сапогом капитала.

Британский лев, лоснящийся и сытый, благодушно задремал, облизываясь окровавленным языком.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kippis A. «Vie de Cook» trad. Castera (Paris 1789).
Kytson. Biographic du capitaine Cook.
Описание жизни и всех происшествий английского мореходца капитана Кука. Спб. 1790.
Путешествие к южному полюсу. Спб. 1780.
Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оногo в 1772–1775 г. Спб. 1797.
Путешествие в Северный Тихий океан с 1776 по 1780 гг Спб. 1805.
Последнее путешествие около света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти. Новое издание. С прибавлением подробного описания острова Таити и обзрения всех вообще американских областей. Спб. 1788.
Путешествие около света капитана Кука. Спб. 1789–1793.
Соек. J. Voyage dans l'hémisphère australe et autour du monde 1772–1780. (Trad. de l'angl. par Suard) Paris. 1778.
Cook. J. Troisième voyage de Cook ou voyage à l'océan Pacifique en 1776–1780. (Trad. de l'angl. par Suard) Paris. 1785.
Forster G. Voyage autour du monde dans la fregate «la Resolution», v. 1 — 11. Paris. 1777.
Forster J. R. Observation faites pendant un Voyage autour du Monde sur la Physique, la Géographie, l'Histoire naturelle et la Morale. Paris. 1777.
Нашу. Cook et. Dalrymple. Discours. Paris. 1879.
Hawkesworth Premier voyage de Cook. (Relation des voyages trad. par Suard. 1–4. Paris. 1784).
Histoire générale des voyages, t. XVIII. Paris.
Histoire d'Alexis Goodman tirée des manuscrits du feu capitaine Cook. Trad. do l'angl. à Genève. 1781.
Некрасов А. В поисках южного материка (пред. проф. Григорьева) М. «Мол. гвардия» 1929.
Чуковский Н. Капитан Кук. М.—Л. ОГИЗ. 1930 (Детская б-ка).
Шульце-Мезье. Фр. Остров Пасхи. Пер. с немецк. Г. И. Ярхо М.—Л. «Мол. гвардия». 1931.
- Coxe W. Les nouvelles découvertes des Russes entre l'Asie et l'Amérique, avec l'histoire de la conquête de la Sibérie et du commerce des Russes et des

Chinois. Paris. 1781.

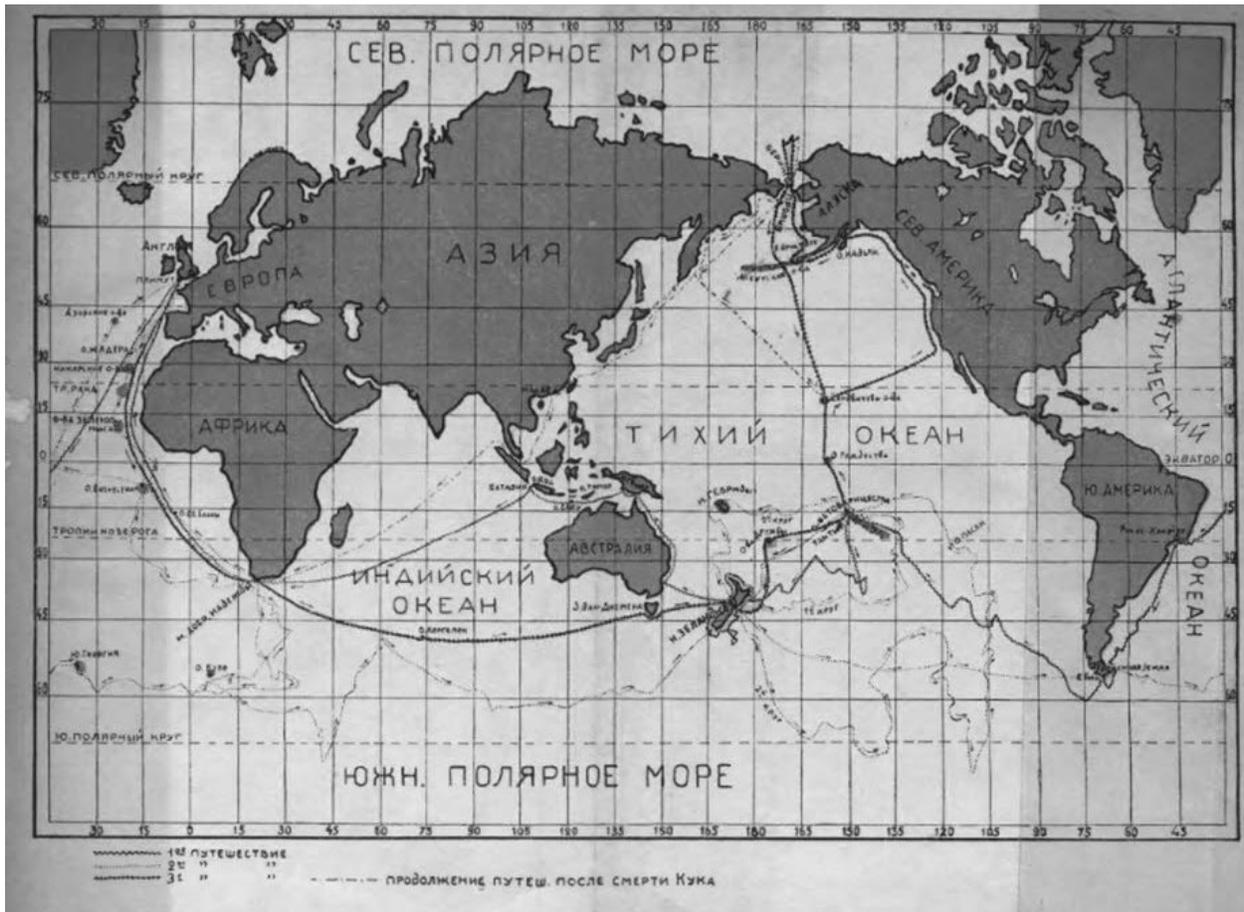
Берг Л. С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. М. 1924..

Pigaletta A. Premier voyage autour du monde sur l'escadre de Magellan pendant les années 1519.20.11 et 22 (trad. par Amoretti). Paris l'an IX.

Bouganville L. A. Voyage autour du monde 1766–1762. Paris.

Phipps J. Voyage au pôle boreale entrepris par ordre du Roi trad. en. fr. par Fleuriers et Demeunier. Paris. 1775.

Большая советская энциклопедия, т. 7, ст. «Британская империя».

notes

Примечания

Стюарты — шотландский дворянский дом. В 1379 г. один из Стюартов стал правителем Шотландии. В течение трехсот лет Стюарты вели постоянную борьбу с феодальным дворянством — баронами и с английскими королями. В начале XVII века Иаков VI Стюарт стал королем Англии, Шотландии и Ирландии, установив неограниченную власть монарха вопреки политическим традициям Англии. В союзе с англиканской церковью Стюарты боролись с аристократами и народом за права короны, результатом чего было возникновение сильной оппозиционной партии, приведшее к революции 1649 года, свержению и казни короля Карла I. До 1658 г. Англией управлял сперва парламент, затем Кромвель, принявший титул лорда-протектора и фактически королевскую власть. После смерти Кромвеля страной управляла военная клика генералов, а весной 1660 г. состоялось провозглашение парламентом, где в большинстве были сторонники старого режима, Карла II Стюарта королем Англии. В дальнейшем, сплетясь с борьбой католицизма с протестантством, возникла борьба королевских династий, завершившаяся вступлением на престол в 1714 г. курфюрста ганноверского Георга I, родоначальника современной королевской династии Англии.

Квебек — в XVIII в. главный укрепленный город французских колоний на восточном побережье Северной Америки. Основан французами в 1608 г. В 1629 г. был взят англичанами, затем возвращен Франции в 1632 г.

Монморанси и Бопор — командующие морскими и сухопутными силами французской армии.

Монреаль — город на острове того же названия. Основан в 1640 г. французами; взят англичанами в 1760 г., затем американцами в 1775 г. Скоро снова перешел к англичанам. С 1843 г. стал столицей Канады. С 1852 г. уничтожен пожарами и восстановлен. Но столица была перенесена в Квебек.

«Северный британец».

Тори — название консервативной партии, возникшей в 1679 году и отстаивавшей права англиканской церкви и монархии. Виги — либеральная партия, возникшая одновременно с тори, поддерживала протестантское движение и боролась против абсолютизма королевской власти. В конце XVIII века партия вигов включала богатых землевладельцев и крупную буржуазию.

7

Это название было дано Куком в 1769 г.

Со времени Колумба, назвавшего так жителей Америки, этим именем стали называть всех туземцев вновь открываемых стран.

В дневниках Кука и его жизнеописаниях остров называется «О-Таити». Название это Кук узнал 10 мая от туземцев и сохранил его.

Таблица составлена Грином на о. Таити.

Прохождения Венеры бывают только 4 раза в течение 243 лет, так как 243 г. составляют 152 синодических оборота планет. Первое прохождение Венеры наблюдали в Англии Горроке и Крабтри 4 декабря 1639 г. Прохождения Венеры бывают в июне и декабре через промежутки в 8, 122, 8, 105 лет. Прохождения Венеры дают возможность точного вычисления так называемого параллакса солнца — единицы всех небесных расстояний. Прохождения Венеры будут в 2004 и 2012 годах.

Неведомая Южная Земля.

В честь Генеральных штатов (парламента). Архипелаг, открытый Куком, был впоследствии назван Новой Зеландией.

Теперь — Новый Валлис.

Фердинанд Квирос — испанский мореплаватель начала XVII в., в поисках Южного материка открывший Гебридские острова, названные им о-вами Св. духа. Описал свое путешествие (изд. в Амстердаме в 1613).

Температура указывается по термометру Фаренгейта

Монтескье — «Дух законов».

«Общественный уведомитель».

Лорд Графтон вел свой род от побочного сына короля Карла II.

Исследования Джона Тайлора в его книге «Юниус, отождествленный с известной живой особой» (1816), доказали, что под псевдонимом «Юниус» скрывается Филипп Фрэнсис — член парламента и секретарь Питта.

Собрание писем Юниуса было напечатано в «Public Adv» в 1772 г. Повторные издания 1797, 1812, 1813, 1822, 1850 и 1873 гг. Переводы писем имеются на многих языках, кроме русского. Толидо в книге «Периодическая печать на Западе», СПб, 1901, (стр. 418–426), кратко изложено их содержание.

Ив Жозеф де Кергелен (1745–1797) — вице-адмирал французского флота, совершил путешествие по Тихому океану и в 1772 г. открыл остров, названный его именем. Кергелен описал свое путешествие в книге: «Voyages dans les mers australes et des Indes» (1782).

О. Тасмания, открытый Тасманом в 1642 г. и названный им землей Ван-Диемена в честь губернатора Батавии. Островное положение Тасмании было окончательно доказано Бассом в 1758 г.

Предполагалось отправить корабли в марте.

Луи Антуан де Буганвилль — французский мореплаватель, первый из французов, совершивший кругосветное путешествие. Сделал много открытий в Тихом океане. Свое путешествие описал в книге «Relation du voyage autour du monde», доставившей ему большую славу мореплавателя и ученого. Во время американской войны Буганвилль командовал одной из французских эскадр.

Гр. Бристолю — один из лордов Адмиралтейства.

Карл-Фридрих Беренс — спутник Роггевена, описал свое путешествие в книге: «Der Wohlversuchter Südländer» (Leipzig, 1738). Якоб Роггевен (1669) — голландский мореплаватель, в 1721 г. отправившийся в путешествие для открытия новых стран в южном полушарии. Достиг 62° южн. ш. Открыл острова Пасхи и ряд островов Полинезии и Австралии. Неточность определения местонахождения новых земель снижает значение его открытий. Описанные им самим путешествия изданы на голландском языке в Догрехте.

Альваро Мендана де Нейра — испанский мореплаватель, предпринявший в 1568 г. путешествие в Тихом океане, выехав из Перу. Он открыл Соломоновы острова. Результатом его второго путешествия с Квиросом в 1594 г. было открытие группы островов, названных его именем впоследствии Маркизских. В эту группу входят пять островов: Магдалена, Сан-Педро, Доминика, Санта Кристина и остров Гуд, открытый Куком.

Это издание имеется в Ленинской публичной библиотеке в Москве. Портрет Кука в молодости и эпизоды путешествия, зарисованные Ходжесом, воспроизводятся нами здесь по гравюрам этого издания.

«В царствование Людовика XV, короля и государя французов, Де-Буан, королевский секретарь по морским делам, в годы 1772 и 1773».

«Корабли «Решимость» и «Открытие» короля Великобритании.
Декабрь 1776».

«Христос победил».

«Карл III, император. 1774».

«Георг третий, король в годы 1769...»

«Да, сударь...» «Прошу вас, сударь...»

Георг третий король, 2 ноября 1777.

Корабли:

«Решимость», Дж. Кук, команд.

«Открытие», К. Клэрк, команд.

Мюллер — немецкий ученый, первый составитель описаний открытий русских мореплавателей (1741).

Эта река впоследствии была названа рекой Кука.

Штелин — академик, советник царицы Екатерины II, написал небольшую книгу о путешествиях русских на Камчатку и о-ва Берингова моря. Работа эта чрезвычайно поверхностна, она не включает в себе ни выдержек из судовых журналов, ни подробностей пути. Приложенная карта весьма неточна. Издана на немецком языке.

Серафим Григорьевич сын Измайлов.

Октант — угломерный прибор, снабженный восьмой частью круга.

За все время последней экспедиции болело и умерло на обоих кораблях пять матросов.

Екатерина II передала эту медаль в Музей Российской Академии наук.